

*Альманах издан при поддержке
народного депутата Украины
Сергея Рафаиловича Гриневецкого*

Асоціація європейської культури
«Золота акація»

***ПІВДЕННИЙ ЗАХІД.
ОДЕСИКА***

**ІСТОРИКО-КРАЄЗНАВЧИЙ
НАУКОВИЙ АЛЬМАНАХ**

ВИПУСК 14

Одеса
«Друкарський дім»
2012

Ассоциация европейской культуры
«Золотая акация»

***ЮГО-ЗАПАД.
ОДЕССИКА***

**ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
НАУЧНЫЙ АЛЬМАНАХ**

ВЫПУСК 14

Одесса
«Печатный дом»
2012

УДК 930.152.066

ББК 84(4Укр=Рус)6-50д

Ю 16

Главный редактор: Савченко В.А., кандидат исторических наук, доцент, писатель.

Редакционная коллегия:

Бажан О.Г., кандидат исторических наук, доцент (Киев);

Гонтар А. В., доктор исторических наук, профессор;

Гончарук Т.Г., доктор исторических наук, профессор,

Демин О. Б., доктор исторических наук, профессор;

Добролюбский А. О., доктор исторических наук, профессор;

Михайлуца Н. И., доктор исторических наук, профессор;

Урсу Д. П., доктор исторических наук, профессор;

Цвилюк С. А., доктор исторических наук, профессор;

Хмарекский В. М., доктор исторических наук, профессор.

Рецензент: Яневский Д. Б., доктор исторических наук, профессор (Киев).

Контактный телефон редакции и секции «Одессика» Одесского Дома ученых: 050 – 3922731

Південний захід. Одесика.

Ю 16 Історико-краєзнавчий науковий альманах. – Вип. 14.

– Одеса: Друкарський дім, 2012. – 292 с.

ISBN 978-966-389-291-8

На 1-й странице обложки – Граф А. Ф. Ланжерон (портрет из фондов ОИКМ)

На 4-й странице обложки – Карта Бессарабской губернии (кон. 19 в.)

ISBN 978-966-389-291-8

© Савченко В. А., составитель, 2012

Вступне слово С. Гриневецького	7
ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ – 80	
Филипенко А. Одесская область на рубеже XX-XXI столетий. Часть вторая	9

200 ЛЕТ БУХАРЕТСКОМУ МИРУ

Русев Н. (Кишенев) Гибель Буджакской орды и освоение юга Бессарабии Российской империей	26
Гросул В. (Москва) Бухарестский мир 1812 г. и формирование новой Юго-Западной границы Российской империи	37
Назария С. (Кишенев) Соглашение «Раковский – Авереску» от 5-9 марта 1918 г. об очищении Бессарабии румынской администрацией и войсками и его интерпретации в современной историографии	77

СТЕПИ ЛУКОМОРЬЯ

Циганенко Л. (Ізмаїл). Торговельно-комерційна діяльність бессарабських купців	92
---	----

ОДЕССКИЕ ДРЕВНОСТИ

Гончарук Т. Кілька розпоряджень місцевої влади щодо відкриття та облаштування першого кордону одеського Порто-Франко у 1819 – 1821 рр.	109
Гава О. Музейний експонат – как первоисточник по изучению истории Одессы конца XVIII века.	
Музичко О. Процес впровадження україністики та україномовної освіти у Новоросійському університеті на початку XX ст.	131

КРАЙ В ЕПОХУ ДИКТАТУР

Тюрменко І. (Київ) Трансформації шкільної освіти України у 1920-х роках	150
Савченко В. Одесские меньшевики в «красном подполье» (1920 – 1927 гг.)	159
Бажан О. (Київ). «Великий терор» на Одещині: соціальні, етнічні та регіональні аспекти	181

Урсу Д. Генетика в Одессе: сто лет борьбы,
побед и поражений 210

ЛИЦА ЗЕМЛЯКОВ

Ложешник А. М. Р. Кантакузен як отаман Бузького
козацького війська 258

Левченко В., Петровский Є. Исай Павлович Шмидт
(1895–1975): первый ректор Одесского
государственного университета 266

ДОРОГІ ДРУЗІ!

Щиро вітаю Вас із виходом нового, чотирнадцятого випуску історико-краєзнавчого альманаху «Одесика. Південний Захід»!

Нинішній рік багатий на ювілеї. Так, у травні минуло 200 років з часу укладання Бухарестського миру, за яким землі Бессарабії увійшли до складу Російської імперії. Суперечки, що розгорнулися між істориками Румунії, Молдови, України, Росії та інших країн навколо відзначення цієї дати, засвідчили, що історичні дослідження, на жаль, не позбавлені політичної упередженості, і що потрібна чимала робота для пошуку історичної істини.

В історії Українського Придунав'я багато цікавих, драматичних і героїчних сторінок, які потребують сьогодні прискіпливого та безпристрасного дослідження, особливо в контексті ще одного історичного ювілею — 80-річчя створення Одеської області. Адже цей край — унікальна лабораторія міжнаціонального миру та злагоди, що має давні традиції співіснування представників різних народів. Водночас — це південний форпост України у відносинах з Європейським Союзом, який потребує окремої уваги з боку держави. Присмно, що редакція альманаху «Одесика. Південний Захід», продовжуючи традицію тематичних випусків, приділила увагу питанням історії Придунав'я, так само, як і іншим сторінкам історії нашого регіону.

Бажаю авторам та читачам альманаху нових творчих звершень, невтомності у пошуку, безпристрасності в оцінках!

Народний депутат України Сергій Гриневецький

*Артем Филипенко,
директор Регионального филиала
Национального института
стратегических исследований в г.Одесса*

**ОДЕССКАЯ ОБЛАСТЬ НА РУБЕЖЕ
XX-XXI СТОЛЕТИЙ.
ЧАСТЬ ВТОРАЯ**

2002 год прошел под знаком парламентских и местных выборов. В выборах приняли участие 33 субъекта избирательного процесса – партий и блоков. В конце 2001 г. состоялось формирование политического альянса провластных сил «За единую Украину!», в которую вошли Аграрная партия Украины (председатель – М. Гладий), Партия регионов (председатель – Н. Азаров), Партия промышленников и предпринимателей (председатель – А. Кинах), Народно-демократическая партия (председатель – В. Пустовойтенко), Партия «Трудовая Украина» (председатель – С. Тигипко).

Одновременно вокруг экс-премьера Виктора Ющенко формируется Избирательный блок политических партий «Блок Виктора Ющенко «Наша Украина» (Конгрес Українських Націоналістів, Ліберальна партія України, Молодіжна партія України, Народний Рух України, Партія «Наша Україна» (Партія «Реформи і порядок»), Партія «Солідарність», Партія Християнсько-демократичний союз, Політична партія «Вперед, Україно!», Республіканська християнська партія, Українська Народна партія (РУХ (Український Народний Рух)).

Программа «Региональной инициативы»

9 февраля 2002 г. председатель Одесской облгосадминистрации Сергей Гриневецкий представил региональную предвыборную программу блока «За единую Украину!». Программа предполагала широкий перечень мероприятий по разви-

тию Одесской области. Она была сформирована с выделением «болевых точек» развития области и была сориентирована на максимальную конкретизацию предлагаемых решений.

В своем выступлении Сергей Гриновецкий, в частности, отметил, что «ключевым для региона остается функционирование дунайской транспортной артерии». Среди первоочередных мероприятий по развитию морехозяйственного комплекса должно было стать строительство глубоководного судоходного хода Дунай – Черное море через украинскую территорию. «Это позволит, – отметил С. Гриновецкий – не только уменьшить затраты украинских судовладельцев, но и улучшить ситуацию в дунайских портах, от эффективной работы которых зависит благополучие десятков тысяч семей в Украинском Придунавье» [1].

Негативно влияет на социально-экономическую ситуацию в регионе – заявил губернатор – и отсутствие надежного железнодорожного сообщения Придунавья с другими районами Одесской области и Украиной в целом. Поэтому на протяжении четырех лет предлагалось реализовать проекты, способствующие развитию транспортной сети региона и ее интеграции в систему международных транспортных коридоров: – увеличение пропускной способности железнодорожных узлов, в частности, реконструкция железнодорожной колеи Одесса-Измаил, действующих железнодорожных станций и вокзалов; – строительство нового участка автотрассы Одесса-Рени вне украинско-молдавской границы в районе села Паланка; – реконструкция Одесского и Измаильского аэропортов в соответствии с действующими европейскими стандартами,

Среди ключевых проблем, которые необходимо решить в ближайшее время, С. Гриновецкий определил увеличение энергетической самодостаточности области. «Именно отсутствие такой самодостаточности, – подчеркнул он, – является одним из главных тормозящих факторов развития региона. Энергетические потребности Одесской области только на 4% обеспечиваются из собственных источников. Наиболее острой явля-

ется проблема электроснабжения южной части Одесской области, которое осуществляется от Молдавской ГРЭС. Не менее сложной остается ситуация и в самой Одессе. Изношенность оборудования на территории, которая обслуживается Одесской городской компанией по распределению электроэнергии превышает 50%. Это приводит к неоправданным потерям электроэнергии, частым отключениям населенных пунктов от электроснабжения, подорожания коммунальных услуг и, в целом, негативно влияет на ситуацию в регионе» [2].

В агропромышленном комплексе одним из приоритетов была определена мелиорация земель. «Мелиорированные земли, — подчеркнул С. Гриневецкий, — составляют 10 процентов от общей площади сельхозугодий. Однако из-за отсутствия средств последние десять лет мелиоративные системы почти не ремонтировались, парк мелиоративных машин не возобновлялся. Износ объектов водохозяйственного комплекса составляет более 50 процентов. Все это ведет к сокращению производства и деградации земель».

Одним из острейших вопросов, по мнению губернатора, оставалось обеспечение населения качественной питьевой водой. «Сегодня централизованным водоснабжением, — отметил в своем выступлении Сергей Гриневецкий, — охвачено только 57 процентов сел, причем в 83 из них вода не соответствует требованиям государственного стандарта. 124 села в 18 районах пользуются привозной водой» [3].

В итоге региональная программа блока «За единую Украину!» трансформировалась в программу «Региональная инициатива», состоящую из 20 пунктов: — реформирование системы оплаты труда; — создание новых рабочих мест и стимулирование развития малого и среднего бизнеса; — финансовая поддержка сельского хозяйства; — продолжение газификации сел и поселков Одесской области и старейшего города области Белгород-Днестровский; — обеспечение централизованным водоснабжением 82 населенных пункта в наиболее критических районах области, окончание строительства Ки-

лийского, Днестровского, Суворовского и Татарбунарского групповых водопроводов; — реконструкция водоочистной станции «Днестр» для обеспечения качественной питьевой водой города Одесса и других населенных пунктов; — решение вопроса стабильного функционирования дунайской транспортной артерии путем строительства канала Дунай — Черное море по украинской территории; — возрождение украинского морского флота; — развитие инфраструктуры железнодорожного и автомобильного транспорта, реконструкция железнодорожной колеи Одесса-Измаил; — реализация комплексной программы «Мелиорация Одесщины 2001-2010 года»; — принятие Закона Украины «Об экономическом эксперименте по стабилизации работы предприятий станкостроительной промышленности Одесской области»; — реформирование жилищно-коммунальной отрасли; — обустройство государственной границы, улучшение материального обеспечения пограничников и решение проблемы обустройства о. Змеиный; — усиление энергетической самодостаточности области: реконструкция Одесской ТЭЦ, обновление электроэнергетического оборудования, строительство в Измаильском энергорайоне паро-газовой тепловой электростанции, которая позволит значительно улучшить энергообеспечение южных районов области; — решение проблемы трудоустройства молодежи, выпускников вузов и средних специальных учебных заведений; — сохранение историко-архитектурного и культурного наследия Одесщины: продолжение реконструкции зданий театров, музеев и культурных центров, поддержка талантливой молодежи; — улучшение медицинского обслуживания сельских жителей, реализация законов Украины «О статусе ветеранов войны, гарантии их социальной защиты» и «Об основных принципах социальной защиты ветеранов труда и других граждан пожилого возраста», обеспечение центральных районных больниц современным оборудованием, а также ремонт и строительство новых школ; — утверждение межнационального мира и согласия; — решение социально-экологических проблем на-

селенных пунктов, расположенных вокруг озера Сасык и придунайских озер, возрождение лесов на севере области, пострадавших вследствие стихийного бедствия в ноябре 2000 г.; – возрождение лечебных курортов Одесщины.

В программе были представлены расчеты объемов финансирования, которые необходимо было привлечь из бюджетов разных уровней, государственных целевых фондов и других источников. Одной из особенностей этого документа было то, что за каждым пунктом программы, утвержденной окончательно распоряжением облгосадминистрации от 12 февраля 2003 г. были закреплены соответствующие исполнители. Таким образом была создана система отчета об исполнении программы.

Выборы – 2002

31 марта 2002 г. состоялись выборы в Верховную Раду Украины и местные советы. В Одесской области в голосовании приняли участие 1 135 656 жителей (61,8%). Стоит отметить, что парламентские выборы проходили по смешанной системе – 50% избиралось по одномандатным (мажоритарным) округам, 50% – по партийным спискам. Результаты выборов в многомандатном округе выглядели следующим образом: Коммунистическая партия Украины – 26,20%, Избирательный блок политических партий «За единую Украину!» – 14,37%, Социал-демократическая партия Украины (объединенная) – 8,03%, Социалистическая партия Украины – 7,51%, Избирательный блок политических партий «Блок Виктора Ющенко «Наша Украина» – 6,62%, Избирательный блок политических партий «Блок Натальи Витренко» – 4,18%.

Как видно из результатов, жители Одесской области отдали предпочтение левым партиям (порядка 37,9%), при этом провластные силы – Блок «За единую Украину!» и СДПУ (о) получили в общей сложности 22,4% голосов.

Коммунисты заняли первое место во всех избирательных округах, однако наибольший процент голосов они получили в южных районах – Арцизском, Болградском, Измаильском,

Килийском, Ренийском и г. Измаил, а также в северных и частично центральных районах – Кодымском, Котовском, Савранском, Балтском, Красноокнянском, Фрунзенском, Ширяевском, Великомихайловском, Ивановском. Северные и центральные районы стали также основной электоральной базой блока «За единую Украину!». «Блок Виктора Ющенко «Наша Украина» нашел преимущественную поддержку среди жителей Одессы.

Качественно иная ситуация сложилась в одномандатных округах, где были избраны преимущественно провластные кандидаты: управляющий СП «Панком ЮН» член Аграрной партии (впоследствии перешел в оппозицию) Алексей Казаченко (134-й округ), председатель Жовтневой райадминистрации г.Одесса, член Партии регионов Игорь Резник (135-й округ), народный депутат Украины, член Украинской морской партии Сергей Кивалов (136-й округ), начальник Одесского морского торгового порта, член Народно-демократической партии Николай Павлюк (137-й округ), председатель Государственного комитета рыбного хозяйства Николай Шведенко (138-й округ), начальник Ильичевского морского торгового порта, член Партии промышленников и предпринимателей Станислав Стребко (139-й округ), народный депутат Украины Юрий Крук (140-й округ), член Народно-демократической партии Игорь Плохой (141-й округ), народный депутат Украины Владимир Мазуренко, член партии «Трудовая Украина» (142-й округ), президент Одесского банковского союза, член Партии регионов Леонид Климов (143-й округ), народный депутат, член Аграрной партии Василий Калинин (144-й округ) [4] .

По итогам выборов в Одесский областной совет было избрано 99 депутатов. Его профессиональный состав выглядел следующим образом: большинство – 32 депутата – являлись представителями местных органов исполнительной власти, 18 – работники агропромышленного комплекса, 11 – представители предпринимательских структур, 8 – работники здравоохранения, 7 – работники учреждений образования. Произош-

ло существенное обновление депутатского корпуса. Только 40 новоизбранных депутатов были депутатами прошлого XXIII-го созыва. Подавляющее большинство — 61 депутат — были беспартийными, и только 38 — членами политических партий (из них 21 — члены Аграрной партии, остальные 17 представляли 11 политических партий) [5].

Таким образом, благодаря профессиональному и партийному составу новый состав Одесского областного совета был подконтролен местной исполнительной власти. 19 апреля 1-я сессия областного совета XXIV-го созыва по предложению председателя Одесской облгосадминистрации Сергея Гриневецкого, возглавлявшего предыдущий состав облсовета, избрала председателем облсовета Владимира Новацкого (до момента избрания — начальник Главного управления внешних экономических связей, торговли и туризма одесской областной государственной администрации).

Украинское Придунавье: от «Региональной инициативы» к Комплексной программе развития

В начале 2002 г. Украинское Дунайское пароходство приказом министра транспорта было определено в качестве национального перевозчика грузов, что, по словам президента ОАО «УДП» Петра Суворова, давало возможность судоходной компании рассчитывать на «ясную прогнозируемую загрузку флота, на его работу по схеме линейных перевозок, где действует система скидок» [6].

В марте 2003 г. председатель Одесской облгосадминистрации С. Гриневецкий и министр транспорта Украины Г. Кирпа подписали соглашение о сотрудничестве в сфере развития транспортно-дорожного комплекса области на 2003 — 2005 гг. Соглашение, в частности, предусматривало строительство канала Дунай — Черное море, автотрассы Одесса-Рени в обход Паланки и железнодорожной ветки Рени — Измаил в обход территории Республики Молдова.

Идея создания глубоководного судоходного хода (ГСХ)

Дунай – Черное море первоначально встретило возражения со стороны экологической общественности, поскольку он должен был пройти по территории Дунайского биосферного заповедника. Серьезные возражения возникли и со стороны Румынии, которая, в случае ввода в строй украинского канала, лишалась монополии на провод судов из Дуная в Черное море.

6 июня 2003 г. состоялось заседание Совета национальной безопасности и обороны, по итогам которого было принято решение «О состоянии исполнения Указа Президента Украины от 10 августа 1998 года № 861 «О создании Дунайского биосферного заповедника» и перспективах строительства судоходного хода Дунай – Черное море». Решение было введено в действие Указом Президента Украины от 10 июня 2003 г.

Данным документом было дано поручение Кабинету Министров Украины разработать, при участии Национальной Академии наук Украины, с привлечением заинтересованных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления и внести в двухмесячный срок предложения по оптимизации границ Дунайского биосферного заповедника, а также разработать в шестимесячный срок Программу комплексного развития Украинского Придунавья.

31 марта 2004 г. Постановлением Кабинета Министров Украины была утверждена Программа комплексного развития Украинского Придунавья на 2004 – 2010 гг. (впоследствии действие программы было продлено до 2011 г.), разработанная при участии Одесской облгосадминистрации. Территория, на которую распространялось действие программы, была ограничена пятью административными районами – Болградским, Измаильским, Килийским, Ренийским и Татарбунарским, а также городом областного значения Измаил (общая площадь района 6,6 тыс. кв. км.)

Как отмечалось в программе, «с учетом географического положения Украинское Придунавье имеет стратегическое значение. Выход к трансевропейской артерии – р. Дунай – обеспечивает связь со странами Центральной и Восточной Европы

и обуславливает важность этого региона как звена системы европейских транспортных коридоров».

Были определены следующие направления реализации программы: – развитие морехозяйственного и транспортного комплекса (строительство грубоководного судоходного канала Дунай – Черное море, модернизация производственной структуры морских портов, использование по согласованию с Республикой Молдова железнодорожной линии в направлении Ренийского морского торгового порта, а в перспективе строительство железнодорожной ветки Дзенилор-Рени, строительство обьездного участка дороги Одесса-Рени через Днестровский лиман, восстановление инфраструктуры аэропортов городов Измаил и Болград); – формирование инновационной модели развития; – развитие агропромышленного комплекса, пищевой и перерабатывающей промышленности; – обеспечение занятости населения (в частности создание в 2004-2011 гг. во всех сферах экономической деятельности 46 тыс. новых рабочих мест); – решение проблемы водоснабжения и водоотведения (проведение детальной геологической разведки для определения запасов подземных вод в долине р.Дунай, продолжение строительства Килийского, Татарбунарского и Суворовского водопроводов с забором воды из р.Дунай, обеспечение бесперебойного отведения необходимого количества хозяйственно-бытовых и производственных сточных вод); – решение проблемы энергонезависимости (строительство в Измаильском районе парогазовой теплоэлектростанции мощностью 200-250 МВт, строительство линий электропередач напряжением 110-130 кВ для непосредственной связи с энергосистемой Украины и повышения надежности энергообеспечения района); – обеспечение экологической защиты территории и устранение последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (обеспечение инженерной защиты территорий от подтопления, эрозионных и оползневых процессов, сохранение экологических систем придунайских озер, в частности, решение экологических проблем оз.Сасык и т.д.); – развитие туристически-рекре-

ационной сферы; – развитие трансграничного сотрудничества (разработка и согласование на межгосударственном уровне порядка упрощенного пересечения украинско-румынской государственной границы гражданами Украины, проживающими на территории еврорегиона «Нижний Дунай», проведение демаркации государственной границы между Украиной и Республикой Молдова, увеличение количества пропускных пунктов на украинско-молдавском участке государственной границы, содействие развитию пограничной торговли в рамках еврорегиона «Нижний Дунай»).

Как видно, Комплексная программа развития Украинского Придунавья совпадала с основными пунктами программы «Региональная инициатива» [7] .

Первоначально были предприняты шаги по созданию канала Дунай – Черное море. По распоряжению Кабинета Министров Украины была проведена комплексная государственная экспертиза технико-экономического обоснования предложенных проектов по возобновлению судоходства на украинской части Дуная. Среди 10 альтернативных отечественных проектов глубоководного судового хода по р. Дунай из Черного моря «наиболее обоснованным с экономической, экологической, технической и других точек зрения» был признан проект создания ГСХ по варианту «устье Быстрое».

Рабочий проект «Создание глубоководного судового хода р. Дунай – Черное море на украинском участке дельты. I этап» был утвержден распоряжением Кабинета Министров Украины от 12 мая 2004 г. Тендер на генеральный подряд по созданию судового хода выиграла немецкая фирма Josef Mobius Bau – Aktiengesellschaft при условии привлечения при выполнении работ государственных предприятий «Укрводшлях» и «Чоразморшлях».

Строительство по этому проекту началось 15 мая 2004 г. и продолжалось до мая 2005 г. (с перерывами на время штормов и периоды нереста рыбы). Одновременно, со строительством в августе 2004 г. было открыто судоплавание по ГСХ с

ограничением осадки суден до 5,0 м. За период временной эксплуатации по нему было проведено более 700 суден.

Однако уже в 2005 г. финансирование Программы комплексного развития Украинского Придунавья было приостановлено, что привело к ее фактическому невыполнению.

Остров Змеиний: развитие инфраструктуры

Остров Змеиний расположен примерно в 35 км восточнее побережья на широте дельты Дуная. У острова крестообразная форма, площадь составляет 20,5 гектара, а расстояние между крайними точками – 615 и 560 метров. Ближайший населенный пункт на побережье – румынский город Сулина. Ближайший населенный пункт Украины – город Вилково.

Стоит напомнить историю вопроса. Согласно дипломатическому соглашению, подписанному Николаем Шутовым (от СССР) и Эдуардом Мезинческу (от Румынии), остров Змеиний с 23 мая 1948 г. перешел в состав СССР. В 1956 г. на острове была размещена радиолокационная рота ПВО, а также приграничная застава. В 1980-х годах на шельфе около Змеинового были обнаружены значительные месторождения нефти и природного газа, что стало причиной новых претензий со стороны Румынии в адрес независимой Украины и требований о новом разграничении территориальных вод.

В 1997 г. был заключен базовый украино-румынский договор, которым подтверждалась нерушимость существующих границ между двумя странами. Вместе с тем, вопрос о разграничении континентального шельфа был выведен «за рамки» базового соглашения.

Одесская областная государственная администрация стала инициатором разработки Комплексной программы дальнейшего развития инфраструктуры и ведения хозяйственной деятельности на о.Змеиний, которая была утверждена Кабинетом Министров Украины в 2002 году. В рамках программы остров был передан Килийскому району Одесской области, а также частично демилитаризован (выведено радиотехничес-

кое подразделение и демонтирован радар). Согласно приказу Председателя Госпогранслужбы от 20 августа 2002 г. на острове была развернута пограничная застава.

Учитывая государственное значение о.Змеиный решением сессии Одесского областного совета в январе 2003 г. было создано областное коммунальное предприятие «Островное», на которое были возложены функции по обслуживанию территории, переданных в управление облгосадминистрации.

Был разработан и утвержден генеральный план острова, в соответствии с которым планировалось построить на острове объекты туристической инфраструктуры. Были проведены работы по поиску на острове питьевой воды. Был реконструирован маячный комплекс.

На острове были сооружены причал для судов с осадкой до 8 метров, волнорез, несколько хозяйственных сооружений, были посажены деревья. Строится причал для малотоннажного флота. В перспективе запланировано открытие туристического и дайвинг-центров, а также создание регулярного паромного сообщения с Килией. На Змеином открыты почта, филиал банка «Райффайзен Банк Аваль», ретранслятор мобильной связи. Начиная с 2003 года на острове постоянно работают ученые Одесского национального университета имени И.Мечникова.

16 сентября 2004 г. Румыния подала меморандум в Международный суд ООН с вопросом, считать ли остров Змеиный островом или скалой, ответ на который будет иметь большое влияние на схему разграничения континентального шельфа в данном районе.

2002 год — год обустройства Государственной границы

Одним из важнейших вопросов, который пришлось решать местной власти, была проблема обустройства государственной границы. Стоит отметить, что линия госграницы в Одесской области является самой протяженной в Украине и составляет 1289 км., в том числе с Румынией — 18 км и с Республикой Молдова — 838 км. До 1991 г. Государственная граница между Украиной и Республикой Молдова была административной гра-

ницей между двумя союзными республиками и соответственно, не была обустроена. Кроме того, значительную часть участка украинско-молдавской границы составляет граница с непризнанной Приднестровской Молдавской республикой.

Только в 2001 г. пограничники Южного направления провели пять операций по предупреждению контрабандной и террористической деятельности, задержали 1786 нарушителей границы, 15 единиц огнестрельного оружия, незаконно перевезенных грузов на общую сумму почти 5 млн. грн [8] .

Решением председателя Одесской облгосадминистрации Сергея Гриневецкого 2002 г. был объявлен «Годом обустройства государственной границы». На данные цели предполагалось выделить из областного бюджета 1 млн. грн. Кроме того, на протяжении 2003 – 2005 гг. предполагалось ежегодное выделение из областного бюджета 1,0 млн. грн на обустройство государственной границы и 425 тыс. грн из бюджетов шести приграничных районов, которые предполагалось выделить на обустройство военных городков пограничных застав «Кучурган» и «Калачовка» и строительство 12 местных пунктов пропуска.

Вместе с тем, сдерживающими факторами в обустройстве Государственной границы в границах области, и, прежде всего, его украинско-молдавского участка оставались невозможность финансирования данных мероприятий за счет местных бюджетов, а также затягивание молдавской стороной срока открытия построенных местных пунктов пропуска.

Однако распоряжением председателя Одесской облгосадминистрации фактически было выделено для данной цели: в 2002 г. – 1850 тыс. грн., в 2003 — 115,7 тыс. грн., в 2004 г. – 55,0 тыс. грн.

Это позволило в 2002 г. построить и обустроить местные пункты пропуска для автомобильного сообщения через государственную границу «Павловка» (Фрунзовский район), «Домница», военных городков пограничных застав «Гулянка» (Красноокнянский район), «Калачовка» (Тарутинский район) и

«Степановка» (Раздельнянский район), в 2003 г. построить местный пункт пропуска для автомобильного сообщения через государственную границу «Федосеевка» (Красноокнянский район), обустроить пункты пропуска «Загнитково» и «Шершинцы» (Кодымский район), «Розаливка» (Раздельнянский район) и пограничную заставу «Яски» (Беляевский район). ЗАО «Зоря» Тарутинского района был построен местный автомобильный пункт пропуска «Высочанское».

Аграрный сектор и социальное развитие села

В рамках программы «Региональная инициатива» была создана система финансовой поддержки аграрного сектора, основными источниками которой выступали средства государственного и областного бюджета, а также средства коммерческих банков. Так, на протяжении 2002-2005 гг. сельхозпроизводителями области было получено более 1 млрд грн. льготных кредитов.

За счет выделенных из областного бюджета средств в 2002-2005 гг. в области была создана система финансовой поддержки аграрного производства на беспроцентной возвратной основе. В 2004 г. в обороте использовалось более 10 млн.грн для финансовой поддержки сельхозпроизводителей. За счет этих средств были созданы областной семенной фонд агрохимического обеспечения растениеводства, фонд обеспечения ремонта сельскохозяйственной техники и фонд развития капельного орошения.

Использование созданных за счет областного бюджета фондов поддержки сельского хозяйства позволяло оперативно решать вопросы материально-технического обеспечения сельскохозяйственных работ в области и наладить хорошие отношения с партнерами, которые предоставляли сельхозпроизводителям товарные беспроцентные кредиты под будущий урожай в сумме более 4,5 млн. грн, а также предоставлять ежегодно 200 – 250 хозяйствам ежегодно финансовую поддержку для проведения ремонта зерноуборочной техники.

Значительно активизировались работы по газификации населенных пунктов. В 2002 г. уровень газификации сельских населенных пунктов составлял 13,4% при 27% в целом по Украине. Природный газ был подведен к 17 из 26 районов и непосредственно к 152 селам.

Так, в 2003 г. было завершено строительство газопровода-отвода «Троицкое-Викторовка», подведен газ к 12 селам. Из социально важных объектов газифицировано 2 больницы, 8 школ и 1 детский сад. На паевых условиях за счет средств местных бюджетов, собственные средства сельхозпредприятий выполнялись работы по газификации 29 сел. В результате уровень газификации вырос на 1% и составил 14,4%.

В 2004 г. были начаты работы по строительству газопроводов-отводов в Савранском, Кодымском, Николаевском, Татарбунарском районах. Из социально важных объектов в этом году были газифицированы 21 школьная котельная, 5 детских дошкольных учреждений, 2 клуба, две больницы, 2 фельдшерско-акушерских пункта, библиотека. К 34 селам строились подводные газопроводы. Одним из сложнейших задач, которые были решены в рамках программы «Региональная инициатива», стало строительство и ввод в строй в 2004 г. газопровода-отвода к г.Белогород-Днестровский.

Выполняя решение по обеспечению населения региона централизованным водоснабжением, областным руководством привлекались средства на строительство Килийского и Татарбунарского водопроводов. Это позволило подать техническую воду в ряд сел Татарбунарского и Килийского районов. Учитывая неудовлетворительное качество питьевой воды, для решения проблемы гарантированного водоснабжения населенных пунктов было проведено бурение артезианских скважин. Всего же с начала реализации программы «Региональная инициатива» в области появились 40 артезианских скважин: 13 из них пробурены в 2002 г., 18 – в 2003 г., 9 – в 2004 г. [9]

Литература:

1. Одесские известия. – Одесса, – 2002. – 16 февраля.
2. Там же.
3. Там же.
4. Сайт Центральної виборчої комісії України //[Электронний ресурс] Режим доступу: www.cvk.gov.ua
5. Одесские известия. – 2002. – 20 марта.
6. Одесские известия. – 2002. – 9 января.
7. Постанова Кабінету Міністрів України від 31 березня 2004 р. № 428 «Про затвердження Програми комплексного розвитку Українського Придунав'я на 2004-2011 роки //[Электронний ресурс] Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/428-2004-%D0%BF>
8. Одесские известия. – 2002. – 20 февраля.
9. Порто-Франко. – Одесса, – 2005. – 4 февраля.

В мае 2012 г. исполнилось 200 лет с момента подписания Бухарестского мира между Российской и Османской империями, результатом которого стало вхождение земель междуречья Днестра, Прута и Дуная в состав Российской империи. Новоприсоединенные земли получили название Бессарабской области. Юбилей этой исторической даты стал поводом для исторических и политических споров. Активизировались румынские общественные организации, отстаивающие необходимость «воссоединения» Бессарабии (включая и принадлежащие Украине земли южных районов Одесской области) с Румынией. Вместе с тем возрос интерес к событиям двухсотлетней давности, были предприняты попытки историков дать им новую оценку, переосмыслить различные аспекты нашей совместной истории.

1 – 5 апреля 2012 г. в Кишиневе состоялась научно-практическая конференция «Присоединение Бессарабии к России в свете многовекового молдо-российско-украинского сотрудничества», организованная аналитическим порталом AVA.MD, Ассоциацией историков и политологов «PRO-MOLDOVA» и Ассоциацией внешней политики и международного сотрудничества. В конференции приняли участие ученые из Молдовы, Украины, России, Румынии, Болгарии, Франции, Венгрии, Германии. В выступлениях участников конференции затрагивались различные аспекты истории Буджака (южные районы Одесской области). Учитывая значимость этой даты для истории Одесской области, редакция альманаха «Одессика. Юго-Запад» решила опубликовать статьи Н. Русева, В. Гросул, С. Назария. Редакция альманаха благодарна исполнительному директору Ассоциации историков и политологов «Pro-Moldova» С. М. Назария за предоставленные материалы.

*Николай Русев,
доктор исторических наук,
профессор ВАШ РМ (Кишинев).*

*ГИБЕЛЬ БУДЖАКСКОЙ ОРДЫ И ОСВОЕНИЕ ЮГА
БЕССАРАБИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ*

Среди событий русско-турецкой войны 1806 – 1812 гг. исчезновение Буджакской орды редко, чаще всего мимоходом рассматривается исследователями. Этому способствовала как «неактуальность проблемы», так и ее молниеносное «решение» в истории. По словам непосредственного свидетеля картины 200-летней давности «в Бессарабии татарские деревни были в 1807 г. покинуты своими жителями, а их дома были так быстро уничтожены, что через шесть месяцев с трудом можно было найти даже расположение этих деревень» [1. 577].

О финальной стадии пребывания ногайских татар в Буджаке свидетельствуют кадровые российские военные. И. П. Котляревский был в курсе дела, поскольку лично вел «Журнал военных действий 2-го Корпуса войск под командой господина генерала от кавалерии и кавалера барона Мейндорфа». Генерал А. Ф. Ланжерон оставил записки о кампании, в ходе которой руководил рядом операций, а одно время командовал Молдавской армией.

Вопрос о степняках, потребовал разрешения сразу же после бескровного взятия крепости Бендеры 23 ноября 1806 г. Именно командующий корпусом К. И. Мейндорф «великую имел заботу к преклонению Буджацких татар к стороне России». Он предложил «ехать в Татарию» бригадиру Катаржи и своему адъютанту И. П. Котляревскому. «Странствуя несколько дней по смиренным жилищам варварского народа сего», они обещали татарским старшинам дружбу и выгоды от российской армии. В результате обитатели 205 из 212 селений всех четырех уездов Буджака заявили, что «пребудут спокойными при переходе войск чрез их земли». В журнале 2-го корпуса

называется цифра 40 тыс. буджакских татар, которые могли «до 30 тысяч(!) собрать вооруженного народа» [2. 341 – 344]. А.Ф. Ланжерон пишет, что Бессарабия «была населена татарами, которые могли бы легко выставить 30000 конницы». Генерал определял Кинбей (Кубей – ныне с. Червоноармейское Одесской обл.) как «очень большую деревню» и утверждал, что поселение Табак насчитывало 500 татарских домов [1. № 5. – С. 439; № 6. – С. 593, 605, 608].

Похоже, что оценка военной мощи буджакских татар в 30 тыс. всадников являлась в русской армии не только общепринятой, но и выгодной для командования. Скорее всего, это была завышенная цифра. Общая численность татар в 40 тыс. человек, судя по всему, гораздо ближе к истине. Однако и здесь есть противоречия. Если в 1807 г. за Днестр в русские владения переправились 6 353 ногайца, включая членов семей [3. 78], то не ясно как сложилась судьба абсолютного большинства (более 80%!) их соплеменников. Это не согласуется с официальными записями о «счастливо исполненной» миссии, которой «сей варварский, жестокий и недоверчивый народ был благополучно преклонен к российской стороне» [2. 344]. Известно, что позднее 15 тыс татар ушло в подвластную османам Добруджу [4. 218]. При этом непонятно, куда после ухода в противоположных направлениях примерно 21 тыс. человек делась едва ли не половина буджаков.

По утверждению И. П. Котляревского собиравшиеся по деревням в декабре 1806 г. «толпы вооруженных татар» успокоились, когда сами услышали от полномочных представителей генерала К. И. Мейндорфа «обещание дружелюбия, даже выгод тех, что войска за все взимаемое у татар будут платить наличными деньгами». Вместе с тем, во всех четырех татарских уездах русские взяли «аманатов». В том числе и «тамошнему над татарами воеводе», пребывавшему в Каушанах, пришлось «в знак верности своей к нашей стороне и преклонности к России прислать к командующему брата своего в залог» [2. 343]. Так реальной основой отношений с татарами стало

присутствие в крае с ноября 1806 г. «50000 человек прекрасных войск» России [1. 441].

Вопреки ожиданиям Мейндорфа, который полагал, что теперь татары — «лучшие друзья», взятие заложников не дало должного результата. Их судьба мало интересовала соплеменников: татары «слишком хорошо знали русские нравы, чтобы думать, что они их убьют». Кроме того, тесные отношения с турками (в том числе ввиду единоверия и близости языков) быстро проявились на уровне коллективного сознания. Например, под носом у русских в многолюдном селении Табак стали на ночлег 4000 османских кавалеристов, но никто из жителей не предупредил о смертельной опасности недавно обретенных союзников [1. 604 — 606].

Этому были причины. Когда армия И. И. Михельсона перешла Днестр, русское командование заявило, что спасает Турцию, срывая дерзкие планы Наполеона. Поддавшись этим уверениям, коменданты Хотина, Бендер, Аккермана и Килии сдали свои крепости без сопротивления. Однако К. И. Мейндорф, который получил в начале декабря известие «о желании жителей Измаила принять русский гарнизон», упустил время. Противник этим воспользовался и ввел в Измаил 4-тысячный корпус «знаменитого Пегливан». Османский военачальник немедленно казнил тех, кто был готов перейти на сторону русских... Такой разворот дел вызвал естественное неудовольствие императора [5].

Пегливан встретил натиск Мейндорфа на Измаил «неприязненно, производя сильную канонаду по войскам ядрами и бомбами». Призыв к горожанам открыть ворота «для сбережения своих семейств, имущества и своей жизни, на случай ежели несогласием своим принудят русских брать крепость силою», остался без ответа [2. 347]. А. Ф. Ланжерон категоричен: если бы Мейндорф взял Измаил еще 6 декабря, «тогда бы все Бессарабские татары были бы принуждены удалиться внутрь России». В этом случае «государство обогатилось бы несколькими миллионами прекрасного скота и лошадей; содержание и продовольствие армии не стоило бы никаких издержек, а продажа

зерна в покинутых татарами деревнях дала бы в государственную казну значительную сумму денег» [1. — № 6. С. 594, 598]. 26 декабря графу вменили в обязанности охранение границ и наблюдение за татарами. Предписание И. И. Михельсона гласило: «Нужно взять возможные меры, чтоб видели они силы, могущие не только держать их в узде, но и защищать. Прикрытие границ и удержание татар в добром расположении вы признаете главнейшим вашим предметом...» [6. 119].

В принимавшей затяжной характер войне татары оказались в тисках противоборства двух империй. Чтобы степняки не примкнули к туркам, надо было блокировать Измаил, расположив войска в нескольких верстах от крепости и по окрестным татарским селениям, где можно было «всегда получить все нужные припасы и фураж для всего корпуса, на несколько месяцев». Однако генерал А. П. Засс отступил к взятой им 9 декабря крепости Килия «и через это вся Бессарабия осталась открытой». Зато Пегливан, разрушив все селения вблизи Измаила, заставил татар перейти в город, а также собрал брошенное на их подворьях зерно [1. № 6. — С. 593-594.].

Взаимовыгодные товарно-денежные отношения императорских войск с буджакскими татарами, известных своей состоятельностью как туркам, так и русским, не сложились изначально [7]. Уже 11 декабря 1806 г., когда генерал Мейндорф прибыл в Каушаны, вскрылась серьезная проблема со снабжением. Чтобы выйти из затруднительно положения, командующий «по незаготовлению от татар разных нужных к продовольствию войска потребностей, принужден был назначить войскам 12-е число иметь роздых» [2. 345].

Далее ожидаемые закупки продовольствия и фуража наличными обернулись для татар настоящим несчастьем, поскольку русскую армию охватил «дух хищения». По свидетельствам А. Ф. Ланжерона «командиры полков и разные спекуляторы из Одессы и Херсона сначала покупали скот по очень низкой цене, отправляя его вниз по Днестру и продавая его там по дорогой цене». Затем появился еще более дешевый путь наживы. Воро-

ванный скот по бросовым ценам сбывали им казаки, ведь стада у татар «наслись без всякого призора и охраны». Мейндорф «сам публично продавал русским и молдаванским купцам огромное количество скота, которое похищал атаман казаков и делился с ним» [1. — № 6. — С. 596-597].

Не отставали от своего командира и другие военачальники. В первую очередь ливонский барон Засс. Несомненные боевые заслуги генерала меркли перед его аморальностью: «Ничто не было священно для него самого, и сам Мейндорф мог бы брать уроки у него». Подчиненный ему «драгунский полк составлял тот источник, которым он пользовался для добычи денег». Захватывая в степных селениях много зерна и фуража, Засс «в рапортах писал, что он покупал их, но так как он сам был и старшим начальником этого отряда, то он же и назначал цены, совершенно произвольные, доходившие до чудовищных размеров». Провиантская комиссия, с которой барон ловко делился, охотно выделяла запрашиваемые суммы на «воображаемые покупки». Лишнее зерно Засс и его люди направляли для продажи в Одессу или сбывали «на месте разным торговцам, авантюристам и скупщикам грекам, французам, русским, итальянцам — толпами приезжавшим из Одессы и Херсона». Так же было продано множество скота, в частности венграм [1. — № 5. — С. 444-446; — № 6. — С. 595-598].

Факт массового ограбления населения войсками подтверждает близкий к императору Александру I адмирал П. В. Чичагов, принявший в конце войны командование Молдавской армией. В мае 1812 г. он видел в Молдавии и Валахии повсеместно оставленные жилища. «Хозяева домов скитались по лесам, чтобы избавиться от требований властей и от притеснений солдат». На степень развала дисциплины указывало то, «что грабежи производились по приказу, и что военные брали у торговцев все, что только им было нужно». Адмиралу пришлось наказывать даже солдат собственного почетного караула, укравших «провизию из соседних домов» [8. 154].

В Бессарабии во главе такого рода бесславных начинаний

стоял Мейндорф: «Жажда добывать деньги самыми недостойными средствами была целью его помыслов и действий». Еще в начале 1807 г. «несчастные татары, разграбленные и разоренные, пробовали жаловаться, но бесполезно, так как никто их даже не выслушивал. Возмущенные до последней крайности, они решили примкнуть к Пегливану». Так как русские посты находились в нескольких десятках верст от Измаила, «каждый день туда перекочевывали целые деревни» татар. В конце января – начале февраля Пегливан предпринял два рейда с целью облегчить выход татар к Измаилу. Произошли довольно крупные сражения. В одном из них при селении Куйбей (Кинбей) численность неприятельской конницы доходила до 7 – 8 тыс., а счет убитым шел на сотни. «Оставалось единственное средство, которое могло бы заставить татар перейти Днестр – это быстрым налетом (...) настичь их и пригнать, как стадо, к Днестру; ничего лучше этого не могло быть». Однако это предложение Мейндорф отклонил из-за трусости [9].

Хотя борьба за татар с обеих сторон приобрела форму сгона с родовых земель, замысел турок поднять буджаков против российских войск начал осуществляться. Их действия определялись не иначе как «восстание». Возможно, преимущество довольно быстро оказалось у османов потому, что Россия намеревалась переселить татар на восток, а турки в случае успеха оставили бы их в Буджаке. В итоге 1/2 татар Бессарабии ушла в Измаил. Превратившись во врагов, татары в спешке бросали свои подворья лишь бы спастись. «Когда случалось приближаться к прежнему селению, то на далекое расстояние слышалось мяуканье, кудахтанье и бесчисленное множество кошек, индеек, кур, гусей и уток появлялось перед человеком, как бы умоляя о помощи своего законного покровителя». Те, кто успевал собрать пожитки, зачастую сами разрушали свои дома. В других случаях татарские селения сжигали отряды военных. Впрочем, даже нетронутые людьми глинобитные жилища буджаков «не продержались и месяца, как обвалились» [1. – С. 610-611.].

По условиям Бухарестского мирного договора в мае 1812 г. Российская империя получила от Порты огромные незаселенные или малозаселенные пространства. Особенно безлюдным был юг вновь созданной Бессарабской области, площадь которого составляла 20845 кв. км. Из них земли, покинутые ногайцами, составляли 13,4 кв. км, а вместе с т.н. «двухчасовой зоной» около 15 тыс. кв. км [10. 364]. Перед Россией, приступившей к налаживанию мирной жизни во вновь обретенных землях, возникла неизбежная проблема: как заселить «старую Бессарабию» оседлыми единоверцами? Никаких местных ресурсов для этого не было. «Нет в оной коренных жителей», — сокрушался в 1813 г. генерал-майор С. А. Тучков, в честь которого назвали заложенный им у крепости Измаил новый город. На его взгляд успешной могла стать только хорошо продуманная политика заселения этих земель пришлыми христианами. Он сделал обитаемыми задунайскими староверами «до двадцати деревень» и настаивал на льготах для новых переселенцев, опасаясь, что они покинут эти земли «и новым сим завоеванием увеличится только количество пустых степей в России» [11. 424 — 425].

Это положение зафиксировало и описание края, составленное для государственной коллегии иностранных в 1816 г.: «Область сия потеряла много от побегов за границу болгар и молдаван, не могших переносить тягости земских повинностей и притеснений. Причинило сие по меньшей пропорции убыли в народонаселении до 3000 семейств». Вместе с тем в описании о переселении болгар из-за Дуная сказано, что во время войны 1806 — 1812 гг. «вышло их до 4000 семейств в Бессарабию, кои большею частию поселились в домах оставленных татарами». Самой большой заслугой С. А. Тучкова называется «то, что благоразумными своими мерами успел он привлечь к переселению из Турции некрасовцев, коих тщетно все главнокомандующие, начиная с Румянцева до Михельсона, к тому склоняли» [11. 205, 211, 312].

В XVI-XVIII вв. южные земли Молдавии, инкорпорированные в состав Османской империи, испытывали большой

недостаток в оседлых жителях. Поэтому султаны и вассальные им крымские ханы предпринимали немало усилий, чтобы заселить край, привлекая сюда на льготных условиях не только мусульман, но и христиан [12. 42 – 52]. Не случайно составленное ок. 1715 г. описание дороги из Киева в Стамбул словами очевидца сообщает о многочисленных жителях-христианах в османском Измаиле и татарских Каушанах. Это были главным образом молдаване (волохи), болгары и греки, которые также активно селились на левобережье Днестра и к югу от дельты Дуная [13. 79 – 83].

Практика привлечения добровольцев из-за границы, в частности с Балкан, для поселения в Молдавии сложилась задолго до османского завоевания. Так, уже в первой половине XV в. в молдавских грамотах упоминается значительное число сел, содержащих в своих названиях этнически определяющие основы «болгар», «серб», «шкэй». Группы переселенцев из-за Дуная проникают вплоть до Буковины, но особенно часто их селения отмечены на юге страны, нынешние жудецы Вранча, Васлуй, Галац. В том числе селились болгары и сербы на границе с Буджаком. Только за 1585 – 1623 гг. сохранилось более дюжины господарских грамот, разрешающих землевладельцам привлекать в свои имения иностранных поселенцев, освободив их на время (обычно на 3-5 лет) от повинностей.

Менее чем за полтора года (сентябрь 1741 – январь 1743 гг.) три десятка фактов прибытия иммигрантов в Молдавию отметила «Книга приказов» Константина Маврокордата. Новоприходцы составляли группы от нескольких до 50 человек. В том числе имело место «поселение сербов в Лапушно-Оргевском уезде»: в трех случаях из Буджака и в одном – из Придунайских рай. Речь пока шла об основании задунайскими переселенцами отдельных поселений в центральной части современной Молдовы. Более массово задунайские переселенцы стали прибывать во время русско-турецкой войны 1768 – 1774 гг. В одном лишь 1772 г. известно о поселении в 11 уездах Молдавии 320 семейств (1709 душ) [14. 179 – 182].

В документе от 16 мая 1783 г., изданном господарем Александром Константином, говорится о «*сербе Михае Митрешу*». Поселившись в Орхейском цинуте, он женился на дочери мазыла и способствовал тому, что сюда прибыло много иностранцев, основавших села Пэркань, Пэпэуць и Сырбь. При этом Михай обещал и впредь оказывать господарю подобные услуги [15. 144 – 145]. Менее чем через месяц в бумагах того же Александра Константина фигурирует поселившийся в Яском цинуте «Ион, сын Яни, серб из Тырново» [15. 149]. Это не единственный случай, который доказывает, что, по крайней мере, отчасти «сербы Молдавии» являлись болгарами.

В последние годы XVIII – нач. XIX вв. на юге Бессарабии осело 4 тыс. семейств задунайских переселенцев. Помимо того исследователи сообщают о 13 господарских грамотах, предоставляющих льготы осевшим в Кишиневе 486 сербским семьям [14. 184 – 185]. Согласно одной из них 14 октября 1793 г. Михаил Константин Суцул принял на жительство в Кишинев сербов, которые «вынуждены были вместе с другими людьми уйти за Днестр до начала и во время случившегося мятежа в райи всеильной империи от бывшего по отношению к ним насилия». Из подобного документа господаря Константина Александру Ипсиланти (11 июля 1800 г.) о происхождении 63 сербов: «Они, будучи иностранцами из-за Дуная, из Калефера, стремились и прибегнули в эти земли Молдовы, спасаясь из своих мест в крайней бедности, нагими и вовсе лишенными всего нужного». Однако здесь же выясняется, что некоторые из беглецов держат овец «за границей – в Украине или Буджаке, или в других иностранных местах» [16. 56 – 57]. Очевидно, выходцы из болгарского города Калофер прежде Кишинева какое-то время жили на сопредельных с Молдавией землях, неподвластных яским правителям.

Приведенные факты, как правило, не имеют никакого отношения к России. Вместе с тем, в них нельзя не увидеть линию действий, типологически близкую устремлениям С.-Петербургa времени Екатерины II и ее преемников. Россия

так же, как четырьмя столетиями ранее Молдавия, сделала все, чтобы ликвидировать татарско-мусульманские орды в причерноморских степях от Дуная до Днестра. Сходным образом руководители обеих стран поступали, когда для заселения пустующих территорий приглашали христиан из-за границы. Различия были связаны в первую очередь с несоизмеримостью возможностей двух государств. Молдавия, даже в период независимости XIV — XV вв. располагавшая ограниченными ресурсами, довольно долго вытесняла степняков, а заселить опустевший край оседлыми жителями так и не сумела. Напротив, обладавшая огромным потенциалом Россия покончила с аморфной общностью иноверных ногайцев в считанные месяцы, а затем всего за два-три десятилетия самодержавию удалось укоренить в Буджаке несколько групп разноэтничных христиан, обеспечивших процветание краю в новых социально-политических условиях.

Литература:

1. Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806-1812 гг. // Русская старина. — 1907. — № 9.
2. Записи И. П. Котляревского о первых действиях русских войск в турецкую войну 1806 года // Киевская старина. — 1900. — № 12.
3. Зеленчук В.С. Население Бессарабии и Поднепровья в XIX в. (Этнические и социально-демографические процессы). — Кишинев. 1979.
4. Бачинский А.Д., Добролюбовский А.О. Конец Буджакской орды (по монетным находкам в погребальном инвентаре могильника у с. Бурсучень) // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. — Кишинев. 1990.
5. Записки графа Ланжерона... — № 5. — С 444; — № 6. — С. 590, 592; Петров А.Н. Война России с Турцией 1806-1812 гг. Т. I. 1806 и 1807 гг. Михельсон и Мейндорф. — СПб. 1885. С.118 и др.
6. Петров А. Н. Указ. соч. С. 119.
7. Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 1: Земли Молдавии и Украины. Москва. 1961.— С. 32-33, 36, 38, 40; Русов А. А. Русские тракты в конце XVII и начале XVIII вв. и некоторые данные о Днепре

из атласа конца прошлого столетия. — К. 1876. — С. 81-82.

8. Из записок адмирала Чичагова. Дела Турции в 1812 году // Русский архив. 1870. № 9. Стб. 1534.

9. Записки графа Ланжерона... № 5, 445; № 6, 595-596, 604, 608; Петров А.Н. Указ. соч. С. 115, 142-147.

10. Хайдарлы Д.И. Население Пруто-Днестровского междуречья и южных районов Левобережья Днестра в XVIII веке. Этнодемографические и исторические аспекты. — Кишинев. 2008.

11. Тучков. — Документы, выясняющие заслуги генерал-майора Сергея Алексеевича Тучкова по устройству и заселению Измаильского предместья «Тучкова» и переселению задунайских некрасовцев в Бессарабию // Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии. 1907. Т. III.

12. Подробнее см.: Грек И. Ф., Руссев Н. Д. 1812 — поворотный год в истории Буджака и «задунайских переселенцев». — Кишинев. 2011. С. 42-52.

13. Русов А. А. Русские тракты в конце XVII и начале XVIII веков и некоторые данные о Днепре из атласа конца прошлого столетия // Записки Юго-Западного Отдела императорского Русского географического общества. Т. III. — Киев. 1876.

14. Драгнев Д. М. Сельское хозяйство феодальной Молдавии (конец XVII — начало XIX в.). — Кишинев. 1975.

15. Moldova on epoca feudalismului. Vol. X. Documente privitoare la istoria Țării Moldovei on secolul al XVIII-lea (1775-1786). Crruii domnietii ei zapise. — Chișinău. 200.

16. Пелин В. Из истории колонизации Бессарабии // Cugetul. Социально-политический и научно-методический журнал. — 1992. — № 3.

Владислав Гросул,

доктор исторических наук,

ведущий научный сотрудник

Института российской истории РАН,

профессор (Москва).

***БУХАРЕСТСКИЙ МИР 1812 Г. И ФОРМИРОВАНИЕ
НОВОЙ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЫ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ***

Очередная русско-турецкая война, начавшаяся в 1806 г., объяснялась не только обострением российско-турецких противоречий, но и напряженными отношениями России с Францией. Наполеон проявил интерес к Османской империи еще во время неудачной для него лично и для французской армии Египетской экспедиции 1798 – 1801 гг. Несмотря на эту неудачу, политическая активность Франции в пределах Османской империи продолжает усиливаться, что вызвало определенное беспокойство в России. В инструкции новому российскому послу в Стамбуле А. Я. Италинскому от 30 августа 1802 г. прямо предписывалось следить за поведением французской миссии в Турции и разрушать ее происки [1. 287]. Вскоре тревога российской дипломатии еще более усиливается, поскольку в Петербург в ноябре 1802 г. из разных источников стали поступать тревожные известия о подготовке французских войск к высадке на Адриатическое побережье с целью занятия ряда пунктов, расположенных на границах Османской империи. Одновременно поступили сведения о связях французов с мятежными турецкими пашами Пазванд-оглу и Али-пашой Янинским [2. 123], а затем о проникновении французских эмиссаров в Белград и Видин и о контактах черногорского митрополита Петра I Негоша с французами. Об активизации французских эмиссаров на Дунае сообщал и российский консул в Яссах А. А. Жерве в январе 1803 г [3. 124].

В самом начале правления Александра I нет никаких

данных о том, что руководство России стремилось к каким-либо территориальным приращениям на своих западных границах. Известный историк С. М. Соловьев в своей работе «Восточный вопрос 50 лет назад», написанной еще в 1876 г., приводил слова одного из самых приближенных к императору российских государственных деятелей графа В. П. Кочубея, сказанные в 1802 г. по поводу усиления французского влияния в Турции и необходимости выработки необходимой линии поведения Россией. Он подчеркивал: «Поведение ее (то есть, России – В.Г.) не может быть иное, как или приступить к поделу Турции с Франциею и Австриею, или стараться отвратить столь вредное положение вещей. Сомнения нет, чтоб последнее не было предпочтительнее, ибо независимо, чтоб Россия в пространстве своем не имеет уже нужды в расширении, нет соседей покойнее турков и сохранение сих естественных неприятелей наших должно действительно впредь быть коренным правилом нашей политики» [4. 637].

То, что мнение В. П. Кочубея поддерживалось самим императором Александром I, не подлежит никакому сомнению. Оно подтверждается таким ценным источником как журнал заседаний Негласного комитета молодых друзей императора, на котором решались основные вопросы внутренней и внешней политики России начала XIX в. На одном из таких заседаний, состоявшемся в августе 1801 г., тот же Кочубей зачитал свою записку о взаимоотношениях с иностранными державами, в которой предусматривалась мирная внешняя политика. Эта записка была поддержана самим императором. Среди прочего в этой записке писалось: «Турки и шведы были нашими природными неприятелями, но по своей слабости не могли нам быть опасны, и потому надлежало, оставляя их в нынешнем положении, наблюдать только, чтобы, в случае раздела Турции, Молдавия и Валахия не достались Австрии, а составила отдельное государство» [5. 47].

Через пять месяцев на заседании 22 января вновь была обсуждена очередная записка Кочубея по вопросам внешней

политики и опять в этом отношении «предалагал он оставаться в бездействии». Правда, далее следовала оговорка: «Но если бы Франция или Австрия задумали усилиться за счет Турции, то и нам не следовало бы оставаться сложа руки, и мы могли бы сделать приобретения, которые поставили бы нас в выгодное положение (*dans une attitude respectable*)» [6. 62].

В начале века Турция не представляла для России сколь-нибудь значительной угрозы. Но она представляла угрозу для своих собственных провинций, покоренных ею в свое время. Как раз в 1802 г. совершает дикий набег на Валахию видинский мятежный паша Пазванд-оглу. Этот набег столь сильно напугал жителей княжества, что они, по словам российского генерального консула В. Ф. Малиновского, обратились к нему в июне 1802 г. с просьбой «или предаться в подданство России, или под непосредственную ее зашитою управлять самим своею землею на прежних ее правах...» [7. 237 – 238]. В этих условиях Александр I предписал российскому послу в Стамбуле В. С. Тамаре довести до сведения султана, что, по его желанию, русские войска могли бы быть посланы за Дунай и изгнать из Валахии войска видинского паши [8. 232 – 233].

Только под давлением русских властей и, в частности, личного послания Александра I турецкому султану Селиму III 15 августа 1802 г., Порта принимает решение о выводе турецких войск из Валахии. В результате в Валахию был назначен господарем К. Ипсиланти, а в Молдавию – А. Морузи. Таким образом, именно личное вмешательство российского императора позволило улучшить ситуацию в Валахии, да и в Молдавии тоже, поскольку набег Пазванд-оглу породил опасения и в этом княжестве [9. 196], повлиявших, например, на перемещение населения за его пределы, в частности, в Россию. В русско-турецких отношения на стыке двух веков прослеживаются две основные линии. Одна из них заключалась в сотрудничестве двух государств и она прослеживается по русско-турецкому союзу 1799 г., соглашению о статусе Молдавии и Валахии 1802 г., договору 1805 г. [10. 47]. Дру-

гая — стала отражением все усиливавшихся противоречий, во многом в связи с тем, что Порта пыталась наладить отношения с наполеоновской Францией.

Турецко-французские отношения того времени не были четкими и определенными. С одной стороны, Порта опасалась Наполеона, памятью и его египетскую экспедицию, и заигрывание с представителями покоренных Османами провинций. С другой, турецкие верхи пытаются найти общий язык с представителями французской дипломатии, с руководящими кругами Франции.

Пресбургский мир, заключенный Францией и Австрией в декабре 1805 г., приведший к распаду 3-ей антинаполеоновской коалиции, среди прочего способствовал захвату Наполеоном Истрии и Далмации, то есть, укреплению наполеоновской Франции на Западных Балканах. Было ясно, что этим Наполеон не ограничится и будет добиваться дальнейшего проникновения и в другие регионы Юго-Восточной Европы. В 1804 г. Наполеон заявил о необходимости сближения с Турцией, которая на это предложение ответила согласием [11. 95]. Турецкий султан Селим III признает Наполеона императором и, более того, приветствует в его лице «самого давнего, самого верного и необходимого союзника» Турции [12. 469]. И это при том, как отмечалось, что существовал союзный договор России с Турцией от 1799 г., который сама Турция предложила в 1804 г. возобновить и гарантировать сохранение существующих границ. Далее члены Дивана ориентировавшиеся на Россию заменяются сторонниками Франции [13. 114 — 115]. А затем прибывший в августе 1806 г. в Стамбул французский генерал Г.Ф.— Б. Себастиани, в соответствии с полученными предписаниями, составленными в июне 1806 г., повел политику, направленную на обострение русско-турецких отношений и создание союза Франции, Турции и Персии, прямо направленного против России [14. 28]. С помощью Себастиани в турецкую армию были отправлены французские офицеры-инструктора [15. 318].

Эта политика дала свои плоды и вскоре Селим III заменяет пророссийских господарей. В августе 1806 г., вопреки семилетнему сроку правления господарей, лишаются престолов в Молдавии Александр Морузи, а в Валахии Константин Ипсиланти. Вместо первого назначается Скарлат Каллимахи, а второго — Александр Суцу, известные своими профранцузскими симпатиями [16. 49]. Впрочем, эти последние владели престолами лишь до октября 1806 г. Турция стала готовиться к введению своих войск в Молдавию и Валахию. Оживилась деятельность турецких эмиссаров на Кавказе. Был затруднен проход русских судов через проливы. Стремясь не допустить Турцию к захвату выгодных для нее стратегических позиций, Александр I приказал 16 (28) октября 1806 г. занять Молдавию и Валахию. Новая русско-турецкая война, по существу, началась без официального объявления — вводом русских войск на территорию Дунайских княжеств, а также в райя Пруто-Днестровского междуречья и земли буджакских ногайцев [17. 176].

К началу 1807 г. на левом берегу Дуная в руках турок осталось лишь три крепости — Измаильская, Джурджевская и Браиловская. И при всем этом русское командование всячески стремилось показать, что его войска прибыли сюда не для завоеваний. Такая линия поведения была намечена еще до войны и была вполне обоснована [18. 60 — 61]. Один из видных русских дипломатов К. К. Родофиникин, который впоследствии возглавит Азиатский департамент российского МИДа, посетивший накануне войны княжества, писал командующему русской армией И. И. Михельсону: «...должно стараться повсюду доказать, что не для завоевания, но для отклонения Порты от пагубного союза с Францией и дабы принудить ее к выполнению существующих постановлений, вступили российские войска..., всякое завоевание с здешней стороны, доколе дела с Францией не примут желаемого оборота, кажется, по слабым моим понятиям, вредным..., а впоследствии мог бы без дальнейшего труда принять те законы, кои Его Величеству угодны будут» [19. 73].

Михельсон в воззвании, предназначенном населению придунайских районов, обещал возвратить русские войска в пределы России после того, как султан уволит тех своих министров, которые ориентировались на Францию, позволит свободный пропуск русских торговых и военных судов через Дарданеллы, пойдет на союз с Россией и Англией и примет энергичные меры для изгнания французов из Далмации и пр. [20]. Однако, султан не только не принял эти условия, но объявил 18 (30) декабря войну России.

Встреча русских войск в княжествах была доброжелательной и в некоторых местах даже восторженной. Так встречали русских солдат в столице Молдавии Яссах, Килии, где греки и молдаване встречали русских с крестами, хоругвями, хлебом и солью, и во многих других местах [21]. Это было отражением традиционных симпатий местного населения к России, отражением надежд на избавление от турецкого господства, фанариотского режима, от турецко-татарских набегов, и в начале XIX в. бывших вопросом дня. Это также было радостью по случаю того, что на территории княжеств, по существу, удалось избежать военных действий, и желанием наладить добрые отношения с русскими войсками на будущее. Жители княжеств приняли активное участие в снабжении русской армии продовольствием и фуражом и более 20 тыс. выходцев из Молдавии и Валахии участвуют в боевых действиях русской армии в качестве добровольцев [22. 11]. Что касается боярства, то оно, как и прежде, было разделено на различные группировки. Некоторые из них ориентировались на Турцию, Австрию, Францию и были враждебны России. П. И. Багратион впоследствии усматривал значительное отличие между боярами молдавскими и валашскими: «Первые всею душою преданы России, усердны и с крайнею попечительностию стараются, по мере сил, способов, возможности, исполнить все требования правительства для армии» [23. 415]. В то же время Багратион отмечает недоброжелательство валашских бояр, их преданность туркам и ненависть к русским. Одного из влиятельных валашских бояр —

Филиппеску, которого поддерживал русский генерал М.И. Милорадович, не зная о его связях с турками, пришлось выселить из Валахии в Россию.

Вскоре после занятия Бухареста жители города приняли присягу Александру I, что, видимо, было сделано без ведома русского правительства, за что было выражено командующему войсками Михельсону неудовольствие со стороны нового министра иностранных дел России А. Я. Будберга, писавшего, что «княжества сии заняли мы временно, не в том намерении, чтоб присоединить оные к России и не с тем чтоб отторгнуть их от Порты, но чтоб восстановить их права и доселе существовавший порядок, признавая их, как и прежде, в подданстве Порты...» [24. 415 – 417. 467].

Жители Бухареста были приведены к присяге Александру I господарем К. А. Ипсиланти (он вновь стал господарем в декабре 1806 г.), занимавшим прорусскую позицию и еще накануне войны предлагавшим объединить оба княжества под его руководством в то время, когда в них вступят русские войска [25. 497]. Как это ни встревожило русское министерство иностранных дел, присяга была принята и факт остается фактом. Так же, как и направленный молдавским митрополитом Вениамином Костаки 27 июня 1807 г. адрес «от имени бояр и народа» Александру I, где писалось: «Присоедини, государь, правление земли сей с богохранимою державою твоею... Да будет одно стадо и один пастырь» [26. 19].

Несмотря на заверения русского правительства и командования о том, что Россия не собирается присоединить к себе княжества, как среди населения Молдавии и Валахии, так и среди отдельных русских чиновников проявились настроения в пользу этого акта. Оно отмечено среди болгар, обитавших в Южной Бессарабии и заявивших Михельсону, «что ежели Молдавия за ними (то есть, за Россией – В.Г.) не останется, то они готовы переселиться в Россию на вечное подданство» [27. 594].

По-существу эти же настроения разделял С.Л. Лашкарев, ставший в марте 1807 г. председателем диванов Молда-

вии и Валахии. Говоря о желании молдавских и валашских бояр присоединиться к России [28], Лашкарев доносил Александру I : «Если обстоятельства воспрепятствуют освободить эти два княжества от турецкого ига и всевышнему не угодно будет подвести их под благодетельный скипетр в.и. величества, то, по крайней мере, дерзаю предложить об избавлении сих бедных людей от вышесказанных господарей и назначить других». Лашкарев добавлял, что если Молдавию и Валахию не удастся присоединить к России, то при мирных переговорах можно будет включить в состав империи крепость Хотин и Хотинскую райя [29. 33].

В процессе войны представители княжеств неоднократно обращались к русским властям с предложением и просьбой о включении Молдавии и Валахии в состав России. Эти обращения посылались Александру I, командующим русской армии в княжествах, часто сменявшим друг друга, различным русским генералам и чиновникам. В одном из писем молдавских бояр, направленных на имя генерала С. С. Апраксина, и затем переданном Александром I новому министру иностранных дел России Н. П. Румянцеву отмечалось «всеобщее желание обоих княжеств о присоединении их к России. Бояре представляют, что, ежели княжества останутся на прежнем основании, то всегда разоряемы будут, с одной стороны, окружающими их турецкими начальниками, с другой же — государями, которые княжествами управлять будут и которые будучи в оных чужды, не о их благе, а о своем обогащении пешищь станут и о том, чтоб поддержать себя в Диване» [30. 78].

Сравнительная малочисленность русской армии в княжествах, связанная с тем, что основные силы пришлось бросить против Наполеона, а затем держать на центральном участке западной границы, военные действия с Ираном и Швецией не позволяли добиться решительных успехов в боях за Дунаем [31. 56 — 58]. Во время войны главная задача местной администрации заключалась в снабжении русской армии и сражавшихся на их стороне добровольцев продовольствием, фуражем

и прочими материальными средствами [32]. Администрация во главе с русскими чиновниками (Лашкарева сменил бригадир Шакалов, затем С. С. Кушников и В. И. Красно-Милашевич) должна была также регулировать отношения молдаво-валашского населения с армией, пресекать, с одной стороны, саботаж антирусских группировок бояр, и, с другой, не допускать злоупотреблений со стороны армейских частей.

Что касается турецких райя в междуречье Прута и Днестра, а также земель буджакских ногайцев, то их передали под управление молдавского дивана. 8 мая 1807 г. А. Будберг довел до сведения И. Михельсона, что император Александр I одобрил представление Михельсона «относительно рай Бендерской, Аккерманской и Килийской; его величество соизволяет, чтобы оные, также как и Хотинская были в управлении Молдавского дивана, а равным образом и вся часть Бессарабии, которая войсками нашими занимается...» [33. 361]. Молдавский диван отдавал эти территории на откуп, но средства, получаемые от откупщиков и поступавшие поначалу в вистерию (казну княжества), затем передавались на нужды находившихся здесь российских войск. Этот откуп составлял в 1807 г. — 40.000 лей, в 1808 — 145.000, в 1809 — 240.000, в 1810 — 286.000 и в 1811 г. 310.000 левов [34.89].

В 1807 г. почти все буджакские ногайцы покинули Пруто-Днестровское междуречье. Часть из них, как и весь гарнизон Измаила, до 1809 г. находилась в районе этой крепости (за крепостными стенами), но вскоре и они покинули Буджак. К концу войны в междуречье практически не осталось мусульманского населения. Это было не первым выселением ногайцев из Буджака, оно ускорило попыткой организации их восстания против России [35].

Важнейшим вопросом войны постепенно становился вопрос о своевременном и почетном ее окончании. Составной частью его являлись территориальные проблемы, вырисовавшиеся все более рельефно. Первоначально, как уже отмечалось, российское правительство открыто не ставило перед

собой цели присоединения каких-либо новых территорий на Юго-Западе, хотя имелись довольно значительные силы, настаивавшие на этом. В конце 1806 г. русское правительство всячески старалось успокоить общественное мнение и, прежде всего, европейские и турецкое правительства, опасавшиеся укрепления России на Балканах. В инструкции, которую А. Я. Будберг дал К. О. Поццо-ди-Борго, находившемуся на русской дипломатической службе, предписывалось заявить венскому двору, что у императора Александра I «нет ни малейшего намерения завоевывать что бы то ни было у Турции, а военная оккупация Молдавии и Валахии имеет единственной целью принудить Порту восстановить отношения, ранее существовавшие между нею и Россией в силу договоров...» [36. 380].

Будберг писал великому визирю Турции Ибрагиму Хильми-паше 26 февраля (10 марта) 1807 г., что Александр I «глубоко убежден, что Россия прямо заинтересована в целостности и независимости Оттоманской империи». О том, что Россия не стремится к территориальным приобретениям, а к дружбе с Портой И. Михельсон писал руцукскому паше Мустафе Байрактару 26 апреля 1807 г., а К. Родофиникин еще раньше — 9 апреля того же года [36. 517, 774]. В это же самое время, 8 апреля, А. Будберг доводил до сведения Михельсона результаты прохода английского флота в Стамбул, повлиявшие на предложение Портой мирных переговоров. Обрадованный таким исходом продвижения английского флота английский посол предложил до заключения общего мира занять Дарданеллы англичанами, а Молдавию и Валахию русскими войсками. Александр I не пошел и на такой план, предпочитая восстановление союзного трактата с Портой [37]. Это вполне естественно, ибо русскому правительству отнюдь не импонировала перспектива укрепления англичан в районе проливов.

Тильзитский мир, заключенный между Россией и Францией 25 июня 1807 г., предусматривал и урегулирование русско-турецких отношений. 22 и 23 статьи этого мира предписы-

вали вывод русских войск из княжеств, но таким образом, чтобы турки не могли в них вступить до подтверждения мира. Обе статьи предусматривали посредничество Франции для заключения мира. В них говорилось: «Франция обязывается действовать заодно с Россией против Оттоманской Порты и обе договаривающиеся стороны условятся, чтобы изъять из-под Турецкого ига и притеснения все провинции европейской Турции за исключением Румелии и Константинополя» [38. 136]. Эта секретная часть договора, по-существу, означала план раздела Османской империи между Россией и Францией и наложила свой сильнейший отпечаток на последующие отношения России с Турцией в период войны и перемирий 1807 – 1812 гг.

28 июня 1807 г. Александр I предписывал Михельсону сообщить турецкому правительству о том, что вывод русских войск из Молдавии и Валахии будет осуществлен лишь при посредничестве Франции в русско-турецких переговорах и в том случае, если турки выведут на время этих переговоров свои войска из Валахии и не займут Молдавию. Турки должны были назначить уполномоченных для окончательного заключения мира, который Михельсон должен был подписать с великим визирем на указанных условиях [39. 137 – 139]. Мир подписан не был. 12 августа 1807 г. подписывается Слободзейское перемирие, третья статья которого предусматривала вывод русских и турецких войск из Валахии и Молдавии в течение 35 дней [40. 221 – 223].

Условия перемирия были неодобрительно встречены Александром I. Он был против статьи о возвращении захваченных во время войны турецких кораблей и статьи о прекращении перемирия не ранее весны следующего, 1808, года [41. 134 – 137], которые он считал выгодными для Порты. Вместе с тем турки, нарушая договор, стали занимать оставленные русскими войсками места, вводить там свое управление, сопровождаемое грабежами и убийствами [42]. В связи с этим, хотя перемирие было ратифицировано сменившим Михельсона Мейендорфом, уже в сентябре новому главнокомандующему

А. А. Прозоровскому дается рекомендация «под всеми предложениями медлить с выводом русских войск из Валахии и Молдавии» [43. 187].

В русских правительственных кругах сложилось четкое представление о том, что отвод русских войск за Днестр даст преимущества лишь одной Турции, поскольку при возобновлении военных действий Турция оказалась бы в более выгодном стратегическом положении, чем Россия. Слободзейское перемирие, будучи порождением Тильзита, явно не устраивало Россию, где широкие слои общества прямо выражали свое недовольство Тильзитским миром и в том числе условием об очищении Молдавии и Валахии. Слободзейское перемирие Прозоровский назвал постыдным и делал все возможное, чтобы оно выполнено не было. 3 ноября Александр I доводит до сведения Наполеона о прекращении по его приказу эвакуации русских войск из Молдавии и Валахии ввиду того, что перемирие его не устраивает, а турецкая сторона не намерена вносить в него приемлемые для России изменения [44].

После Тильзита стало ясно, что судьба Молдавии и Валахии будет решаться не на переговорах между Россией и Турцией, а в процессе дипломатических отношений России и Франции [45. 139]. Осенью 1807 г. император Александр I заявил о своих претензиях на Молдавию и Валахию. Первоначально, в середине сентября 1807 г., давая инструкцию своему послу в Париже П. А. Толстому о линии поведения в отношении турецких дел, Александр I предписывал ему, на случай, если не удастся добиться от Наполеона больших уступок, требовать, по крайней мере, перехода к России одной Бессарабии с крепостями [46. 107]. Таким образом, в начале осени 1807 г. стремление к перенесению русской границы за Днестр выражал не какой-либо представитель России, не обладавший всей полнотой власти, будь то министр иностранных дел Чарторьский или главнокомандующий Молдавской армией Михельсон, а сам русский император, считавший Бессарабию лишь минимумом своих желаний. В действительнос-

ти, в период после Тильзита в его планы входило включение в состав России также и Валахии, и Молдавии [47. 116]. 9 октября 1807 г. представитель Наполеона в Петербурге генерал Савари доносил своему императору, что Румянцев доказывал ему желательность присоединения к России Молдавии и Валахии и ссылался при этом на благоприятную международную обстановку и необходимость оправдания Тильзитского мира «перед нацией» [48. 115 – 128], то есть, перед русскими господствующими слоями. В подобном же духе должен был действовать и русский посол в Париже П. А. Толстой, которому были направлены 26 сентября соответствующие инструкции, а 18 ноября Александр I официально потребовал у Наполеона сохранения за Россией княжеств [49. 143].

В течение нескольких последующих лет между французскими и русскими представителями шел настоящий торг, в процессе которого должна была решиться судьба Молдавии и Валахии, а также ряда других европейских земель. 26 октября 1807 г. Толстой доносил Румянцеву о беседе с Наполеоном, выступившим против расчленения Турецкой империи, но заявившим, что он не против присоединения к России Молдавии и Валахии и даже Константинополя, но сам бы хотел получить вознаграждение не в Албании и Морее, а в Пруссии. При этом Наполеон предложил также ни что иное как совместный поход русских, французских и персидских войск в Индию [50.241 – 245]. Савари сообщает 6 декабря 1807 г. Наполеону о беседе с Александром I, напомнившим о том, что в Тильзите не говорилось о вознаграждении Франции за счет Пруссии, как компенсации за приобретение Россией княжеств, а разговор велся о видах Наполеона на Албанию, Морею, Кандию и Ионические острова. По словам Александра I, именно Наполеон первым затронул в Тильзите вопрос о Молдавии и Валахии, заметив, что «после длительной войны нужно предстать перед своим народом в выгодном свете, так чтобы это заставило забыть принесенные жертвы». Александр категорически выступил против расчленения Пруссии,

заявив, что на этих условиях он не согласится даже на все турецкие владения [51. 460 – 462].

Впоследствии, еще в течение нескольких месяцев, Наполеон увязывал решение молдавско-валахских дел с уступками России в Пруссии [52], затем он предъявил претензии на Дарданеллы, на что Россия также не могла согласиться. Далее Наполеон выдвинул требования территориального удовлетворения Австрии и начался торг в новом направлении [53]. Каждый раз появлялись новые комбинации, и посол России Толстой посылает донесения одно тревожнее другого. 2 января 1808 г. в донесении Н. П. Румянцеву он пишет о невозможности договориться с французами, о нежелании их покинуть стратегически важные позиции в Пруссии, где французская армия содержалась за счет местного населения, и поскольку все это увязывалось с придунайскими делами, предлагал только ограничиться согласием Наполеона на присоединение к России Менгрии и Бессарабии. Ограничиться Бессарабией, о которой шла речь в Тильзите, Толстой предлагает и в следующем донесении Румянцеву, посланном 3 января 1808 г. Но иной уже была точка зрения императора Александра I, вроде бы забывшего свои планы, которые он развивал в 1806 г.; теперь он категорически настаивал на проведении новой границы по Дунаю. Толстой между тем продолжал посылать тревожные донесения. 25 апреля 1808 г. он прямо предлагает заключить мир с Англией, развеять опасения Австрии на счет желания России приобрести княжества и т.д., поскольку видел, что Наполеон после войны с Испанией приступит к осуществлению новых захватнических планов [54].

Менее чем через месяц Толстой со всей настоятельностью пишет о бесперспективности союза с Наполеоном, обещания которого никогда не будут выполнены, настаивает на скорейшем заключении мира с Турцией и прямо отмечает, что приобретение Молдавии и Валахии не окупит огромных жертв, ожидающих Россию в будущем. Позиция Александра I оставалась однако непреклонной, да и позиция других держав, казалось,

благоприятствовала его видам на княжества. 28 февраля Румянцев в письме А. А. Прозоровскому отмечал: «Из Парижа получили мы полное удостоверение от императора Наполеона о согласии его, чтобы с одной стороны шведская Финляндия, с другой же княжества Молдавии и Валахии на вечные времена были присоединены к России» [55]. Более чем через полгода, 17 сентября 1808 г., тот же Румянцев доносил Александру I о своей беседе с французским министром иностранных дел Шампиньи, который «не оставил мне желать ничего лучшего, говоря о справедливости сохранения за в. в — ом Молдавии и Валахии, коими Вы уже овладели» [56. 349].

Австрия внешне также не была против присоединения княжеств к Российской империи. В письме Н. П. Румянцева послу России в Вене А. Б. Куракину от 27 июня 1808 г. дается ссылка на венский двор, который «близок даже к мысли помочь нам получить Молдавию и Валахию, если мы согласимся владеть этими провинциями на условиях некоторой модальности» [57]. Не совсем было ясно, что следовало понимать под термином модальность, но была важна и такая расплывчатая оговорка. Что же касается Англии, то по словам Н. П. Румянцева, сказанных им Шампиньи, английское правительство «благожелательно отнесется к приобретению нами Молдавии и Валахии» [58. 350].

Нам не удалось проверить истинность слов русского министра, но уже после Эрфурта новый французский посол в Петербурге Коленкур сообщал 22 ноября 1808 г. Шампиньи о распространении в Петербурге копии письма Каннинга Новосильцеву, которое противники союза с Францией всячески использовали, чтобы показать его (союза) невыгодность для России и то, что Англия лучше, нежели Франция, сможет обеспечить присоединение Молдавии и Валахии к России [59. 368 — 373]. Думается, что Англия согласилась бы на подобное приобретение России при условии ее разрыва с Францией; условия выставлялись и Австрией, и Францией, но ни одно из правительств этих стран в то трудное время не выска-

залось категорически против перенесения русской границы в районах Нижнего Дуная. Оставалось уломать Порту, которую те же правительства тайно противопоставляли России. Но, казалось, что и с Портой удастся договориться, поскольку 30 сентября 1808 г. в Эрфурте подписывается новая франко-русский союзная конвенция.

В восьмой статье этой конвенции говорилось, что российский император «перенес уже границы своей империи с этой стороны до Дуная и присоединил к своей империи Молдавию и Валахию, не находя возможным признать целостность Оттоманской империи иначе, как под этим условием». Далее говорилось о признании Францией этого приобретения, об отказе ее от посредничества в русско-турецких отношениях, о сохранении в целостности прочих владений Оттоманской империи и пр. Конвенция, однако, предусматривала сохранение в тайне восьмой статьи и последующее решение вопроса о княжествах непосредственно между Россией и Турцией — мирным или вооруженным путем [60. 362 — 363].

Заручившись поддержкой Франции, хотя и сомнительной, ибо последняя продолжала тайно противопоставлять Турцию России, царское правительство решило первоначально пойти на переговоры с Портой, но на условиях определения границы между империями по Дунаю [60. 368]. Турция согласилась на переговоры, но Александр I считал, что Порта лишь хотела выиграть время и подготовиться к летней кампании. Русский император предписывал Прозоровскому потребовать от великого визиря скорейшего начала переговоров на условиях границы по Дунаю, независимости Сербии под покровительством России и Турции и признании присоединения к России Грузии, Имеретии и Менгрелии. В случае непринятия этих условий предлагалось возобновить военные действия [61. 544 — 546].

Русскими уполномоченными на переговорах, которые должны были начаться в Яссах, были назначены генералы М. А. Милорадович и И. М. Гартинг и сенатор С. С. Кушников, получившие инструкции от главнокомандующего А. А. Прозорове-

кого. Непременным условием переговоров называлась граница по Дунаю, причем к России должны были перейти все острова, примыкающие к левому берегу реки и все его устье до середины Георгиевского гирла. Прозоровский даже составил проект разделения княжеств на четыре русские губернии, первую из которых должна была составить Бессарабия, вторую — Молдавия, а третью и четвертую — Валахия [62. 68].

Турецкая делегация, возглавляемая реис-эфенди Галибом — видным турецким дипломатом, еще в 1801 г. выезжавшим в Париж и затем возглавлявшим переговоры с Россией в Слободзее, выехала из Стамбула 2 декабря и прибыла в Яссы почти через три месяца — 24 февраля 1809 г. Александр I, отмечая затяжку мирных переговоров Портой, предписывал Прозоровскому возобновить военные действия на Дунае, несмотря на трудности, которые может породить зимняя кампания. 21 марта Прозоровский объявил о прекращении давно просроченного, затянувшегося на полтора года перемирия. Решение вопроса о новых границах было переведено на военные рельсы, и 1809 г. ознаменовался активными военными действиями русских войск. Преемнику Прозоровского на посту командующего Молдавской армией генералу П. И. Багратиону удалось добиться значительных успехов. Пали такие крупные турецкие крепости на левом берегу Дуная, как Измаил и Браилов, капитулировавшие перед русскими войсками соответственно в сентябре и ноябре 1809 г. К зиме 1809 — 1810 гг. вся Бессарабия была очищена от турецких войск и на левом берегу Дуная у турок не осталось ни одной крепости, что означало и полное овладение русскими войсками Молдавии и Валахии [63].

Как и прежде, в 1809 г. Россия настаивала на присоединении к ней обоих княжеств, а также Бессарабии. Это подтверждается как предписаниями армейских властей, так и документами русского МИДа, в частности отражающих взаимоотношения России с Австрией и Францией [64]. Примечательно, что 8 декабря 1809 г. в речи перед Законодательным собранием Франции Наполеон громогласно заявил о присое-

динении к России Молдавии и Валахии следующими словами: «Мой союзник и друг, российский император, присоединил к своей обширной империи Финляндию, Молдавию, Валахию и один округ Галиции. Я не завидую ничему, что может послужить ко благу этой империи» [65. 364]. Подобные заверения французского императора были в то время довольно частыми. Он, например, подчеркнул в мае 1810 г., что дал французскому послу в Константинополе инструкции поддерживать права России на Молдавию и Валахию [66. 237 – 240, 252 – 256], и при всем этом, французские агенты активно действовали как в княжествах, экономическое положение которых было крайне тяжелым, так и за Дунаем, и всячески распространяли и поддерживали антирусские настроения [67. 74 – 75]. Военные действия продолжались и конца им видно не было, а влияние Наполеона продолжало все укрепляться как в Европе в целом, так и в районах, близких к княжествам. В конце 1809 г. посылают курьера к Мармону сербы, а в начале 1810 г. они отправляют через Валахию депутатов в Париж [68. 228]. Ощущается влияние французов среди греков и черногорцев. Еще раньше, как писал М. Н. Богданович, «французские агенты в Константинополе старались поселить в турках недоверие к России и поставить Диван в зависимость от Бонапарта» [69. 329]. Все больше чувствовалось приближение конфликта России с Францией. В этих условиях необходимо было уладить отношения с Турцией.

7 февраля 1810 г. новому, уже пятому по счету, русскому командующему Молдавской армией генералу Н. М. Каменскому пересылается Проект мирного трактата с Портой, четвертая статья которого предусматривала присоединение «на вечные времена к Российской империи» Молдавии, Большой и Малой Валахии и Бессарабии. Подробно оговаривалось даже какие острова на Дунае отойдут к России, какие к Турции [70. 364]. Несмотря на установление контакта Каменского с лагерем великого визиря, на попытки посредничества Пруссии, благожелательно относившейся к России и желавшей

скорейшего окончания русско-турецкой войны и переброски русских дивизий для последующего их использования против Наполеона, 1810 г. также не завершился ликвидацией русско-турецкого конфликта. Более того, в этом году по вопросу о княжествах усилились австро-российские противоречия, а Каменский по-прежнему настаивает на том, что непреложным условием соглашения о перемирии с Турцией является граница по Дунаю, как и ряд других условий [71].

В октябре 1810 г. Н. Румянцев пишет послу России в Вене П. А. Шувалову, что «... при нынешнем состоянии турецких дел и поскольку Франция уже признала Дунай нашей границей с Турцией, е. в-во льстит себя надеждой, что мир будет заключен и даже с меньшей задержкой в результате прямых переговоров, которые начнутся между графом Каменским и великим визирем». В ответ Шувалов доносил Румянцеву о неблагоприятном отношении Австрии к установлению русско-турецкой границы по Дунаю и к включению Молдавии и Валахии в состав России, хотя на словах Меттерних вроде бы был не против подобного акта и соглашался на признание прав России, если Турция уступит их по договору. Шувалов при этом добавлял: «Я сильно сомневаюсь, чтобы Австрия искренне сблизилась с Россией, если не уступит ей безвозмездно Малую Валахию и, весьма возможно, Сербию, хотя этот двор и делает вид, что не желает увеличения Австрии за счет Турции» [72]. Но и в самом начале 1811 г. Александр I не хотел идти ни на какие уступки. 5 января 1811 г. он указывал Н. М. Каменскому: «Мир же заключить, довольствуясь иною границею, нежели Дунай, я не нахожу ни нужды ни приличия» [73. 10]. Действительно, трудно сказать, что было важнее для Александра I в начале 1811 г. — нужда или приличие, скорее может быть даже последнее, ибо в этот период успехи России и ее влияние на ход европейских дел были не большими или не намного большими, чем в момент начала русско-турецкой войны.

Сложилась довольно интересная картина. Если в 1806 г.

многие из приближенных императора Александра I стояли на позициях присоединения княжеств, а сам он был другого мнения, то через пять лет положение изменилось. Александр I категорически требует границу по Дунаю, а многие из видных сановников начинают понимать невозможность подобной границы, ибо война с Наполеоном приближалась и часть русских войск была переброшена с Дунайского театра, заметно ослабив Молдавскую армию. П. Шувалов вновь, на сей раз 28 января 1811 г., пишет о желании Австрии сблизиться с Россией, но, подчеркивал он, на такое сближение она не пойдет, если Россия по крайней мере не откажется от Валахии [73. 47]. Но, несмотря на такие предостережения, ни Александр I, также считавший, что Россия должна значительно расширить свои владения [74. 104], в начале 1811 г. не собирались идти ни на какие уступки. В инструкции, которые были даны А. Я. Италинскому Румянцевым 27 февраля 1811 г. на случай русско-турецких мирных переговоров, опять неизменным основанием для мирного договора было согласие Порты на границу по Дунаю и иные условия не признавались, ибо, как писал Румянцев, «относительно границ высочайшая воля в. пр-ву уже известна» [75. 85].

Тем временем пришлось произвести новые перемены в русском командовании и на место заболевшего молодого Каменского 2-го, умершего в мае 1811 г., назначается М. И. Кутузов — шестой командующий Молдавской армией, прибывший в Бухарест 1 апреля [76. 250]. Кутузову, уже принимавшему участие в этой войне при Прозоровском, правой рукой которого он считался, было суждено завершить затянувшийся русско-турецкий конфликт и добиться долгожданного мира. Тогда (с 4 марта 1808 г.) Кутузов командовал в Молдавской армии Главным корпусом. С Прозоровским у него поначалу были хорошие отношения, но затем они испортились.

У Кутузова остались силы почти в два раза меньшие, чем те, которыми располагал Каменский в 1810 г. В начале июня впервые промелькнуло упоминание о возможности проведения

границы по Сирету, представлявшему удобную в стратегическом отношении преграду. Несколько позднее, но в этом же месяце Кутузов излагает Румянцеву пожелание изменить позицию в вопросе о княжествах, считая, что Россия должна оставить за собой лишь Молдавию. Это было еще сравнительно оптимистическое предложение, поскольку посол в Париже А. Б. Куракин требовал «как можно скорее заключить, чего бы это нам не стоило, мир с Портой, чтобы получить возможность сосредоточить только на Франции все наше внимание и все усилия» [77].

Предложения М. И. Кутузова больше импонировали правительству, и в новых инструкциях на случай мирных переговоров, одобренных Александром I и подписанных Румянцевым, отмечалось: «Приобретения наши ограничить одною Молдавиею и Бессарабиею. Ежели турецкие министры будут крайне затрудняться уступкою всего княжества, то довольствоваться определением границы по реке Сирету, продолжающую по Дунаю до впадения его в Черное море» [78. 172]. За уступку Турции Валахии требовалась денежная сумма, а также предусматривались внутренние преобразования в этом княжестве, с тем, чтобы облегчить его положение.

Но к мирным переговорам турок еще нужно было принудить, чего и добился М. И. Кутузов в результате блестящих побед под Рущуком и Слободзеей летом и осенью 1811 г. В начале октября верховный визирь, покинувший армию, заманенную туда Кутузовым, окруженную на левом берегу Дуная, предложил русскому командованию пойти на переговоры. Первоначально он заявил, что имеет полномочия только на уступку России Хотина с округою или возмещение определенных издержек России на войну, но Кутузов категорически отказался пойти на подобные условия, сославшись на предписание Александра I: «Дунай положить границею своей империи». Через несколько дней турецкие представители уже предложили уступить России не только хотинщину, но и Бендеры, Аккерман, Каушаны, то есть, Бессарабию до Прута [79. 651– 658 750]. Это уже было существенной уступкой со стороны турок,

ибо еще несколько месяцев тому назад, в июне Италинский, предпринявший попытку переговоров с великим визирем, выслушивал постоянные отказы турецкого представителя, заявившего, что Турция не уступит ни одной пяди земли [80. 104].

В октябре 1811 г. турки пошли на заметные уступки, но Кутузов чувствовал возможность дальнейшего наращивания требований и оставался непреклонным. Сам он, руководствуясь инструкцией, настаивал на принятии в качестве основы для переговоров границу между Валахией и Молдавией, пытаясь добиться дальнейших уступок со стороны турок. 10 октября визирь послал новое предложение, заключавшее согласие на уступку России Молдавии до Сирета [81]. Большого, по-видимому, ожидать не приходилось, ибо не только турецкое руководство, но и греки-фанариоты боялись полностью потерять для себя Молдавию, господарский престол которой был «драгоценной кормушкой» для фанариотов в течение многих десятилетий. Но турецкая армия была окружена, силы ее таяли на глазах и визирь должен был делать одну уступку за другой. Граница по Сирету дозволялась и инструкциями, имевшимися у Кутузова, и он принял последнее предложение турок. Результатом был созыв 19 октября 1811 г. в маленьком городке Журже (Джурджу) новой русско-турецкой конференции [82. 293].

Когда начались переговоры в Журже ничто не предвещало осложнений и будущего оттягивания умиротворения на целых семь месяцев. И та, и другая делегация к моменту первой встречи сходились в главном, в установлении новой границы России по р. Сирет, но это была лишь кажущаяся согласованность. В первый же день русская сторона предложила включить в состав России Бессарабию, всю Молдавию и дельту Дуная, то есть Килийское, Сулинское и левый берег Георгиевского гирла, что встретило резкое противодействие турецких уполномоченных. Последние согласились уступить Бессарабию, Молдавию по Сирет и часть дельты на север от Сулинского гирла [83. 684 — 685]. Требования русских деле-

готов носили характер чисто дипломатической разведки и не соответствовали реальным видам России. Это стало ясно уже 20 октября, когда Италинский сообщил о согласии Кутузова принять Сирет в качестве границы, и в результате обмена мнений участники конференции пришли к единому выводу о границе по Сирету и Сулинскому гирлу. Казалось, что главные разногласия уже позади, ибо установление границы по Сирету, как писал Румянцев Кутузову 26 октября, являлось бы главной статьёй будущего мирного трактата, тогда как границы в Азии, больше интересовавшие турок, не представляли для русского правительства столь значительного интереса [84].

Новые осложнения начались на заседании 31 октября, когда выявилось явное желание турецкой стороны затянуть переговоры, ради чего они пошли на усложнение самых простых вопросов. Через несколько дней выяснилось, что делегация не получила полномочий от султана Махмуда II и что он отказывается от установления русско-турецкой границы по р. Сирет. Более того, несмотря на уже сделанную визирем уступку части Молдавии до р. Сирет, султан выразил желание сохранить за собой не только Галац, но и Измаил с округами [85]. Когда, наконец, прибыли полномочия и 17 ноября они были оглашены, стало ясно, что до окончательного урегулирования вопроса о границах еще далеко. Руководитель турецкой делегации официально заявил о несогласии султана на установление границы по Сирету [86. 114]. Переговоры практически зашли в тупик.

Пытаясь оказать давление на султана, Кутузов 25 ноября 1811 г. пленил 12 тыс. турок, окруженных на левом берегу Дуная, разоружил их и оставил на зимовку в Валахии [87. 73]. Сам же он перебрался в Бухарест, где продолжились переговоры, но, опять-таки, без успеха.

Недовольный ходом конференции Александр I в рескрипте от 12 декабря предписывал разорвать перемирие в случае отказа верховного визиря принять требования русского правительства, восклицая: «Мир, неприличный достоинства Рос-

сии, будет для нее более вреден, нежели полезен». Кутузову ничего не оставалось как прервать переговоры, о чем он сообщает Н.П. Румянцеву 3 января 1812 г., и возобновить военные действия. Последнее, четырнадцатое заседание конференции в 1811 г. состоялось 31 декабря, причем на нем турки проявили еще меньшую уступчивость, чем раньше, требуя сохранения за султаном части Бессарабии, в частности, Измаила и Килии. Любопытно, что в это же самое время Наполеон, подстрекавший турок к несогласию с русскими предложениями, обещал австрийцам Молдавию, Валахию и устье Дуная [88], пытаясь тем самым перед походом на Россию привязать к себе Австрию. Вместе с тем, Наполеон стремился вовлечь в свой поход на Россию и Турцию [89].

Начало 1812 г. было для России еще более тревожным, чем любой из прежних годов со времени войны с турками. Не было видно перспективы ее скорейшего завершения, но по-прежнему граница по Сирету являлась отправным пунктом русских требований. В первый день нового, 1812, г. М. И. Кутузов писал визирю: «Действительно, Вашей светлости неизвестно, что уступка территории до р. Сирет являлась условием *sine qua non* перемирия и что условия капитуляции, обеспеченные Вашей армии, могли быть лишь ее следствием» [90. 257 – 258].

Пришлось возобновить военные действия, имея в своем распоряжении значительно уменьшенную армию (по сравнению с началом 1811 г.) и в зимних условиях нельзя было рассчитывать на значительные успехи. Военный министр России М. Б. Барклай-де-Толли в письме, относящемся к январю 1812 г., писал Александру I о крайней необходимости заключения мира с Турцией и что «мир с Турцией является, таким образом, первым шагом, который надлежит сделать, чтобы обеспечить себе успех в войне против Франции». Барклай-де-Толли убеждает императора в том, что граница по Сирету выгоднее России, чем обладание Валахией и в плане стратегическом, и в плане возможного сближения с Австрией и Турцией [91.269].

Чтобы воздействовать на турок решили начать подготовку к десанту русских войск в Стамбул, о чем Александр I направил 16 февраля 1812 г. рескрипт Кутузову, где, среди прочего, писалось: «Желая кончить решительную войну с Портою, не нахожу лучшего средства для достижения сей цели, как произвести сильный удар под стенами Царьграда, совокупно морскими и сухопутными силами». Экспедицию армии и флота должен был возглавить генерал-губернатор Новороссии Э. И. Ришелье [92]. Трудно сказать, рассматривалась ли она как серьезное предприятие. Морская экспедиция да еще зимой или ранней весной, да к тому же тогда, когда Наполеон все больше стягивал свои силы к русским границам — была делом трудно осуществимым. Подготовка к подобному десанту должна была больше оказать психологическое воздействие на турецкое правительство и заставить его скорее подписать мир. В апреле 1812 г. подготовка к экспедиции была прекращена в связи с начавшейся в Стамбуле чумой, но еще до этого была предпринята последняя попытка к возобновлению дипломатических переговоров.

22 марта Александр I направил Кутузову очередной рескрипт, в котором говорилось о необходимости скорейшего заключения мира и в случае крайней необходимости установить границу по р. Прут. Сразу же после получения этого документа Кутузов назначил частную встречу с турецким уполномоченным в Бухаресте. Организовать такую встречу было нетрудно, ибо, несмотря на состояние военных действий, Кутузов не удалил турецких уполномоченных из Бухареста; даже наоборот, в течение трехмесячного перерыва в переговорах русские представители в личном плане их лучше узнали и, в какой-то степени, сблизились. Встреча Кутузова с турецким уполномоченным состоялась 3 апреля и на ней русский главнокомандующий вновь выдвинул требование об установлении границы по Сирету [93. 850-852. 877]. Несмотря на то, что это требование раньше категорически отвергалось турками и было причиной срыва переговоров, тем не менее 19 апреля они возобновились и состоялось 15-ое заседание делегаций.

Причин возобновления переговоров было несколько. Они объяснялись, по-видимому, и тем, что турецкие представители почувствовали согласие русских пойти на некоторые уступки, и тяжелым положением Османской империи, и слухами о франко-австрийском сближении, и боязнью Наполеона, и деятельностью английской дипломатии, в частности, английского посла С. Каннинга — впоследствии активно борвшегося против российских интересов на Балканах, а в 1812 г. все делавшего ради заключения мира Турции с Россией и освобождения последней для борьбы с грозным противником Англии — Наполеоном. В литературе отмечается и роль шведских дипломатов, которые сообщили турецкой стороне, что Наполеон после заключения мира с Россией намеревается захватить Константинополь, направить свои войска в Иран [94].

На заседании 19 апреля ничего не говорилось о секретном рескрипте русского императора, но как бы для проформы по-прежнему требовалась граница по Сирету и сохранение занятых территорий в Азии. Эта же граница требовалась еще и в инструкции, которую Кутузов дал русским представителям 18 (30) апреля, но 3 мая, в новой инструкции, предложенной тем же Кутузовым русским уполномоченным, было записано: «Границу между двумя империями будет составлять река Прут, начиная от его истоков в Молдавии до впадения в него реки Прут до Килийского устья и до моря...» [95].

После этого дело пошло с молниеносной быстротой. Туркам, которые не хотели отдавать России крепости Измаил и Килию, обещали их срыть, и 5 мая они пошли на составление предварительного текста мирного договора, державшегося первое время в тайне, чтобы французские агенты не помешать дальнейшему его оформлению. Еще несколько дней были посвящены редакционным работам и 16 мая были подписаны турецкая и французская редакции мирного договора [96. 144]. Трактат о мире между Россией и Турцией, заключенный в Бухаресте 16 (28) мая 1812 г., состоял из 16 статей, из которых несколько были посвящены вопросам, связанным с уста-

новлением новой границы по р. Прут и положением Дунайских княжеств. Наиболее важной статьёй, определявшей границу по р. Прут, была статья IV, где было записано: «Первою статьею предварительных пунктов, наперед уже подписанных, постановлено, что река Прут со входа ее в Молдавию до соединения ее с Дунаем, и левый берег Дуная с сего соединения до устья Килийского и до моря, будут составлять границу обеих империй, для коих устье сие будет общее» [97. 51 – 52].

Далее детализировалось положение о пограничных островах. В трактате четко указывалось, что небольшие острова, необитаемые до войны, и находящиеся напротив Измаила до устья Килийского гирла вблизи к его левому берегу, переходящему к России, не будут принадлежать ни Турции, ни России, на них нельзя возводить никаких укреплений и других строений. Острова эти должны оставаться необитаемыми и подданные обоих государств могут на них приезжать только с целью рыбной ловли и рубки леса. Что касается больших островов, находящихся напротив Измаила и Килии, то они также должны оставаться незаселенными на час расстояния, начиная от самого ближайшего пункта, находящегося на левом берегу Георгиевского гирла. Это пространство должно быть обозначено соответствующими знаками, а жилища, имевшиеся до войны, как и населенный пункт Старая Килия, должны остаться за порубежной чертой. Границей по реке Прут устанавливалась ее середина.

Эта статья также предусматривала то, что купеческие корабли обеих стран, как и прежде, могут плавать как по Георгиевскому, так и по другим гирлам Дуная, а военные русские суда получили право плавать по Килийскому гирлу до впадения р. Прут в Дунай. V статья посвящалась Валахии и Молдавии, точнее той ее части, которая располагалась между Карпатами и Прутом и оставалась в вассальной зависимости от султана. Эта статья подтверждала предыдущие трактаты, заключенные между Россией и Турцией относительно княжеств, и предусматривала освобождение ее жителей от всяких налогов на два года и оговаривала особый срок для пере-

селения ее жителей в другие места. Последующее налогообложение в Молдавии устанавливалось соответственно ее новому пространству, уменьшенному по Бухарестскому мирному договору примерно на третью ее часть.

К Молдавии и Валахии имели отношение еще несколько других статей договора. Статья VII устанавливала восемнадцатимесячный срок для взаимного переселения жителей территорий, присоединенных к России, в Турцию и, наоборот, из Турции в Россию. Это право переселения получили, например, татары, выселенные из Бессарабии в Россию, и в том случае, если они этим правом желали воспользоваться, то издержки на переселение падали на Порту. Переселиться в области подчиненные султану могли не только мусульмане, но и христиане, жившие на землях, отходивших к России, а в Россию могли переехать христиане, уроженцы этих земель (или имеющие владения в этих местах) со своими семьями и имуществом, по тем или иным причинам очутившиеся вдали от своей родины. Статья XI предусматривала вывод русских войск из Молдавии и Валахии в течение трех месяцев со дня ратификации договора, а в статье XVI указывалось, что ратификация должна быть произведена русским императором и турецким султаном [98]. Были подписаны две секретные отдельные статьи, которые не были ратифицированы турецким правительством и потому не вошли в силу [99. 416 – 317, 468, 751].

В состав Российской империи вошла территория площадью в 45, 8 тыс. кв. км, все течение правого берега среднего и нижнего Днестра, Днестровский лиман, бессарабское побережье Черного моря от Днестровского лимана до Георгиевского гирла Дуная, левый берег Георгиевского гирла Дуная от впадения в него р. Прут и до Черного моря, левый берег р. Прут. Российская империя получила одни из самых плодородных земель в Европе, богатые солью озера Южной Бессарабии и т.д. В ее состав вошли крупные крепости: Хотинская, Сорокская, Бендерская, Аккерманская, Килийская, Измаильская. Вся эта территория, окаймленная Днестром, Прутом,

Черным морем и Дунаем, первое время не имела единого названия. Во второй половине 1812 г. ее начали называть Бессарабией, распространив название ее южной части на все междуречье. А в 1813 г. создается Бессарабская область — новая историческая общность в составе России. Она обладала автономией в составе Российской империи в соответствии с «Правилами временного правления Бессарабии» 1813 г., а затем «Уставом образования Бессарабской области» 1818 г. — своеобразных конституций этого края.

Освобождение Бессарабии от турецкого господства, уничтожение турецкой торговой монополии, создание внутреннего бессарабского рынка (с 1812 по 1830 гг. Бессарабия находилась между двумя таможенями) как части общероссийского, ликвидация внутренних таможен (в Молдавском княжестве они были отменены только с 1 января 1830 г.) дали толчок для развития бессарабской экономики. Вскоре Бессарабия занимает первое место в империи по производству винограда и вина, табака, одно из первых мест по сбору зерна. Южная Бессарабия с ее дунайскими портами, соляными озерами, выходом к морю, обширными пастбищами хорошо дополняла центральную и северную части Бессарабии, с более развитым зерновым хозяйством, виноградарством, животноводством, их лесами. В сравнительно короткий период Бессарабии удалось преодолеть ряд тяжелых последствий, связанных с русско-турецкой войной и разрывом прежних экономических связей. После 1829 г. Бессарабия становится одним из крупных экспортеров сельскохозяйственной продукции в Европе.

Если турецкие райя Бессарабии и земли, населенные буджакскими ногайцами, находились на стадии восточного феодализма, а территория Молдавского княжества относилась к так называемому переходному феодализму от восточного к западному, то, включившись в состав Российской империи, Бессарабия оказались в системе европейского феодализма, более развитого по сравнению с восточным и более способствовавшему переходу к буржуазным отношениям.

Подписание мирного договора в Бухаресте еще не означало, что трудностям в русско-турецких отношениях был положен конец. Впереди было еще много нерешенных проблем и одной из них должна была стать своевременная ратификация договора, поскольку уже в начале июня русские государственные деятели выражали беспокойство по случаю тех препятствий, которые чинил его ратификации султан. Александр I ратифицировал договор 11 июня, за день до вторжения Наполеона в Россию, султан же продолжал проводить выжидательную политику и ратифицировал договор лишь в июле, о чем Александр объявил с радостью в Москве 8 июля и назвал Бухарестский мир «Богодарованным» [100].

Генерал Чичагов был седьмым командующим Молдавской армии. Он прибыл в княжество в мае 1812 г., имея особые инструкции, и пытался изменить в лучшую сторону условия Бухарестского мира. Следуя инструкциям, он строил планы десанта против Стамбула, а после начала войны с Наполеоном, предполагал направить имевшиеся в его распоряжении четыре дивизии в Далмацию, предпринимает меры для создания славянского ополчения и пр., пока не получает единственно правильное в тех условиях распоряжение Александра I от 18 июля о переброске Молдавской армии на Север [101].

Ряд сложностей обнаружился и при управлении нового края, в котором большую роль сыграли И. Каподистрия и А. Стурдза — выходец из омолодававшихся греков, отец которого стал первым гражданским губернатором Бессарабской области. 26 октября 1812 г. группа бояр Молдавского княжества составила протест против присоединения Бессарабии к России и требовала восстановления прежних границ. Этот протест был направлен султану новым господаром Скарлатом Каллимахи, отказавшимся послать его другим державам, в первую очередь, России [102. 173 – 174].

Нет ничего удивительного в том, что молдавские бояре были недовольны разделом княжества, это было вполне естественно, ибо они потеряли власть над значительной частью территории

страны, власть, которую им, кстати, раньше приходилось делить с фанариотами, не говоря уже о верховной власти султана. Другая причина протеста заключалась в том, что часть имений бояр находилась в Молдавии, часть в Бессарабии, и это порождало значительные трудности, и большинство из них решило переехать в княжество, поскольку их также интересовали высокооплачиваемые должности, приносявшие в то время больший доход, нежели эксплуатация имений. Особо обращает внимание время составления протеста — 26 октября 1812 г., то есть, протест был составлен не в мае, когда были подписаны условия договора, не в начале июля, когда он был ратифицирован и царем, и султаном, а почти четыре месяца со времени ратификации и через два месяца после вывода русских войск из княжеств, когда стало известно о падении Москвы и трудностях, испытываемых Россией. Не исключено, что здесь не обошлось без подстрекательств турок, французов или австрийцев, которым молдавские бояре, не имея поддержки русского правительства, решились пойти навстречу. Но в декабре 1813 г. последовало очередное прошение молдаван к России с просьбой о покровительстве [103. 5].

Выселение части крестьян из Бессарабии обеспокоило Александра I, опасавшегося не только сокращения своих подданных, но и того, какой эффект это произведет на население Балканского полуострова. Дело в том, что молдаване стали первым православным народом Юго-Восточной Европы, значительная часть которого вошла в состав России. Его пример должен был повлиять на остальные народы этого региона, и российское правительство и в те годы, и позднее всячески стремилось показать плоды своего попечительства. 14 апреля 1815 г. Александр I предписывает командующему войсками в Бессарабии и новому ее гражданскому губернатору обратить максимум внимания на упорядочение дел в Бессарабии. Александр I писал: «Желая устроить участь и благоденствие сего края, основав оное на внутреннем благоустройстве и на местных обычаях и законах, повелеваю Вам обратить неусыпное

попечение на прекращение злоупотреблений, отягощающих народ бессарабский, строго взыскивая за малейшее нарушение прав и преимуществ оному предоставленных» [104. 281].

В 1818 г. Александр посещает Бессарабию и в этом же году издается закон под названием «Устав образования Бессарабской области 1818 года», позволивший заметно упорядочить местные дела. Еще через два года, в связи с событиями Восточного кризиса 20-х гг., в Бессарабию началось массовое переселение из Молдавии и Валахии как крестьян, так и бояр, воочию убедившихся в преимуществах, которые получила Бессарабия по сравнению с состоянием крайнего беззакония, охватившего Дунайские княжества после подавления восстаний этеристов и Тудора Владимиреску и сопровождавшихся грабежами и убийствами со стороны турецких войск. Население Бессарабии быстро увеличивалось и по темпам роста, в том числе и молдавского, оно значительно опережает Молдавское княжество.

Если определенный порядок в Бессарабии удалось навести в течение нескольких лет, то значительно сложнее обстояло дело с урегулированием русско-турецких отношений и, в частности, с разграничением на Дунае. Как вполне реальные воспринимались слухи о желании французов и австрийцев нанести удар по частям Молдавской армии в Валахии и Молдавии. О стремлении турок вернуть потерянные ими в войнах территории говорилось уже как о реальных фактах. Русский посол в Стамбуле доносит о конфискации русского хлеба в Турции. Поскольку Турцию охватил голод, не желая обострять отношения с ней, русское правительство согласилось уступить часть хлеба на льготных условиях. В районе Дуная турки пошли на прямое нарушение Бухарестского договора. Не говоря уже об их ударах по сербам, турки начали возводить укрепления в тех местах дельты Дуная, в которых это строго запрещалось мирным договором. Турки требовали незаконных пошлин, а их подданные нарушали границу в районе Нижнего Дуная [105]. Достичь законного размежевания на Дунае никак не удавалось. Оно затянулось на несколько лет и прошло

несколько этапов.

Для проведения точной границы между Россией и Османской империей была создана смешанная русско-турецкая комиссия, представителем в которой со стороны России был бессарабский гражданский губернатор И. М. Гартинг. 19 (31) мая 1813 г. он доносил властям о трудностях, встретившихся при выполнении IV статьи Бухарестского мирного договора, и отказе турок установить границу там, где этого требовали условия договора. В связи с этим русский посланник в Стамбуле А.Я. Италинский посылает 20 августа 1813 г. ноту турецкому правительству, показывая необоснованность притязаний Порты на обладание всеми островами на Дунае, которые в соответствии с договором должны находиться в общем владении и оставаться незаселенными. Италинский также указал на необоснованность требований представителя Турции, добившегося проведения пограничной линии на расстоянии лишь одного часа пути от Измаила и Килии, тогда как договор устанавливал границу по большим островам [106. 363]. Имели место трехдневные переговоры бессарабского губернатора И. М. Гартинга с турецким комиссаром Мустафой Назир-Эфенди в Измаиле, и новые их переговоры в Измаиле в феврале 1815 г. [107. 254 – 257]. Урегулирование затягивалось и в апреле 1815 г. Александр I в специальном рескрипте Гартингу предложил «отложить окончание сего дела впредь до благоприятнейшего времени» [108. 280].

В период Венского конгресса 1814 – 1815 гг. турецкая сторона пыталась склонить европейские державы к пересмотру Бухарестского мира и возвратить присоединенные по этому миру к Российской империи земли. Но великие державы не поддерживали эти требования Порты и тем самым признали правомерность присоединения Бессарабии к Российской империи [109. 36]. 23 июня 1815 г. Италинский посылает ноту турецкому правительству, где отмечает нарушение границы турецкими подданными в районе Вилкова и нежелание турок уладить отношения в этом районе. Русский посол также заявил, что деятельность по урегулированию с русской стороны прекращается

и бессарабский губернатор прерывает всякие контакты с турецким представителем до тех пор, пока Порты не обяжет действовать его в соответствии с договором. По требованию Гартинга переговоры с турецким представителем шли в Кишиневе в октябре 1815 г. и опять без особых результатов [110].

Вскоре Италинский покидает Стамбул и послом России в столице Турции становится Г. А. Строганов, в инструкциях которому, выданных Министерством иностранных дел 20 мая 1816 г., предписывалось урегулировать русско-турецкие отношения и, среди прочего, положить конец противоречиям в районе Дуная [111. 172]. В 1816 г. Строганов посылает ряд нот турецкому правительству о нарушении русско-турецкой границы турецкими подданными (преимущественно казаками-некрасовцами). В одной из них он пишет, что Россия «не может спокойно и равнодушно взирать на постоянное противодействие Блистательной Порты демаркации дунайской границы и на вытекающие из этого последствия, относящиеся к выполнению ст. 4 договора» [112. 334].

Русское правительство старалось покончить с неопределенностью, сохранявшейся со времени Бухарестского договора. В середине 1816 г. представителем Российской империи в русско-турецкой комиссии по установлению границы по Дунаю назначается инженер-полковник И. Ф. Богданович, который побывал в Турции и Молдавии и составил подробную карту дунайских гирл. Разграничительная линия, нанесенная на ней Строгановым, была предметом русско-турецкой конференции 5 (17) апреля 1817 г., где представителем Российской империи был Строганов, а представителем Турции — реис-эфенди (министр иностранных дел). Но обе стороны не смогли прийти к соглашению [113. 8 — 18]. Реис-эфенди заявлял о несогласии с предложенной русской делегацией разграничительной линией, которая, по его словам, «слишком расходится с постановлениями Бухарестского договора», более того, он даже намекал на пересмотр условий договора по вопросам о Старой Килии. Урегулирование могло затянуться на неопределенное время, но на

заседании комиссии по разграничению, состоявшемся 21 августа 1817 г., представители Турции согласились, наконец, прийти к общему с Россией соглашению. На переговорах было признано, что разграничительная линия пройдет от места разделения Дунайского устья на два гирла по островам Четал и Лети в часе расстояния от левого берега Сулинского гирла и до Черного моря. После переселения жителей и перенесения строений, линия эта должна быть отмечена вехами турецкой стороной. Вся же территория между этой линией и Килийским гирлом, в соответствии с договором, оставалась владением Турции, но не должна была подлежать заселению и застройкам. Порта должна была также в течение года эвакуировать Старую Килию и строго следить за тем, чтобы ее подданные не нарушали границу [114. 542 – 543, 760 – 761].

Таким образом, удалось прийти к определенному соглашению, и в ноябре 1817 г. Александр I утвердил договоренность о разграничении по Дунаю и назначил российским комиссаром в комиссию по разграничению И. Ф. Богдановича. Следовательно, после заключения Бухарестского мира 1812 г. прошло более 5 лет, прежде чем по вопросу о границе на Дунае была достигнута определенная договоренность. Продолжительная неурегулированность объяснялась не только некоторой расплывчатостью формулировок, отмеченных в статье IV Бухарестского договора, а прежде всего сложностью русско-турецких отношений того времени.

Таковы были последствия Бухарестского договора, которые привели к разграничительным работам лишь через пять с лишним лет после его заключения. Это не привело к окончательной ликвидации русско-турецких противоречий, но к периоду Восточного кризиса 1820 – х они были сравнительно незначительными. Их обострение в 1820-е гг. привело к тому, что Дельта Дуная по Адрианопольскому мирному договору 1829 г. была передана России и стала составной частью Бессарабской области [115]. В соответствии с этим договором, по настоянию Российской империи Валахии ,были переданы при-

дунайские города — крепости Брэила, Джурджу и Турну с округами, а также 88 островов Дуная.

Литература:

1. Внешняя политика России XIX и начала XX века (далее ВПР). Т. I. — М., 1960.
2. Грачев В. П. Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII — XIX вв. — М., 1990.
3. Там же.
4. Соловьев С. М. Сочинения. Книга XVI. Работы разных лет. — М., 1995.
5. Богданович М. Н. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. I. — СПб., 1869. Приложения. «Извлечения из заседаний неофициального комитета».
6. Там же.
7. ВПР. Т. I.
8. Там же.
9. Селях Г. Н. Русско — турецкое соглашение 1892 г. о Дунайских княжествах // Вопросы истории. 1961 № 12.
10. Орешкова С.Ф., Ульченко Н. Ю. Россия и Турция (проблемы формирования границ). — М., 1999,
11. Lebel G. La France et les Principautés danubiennes. — Paris, 1955.
12. История дипломатии. 2 — ое изд. Т. I. — М., 1960.
13. Lebel G. Op. cit.
14. Gosu A. Rusia la Dunarea de Jos. Pacea de la Bucuresti (mai 1812) // Studii si materiale de istorie moderna. Vol. X. Buc., 1996.
15. Богданович М. Н. Указ. соч. Т. II..
16. Ciobotea D., Osiaș V. Politica imperiului tarist la Dunarea de Jos (1711 — 1878). — Craiova, 2008.
17. Гросул В. Я. Формирование русско-турецкой границы по Бухарестскому миру 1812 года // Формирование границ России, Турцией и Ираном XVIII — начало XX вв. II. — М., 1979.
18. О борьбе в российских верхах по вопросам внешней политики // История внешней политики России. Первая половина XIX века. — М., 1995.
19. Богишич В. Разбор сочинения Н.А. Попова «Россия и Сербия». — СПб., 1872.

20. Петров А. Н. Война России с Турцией 1806 – 1812. Т. I, – СПб., 1885, – С.. 91; Hurmuzaki E. Documente privitoare la istoria Romanilor. Vol. XIX. Part. 2, -P. 352 – 353.

21. Петров А. Н. Указ. соч., -С. 393; Крупянский В. Ф. Воспоминания. – Екатеринослав, 1912. – С. 3; Bezviconi G. Contributii la istoria relatiilor romino – ruse. – Bucuresti, 1962, – P. 188.

22. Гросул Г. С., Даниленко Р. В. К вопросу об участии волонтеров из Дунайских княжеств в русско-турецкой войне 1806 – 1812 гг. / Известия АН МССР. № 2 (80).– Кишинев, 1961.

23. Петров А.Н. Указ. соч. Т. II.

24. Там же.

25. ВПР. Т. 3.

26. Головки Л. В. Краткая история Бессарабии. – Бельцы, 1912.

27. ВПР. Т. 3.

28. ВПР. Т. 4, – С. 32; Bezviconi G. Op. cit., – P. 194.

29. ВПР. Т. 4,

30. Там же.

31. Бескровный Л. Г. Русское военное искусство XIX в. – М., 1975.

32. О материальном снабжении русской армии в княжествах см. подробнее: Agachi A. Tara Moldovei si Tara Romaneasca sub ocupatia rusa (1806 – 1812). – Chisinau, 2008; Гросул В. Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20 – 30 годы XIX века). – М., 1966, с. 159 – 160.

33. АВПРИ. – Ф. Канцелярия, д. 188, л. 108 – 11; Енциклопедия Советикэ Молдовеняскэ. Вол. I. – Кишинэу, 1970, – P. 361.

34. Кутузов в Дунайских княжествах (Сб. документов). – Кишинев, 1948.

35. ВПР, Т. 3, – С. 485; Т. 4, – С. 334.

36. Там же. Т. 3.

37. Там же, – С.. 549; Columbeanu S. Contributii privind situatia internationala a Tarilor Romane inrte anii 1806 – 1812 // Revista de istorie. 1976. № 5, – P. 664.

38. Кассо Л. А. Россия на Дунае и образование Бессарабской области. – М., 1913, – С. 41; Lebel G. Op. cit., – P. 136.

39. РИО (Сб. императорского русского исторического общества). Т. 89. – СПб., 1893.

40. Петров А. Н. Указ. соч. Т. I, – С. 405; Mehmet M. A. Documente turcesti privind istoria Romaniei. Vol. III . 1791 – 1812.– Buc., 1986, –

P. 221 – 223.

41. РИО . Т. 89.

42. Петров А. Н. Указ. соч. Т. I, – С. 283, 287; Hurmuzaki E. Suppl. I (2), -P. 455 – 458, 463 – 465.

43. РИО. Т. 89.

44. Петров А. Н. Указ. соч. Т. 2, – С. 8; РИО. Т. 89, – С. 726 – 727.

45. Lebel G. Op. cit.

46 РИО. Т. 89.

47. Нарочницкий А. Л., Казаков Н. И. К истории восточного вопроса // Новая и новейшая история. 1969, № 6, – С. 66; Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий. – М., 1966, – С. 116.

48. РИО. Т. 83.

49. Lebel G. Op. cit.

50. РИО. Т. 83.

51. РИО. Т. 89.

52. Трачевский А. С. (ред.). Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I. 1808 – 1812. Т. I. – СПб., , 1890 (РИО, т. 70), – С. 195 – 202; 211 – 216.

53. Трачевский А. С. Указ. соч., – С. 195 – 202; ВПР, т. 4, – С. 650.

54. РИО. Т. 89.

55. Там же, – С. 564 – 567. Петров А. Указ. соч. Т. 2, – С. 48.

56. ВПР. Т. 4.

57. О тогдашних планах Австрии в районах Нижнего Дуная см.: Gosu A. Op. cit., – P. 65 -70; О согласии Австрии на присоединение княжеств к России см.: ВПР. Т. 4, – С. 390 – 391; Кассо Л. А. Указ. соч., -С. 59.

58. ВПР. Т. 4.

59. Трачевский А. С. Указ. сборник. Т. II.

60. Петров А .Н. Указ. соч. Т. 2.

61. Кассо Л. А. Указ. соч.

62. Миллер А.Ф. Мустафа-паша Байрактар. – М., 1946.

63. Петров А. Н. Указ. соч. Т. 2, – С. 559 – 560; Бескровный Л. Г. Указ. соч, – С. 59 – 60.

64. Трачевский А. С. Указ. сб. Т. IV, -С. 125 – 133; ВПР, Т. 5, – С. 307, 311 и др.

65. ВПР. Т. 5.

66. Русский архив. 1877. Кн. III, вып. 3.
67. Кассо Л. А. Указ. соч.
68. Богишич В. Указ. соч.
69. Богданович М. Н. Указ. соч.
70. ВПР. Т. 5.
71. Кассо Л. А. Указ. соч., – С. 76; ВПР. Т. 5, – С. 452, 498, 508, 511, 530. 539.
72. Там же.
73. ВПР. Т. 6,
74. Кассо Л.А. Указ. соч.
75. ВПР. Т. 6.
76. Петров А. Указ. соч. Т. 2.
77. М. И. Кутузов. Сборник документов под редакцией Л. Г. Бескровного. Т. III, -С. 452 – 454; Бескровный Л. Г. Указ. соч., – С. 60; ВПР. Т. 6, -С. 129, 145.
78. ВПР. Т. 6.
79. М. И. Кутузов. Указ. сб. Т. III,
80. Кассо Л. А. Указ. соч.
81. Кутузов М. И. Указ. сб. Т. III, – С. 750; Кассо Л. А. Указ. соч., -С. 107.
82. Mehmet M. Documente turcesti privind istoria Romaniei. Vol. III, -P. 293.
83. Кутузов М. И. Указ. сб. Т. III.
84. Кассо Л. А. Указ. соч., -С. 112; ВПР. Т. 6, -С. 215.
85. Кассо Л. А. Указ. соч., -С. 112; Кутузов М. И. Указ. соч. Т. III, -С. 698.
86. Кассо Л. А. Указ. соч. – С. 113; Казаков Н. И. Из истории Бухарестского мирного договора 1812 г.// История СССР. 1967, № 3; Jarcutchi I., Mischevca V. Racea de la Bucuresti. Chisinau, 1993; Gosu A. Op.cit.
87. Бескровный Л. Г. Указ. соч.
88. Кутузов М. И. Указ. сб. Т. III, -С. 730 – 731, 764; Кассо Л. А. Указ. соч, -С. 114, 123,130.
89. Gosu A. Op. cit.
90. ВПР. Т. 6.
91. Там же.
92. Кутузов М. И. Указ. сб. Т. III, -С. 850 – 852; Бескровный Л. Г. Указ. соч., -С. 74.
93. Кутузов М. И. Указ. сб. Т. III,

94. Кассо Л. А. Указ. соч., -С. 130 – 131, 134 – 136; Безотосный В. М. Разведка и планы сторон в 1812 году. – М., 2005, -С. 98.
95. Кутузов М. И. Указ. сб. Т. III, -С. 869, 891; О роли братьев Морузи на этом этапе переговоров см: Кассо Л. А. Указ. соч., – С. 137 – 139; Jarcutchi J., Mischevca V. Op. cit., – P. 163 – 166; Draghici M. Istoria Moldovei pe timp de 500 de ani. Vol. 2. – Buc., 1999, – P. 235.
96. Кассо Л. А. Указ. соч.
97. Юзефович Т. Договоры России с Востоком. – СПб., 1869, -С. 51 – 52.
98. Кассо Л. А. Указ. соч.
99. ВПР. Т. 6.
100. ВПР. Т. 6, -С. 396, 437; Петров А. Указ. соч. Т. III, -С. 395.
101. ВПР. Т. 6, -С. 393, 443, 459, 460; Горяинов С. Указ. соч. – С. 89 – 90.
102. Georgescu – Vrancea C. Boierimea basarabiana si pacea din Bucuresti din anul 1812 // Arhivele Basarabiei. – Chisinau, 1934, № 2, -P. 173 – 174.
103. Никифоров А. А. Указ. соч.
104. ВПР. Т. 8.
105. Там же. Т. 6, -С. 528, 594; Т. 7, – С. 52, 83; Т. 8, -С. 79, 89, 291; Т. 9, -С. 334.
106. Там же. Т. 7.
107. Чертан Е.Е. Новые данные об установлении государственной границы России по Дунаю в 1813 – 1817 годах // Вековая дружба. – Кишинев, 1961.
108. ВПР. Т. 8.
109. Федоров Г. К. Государственно-административное устройство и местное право Бессарабии (1812 – 1917 гг.). – Кишинев, 1974.
110. ВПР. Т. 8, – С. 414 – 415; Т. 9, -С. 172.
111. Чертан Е. Е. Указ соч., -С. 257 – 259.
112. ВПР. Т. 9.
113. Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. Кн. 4. – М., 1901, – С. 8 – 18.
114. ВПР. Т. 9,
115. Гросул В. Я. Формирование русско-турецкой границы по Адрианопольскому миру 1829 г. и Парижскому трактату 1856 г. // Формирование границ России с Турцией и Ираном XVIII – начало XX вв. II. – М., 1979, – С. 226 – 235; Ciobotea D., Osiac V. Op. cit., – P. 65.

С. М. Назария,

доктор политических наук,

кандидат исторических наук,

доцент Государственного института

международных отношений Молдовы (Кишинев).

**СОГЛАШЕНИЕ «РАКОВСКИЙ – АВЕРЕСКУ»
ОТ 5-9 МАРТА 1918 Г. ОБ ОЧИЩЕНИИ
БЕССАРАБИИ РУМЫНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ
И ВОЙСКАМИ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ В
СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

7/20 декабря 1917 г. по итогам совещания со своими министрами и военными, а также с французским, английским, американским и итальянским посланниками, И. Брэттану сообщил, что союзники требуют от румынской армии активного включения в борьбу с большевиками. В свою очередь, премьер добивался, чтобы союзные державы санкционировали заключение Румынией сепаратного мира с Германией и её союзниками при сохранении в силе основных статей её договора 1916 г. с Антантой [1. 43]. Решение правительства о начале военных действий против советских войск было принято и в ночь на 9 декабря утверждено королём.

Получив известия об аресте Военно-революционного комитета Румынского фронта и об убийстве С. Рошаля, о захвате румынами Леова и ряда бессарабских сёл на левобережье Прута и о расстреле членов Леовского ревкома, НКВД РСФСР 16/29 декабря 1917 г. обратился к румынскому правительству через его посла в Петрограде К. Диаманди с нотой протеста [2. 66 – 67]. Однако удовлетворительного ответа на неё не последовало и тогда Советское правительство 31 декабря предъявило по радио ультиматум Румынскому правительству прекратить подобные действия, наказать виновных и предупредило, что «неполучение ответа на это наше требование в течение 24 часов будет рассматриваться нами как новый раз-

рыв, и мы будем тогда принимать военные меры, вплоть до самых решительных» [3].

Так как и после этого ничего не изменилось, по указанию В.И. Ленина, 31 декабря весь состав дипломатической и военной миссии Румынии во главе с К. Диаманди был взят под стражу и заключён в Петропавловскую крепость [4]. В Одессе были взяты под стражу румынский консул и персонал консульства. После протеста дипломатического корпуса, аккредитованного в Петрограде, румынские дипломаты были освобождены и выдворены из России, причём дипломатические отношения оказались прерваны на 16 лет. Румынский историк и публицист К. Кирицеску отмечал в связи с этим: «26 января, по причине интервенции румынских войск в Бессарабию, Советское правительство разорвало отношения с Румынией» [5. 215]. Но в Яссах не прореагировали на это решение. «На нас не произвело впечатления это заявление, — вспоминал Дука. — Мы сознавали, что российский солдат отказывается воевать... В результате заявление о войне большевистского правительства было жестом без практических последствий, на который, как помнится, мы даже не потрудились ответить» [6. 58].

Правительство Румынии, чувствуя поддержку Антанты и Центральных держав, 4/17 января приняло решение начать необъявленную войну с Россией, и уже через три дня его войска перешли реку Прут. 10/23 января ЦИК Румчерода сделал официальное заявление французскому, английскому и румынскому консульствам в Одессе, в котором квалифицировал действия королевского правительства как «вероломное нарушение международного права» и просил дипломатов «предпринять шаги к тому, чтобы румынское правительство вывело немедленно свои войска из пределов Российской федеративной республики». Ответ консулов сводился к идее, что «ничего серьёзного не произошло», а имели место лишь мелкие, незначительные инциденты [7. 59 — 62].

Идя на интервенцию, румыны оголяли фронт против австро-германских войск, однако командование последних во

главе с фельдмаршалом А. Макензеном заверило их, что введенные ему армии не предпримут наступления на фронте. При этом немцы, для скорейшего достижения своих целей, использовали политику «кнута и пряника»: с одной стороны, предлагали румынам Бессарабию в обмен на скорейшее подписание выгодного им (т.е. немцам) сепаратного мира, включая уступку Добруджи [8. 204, 210, 219, 273, 283, 295], с другой — шантажировали их снятием дивизий с фронта и направлением их в Бессарабию.

По свидетельству А. Маргиломана (прогерманский деятель, 18. 03.1918 г., премьер-министр Румынии), 14/27 февраля 1918 г. в ходе переговоров Румынии с австро-германским блоком немцы «неофициально заверили» румын в тождестве их позиций в отношении Советской власти: «Русская анархия привела к созданию своего рода братства. Вы боретесь против большевизма в Бессарабии; мы вступили на Украину с той же целью» [9. 356 — 357].

12/25 января 1918 г., за день до вступления румынской армии в Кишинёв, её командующий генерал Презан заявил в воззвании к населению Бессарабии, что румынские войска вступили в край по приглашению Сфатул Цэрий в целях охраны оружейных и продовольственных складов и обеспечения заготовки и перевозки провианта для снабжения русских и румынских войск Румынского фронта [10. 151]. Он лицемерно опровергал слухи о том, будто Румыния хочет оккупировать Бессарабию.

В тот же день СНК РСФСР констатировал «состояние войны» между Румынией и Россией, подчеркнув, что «румынская олигархия открыла военные действия против Российской Республики» [11. 89 — 90]. В постановлении Румчерода от 23 января / 5 февраля 1918 г. говорится: «Ввиду того, что румыны обманым образом попали в Россию, оккупировали Бессарабию, разграбив в ней сёла и города, ввиду того, что Совет Народных Комиссаров, исчерпав все возможные средства, прервал всякие сношения с Румынией, ЦИК Румчерода

постановил считать себя на положении войны с Румынией» [12]. 11/24.02 Румчерод потребовал у румынской стороны немедленной эвакуации её войск с территории между Прутом и Днестром, но получил отказ на это требование [13].

Правительство Ленина не признало румынскую оккупацию Бессарабии и вновь потребовало эвакуации румынских войск. Дело в том, что в январе-феврале 1918 г. были разгромлены Центральная Рада и атаман А.М. Каледин, в отчаянии застрелившийся. Это серьёзно улучшило положение Советской республики, войска которой вышли к Днестру. Произошло это в условиях продолжавшихся на юге и севере Бессарабии боёв с румынскими оккупационными войсками. В.И. Ленин требовал от командования революционных войск «действовать как можно энергичнее на Румынском фронте» [14. 41].

Не следует забывать об усилившемся дипломатическом давлении немцев на правительство И. Брэтиану, при том, что союзники, поддерживая антисоветские действия румынской олигархии, согласия на заключение сепаратного мира ещё не давали. Более того, 20 января (2 февраля) 1918 г. посланники стран Антанты вручили премьеру коллективное письмо, в котором отвергали идею сепаратного мира.

Понимая, что согласия своих союзников на сепаратный мир с австро-германским блоком им не получить, И. Брэтиану и Таке Ионеску решили «честь сохранить» и временно, до конца войны, уйти в отставку, передав бразды правления (а заодно и «честь» подписания унижительного сепаратного мира) германофилам во главе с А. Маргиломаном. 23 января (5 февраля) 1918 г. новое правительство сформировал генерал А. Авереску [15. 285 – 286]. В его задачу входило затянуть переговоры с немцами и создать у Антанты впечатление в «неизбежности» заключения Румынией сепаратного мира [16. 57]. Но и ему этого добиться не удалось.

5/18 февраля состоялась встреча А. Авереску с А. Макензеном, в ходе которой, среди прочего, немцы выдвинули румынам следующее «выгодное обеим сторонам» условие: «Вся

румынская армия получает свободу рук для военных действий против большевиков, соответственно против петроградского правительства, до тех пор, пока последнее не подпишет мира с Центральными державами и Румынией» [17]. Румынам это было нужно для окончательного захвата Пруто-Днестровской Молдовы, а немцам — для дополнительного давления на Советское правительство. Германский фельдмаршал заверил премьера, что Румыния сможет сохранить «армию в состоянии мобилизации и использовать её в Бессарабии для борьбы с большевиками. Не исключено, — писал Авереску, — что нам будет оказана помощь путём взаимодействия в России» [18].

В этот же день возобновилось немецкое наступление на Восточном фронте, поставившее Российскую республику в тяжелейшее положение [19. 339]. Воспользовавшись этим, румынские войска форсировали Днестр в районе Рыбницы, развернули наступление в направлении Воронково, однако были разгромлены. Выход революционных войск к Днестру, продолжение сопротивления бессарабцев оккупации края, немецкое давление и отказ союзников разрешить заключение сепаратного мира, — все эти факторы привели к тому, что первоначально игнорировавшее советские протесты румынское правительство, повело себя в отношении РСФСР иначе.

По инициативе В.И. Ленина СНК образовал и направил в Одессу «Высшую автономную коллегия по русско-румынским делам», которой было поручено ведение всех дел, касающихся взаимоотношений России с Румынией [20. 111]. В результате переговоров между представителем советского правительства Х. Раковским и главой румынского правительства А. Авереску при посредничестве представителей западных союзников, — французского эmissара Аркье и полковника Д. Бойля, — 5 — 9 марта 1918 г. было подписано советско-румынское соглашение, в котором указывалось: «Румыния обязуется покинуть Бессарабию в течение 2 месяцев... В Бессарабии остаётся отряд в 10000 человек для охраны румынских складов и железных дорог. Сразу после подписания соглашения охрана по-

рядка в Бессарабии переходит в руки местной городской и сельской милиции. Румынское командование отказывается от арестов и от исполнения каких-либо правовых или административных функций, относящихся к полномочиям избираемых местных властей» [21].

23 февраля / 8 марта румынская сторона заявила, что «считает с сегодняшнего дня конфликт улаженным» [22]. Даже академик И. М. Опря (правда, вновь противореча себе же и на той же странице [23]) признаёт, что «в результате данного обмена нотами обе стороны посчитали конфликт исчерпанным» [24, 241]. По мнению этого историка, в феврале 1918 г. Авереску принял требования об очищении Бессарабии «за исключением условия, предусматривающего немедленное освобождение Бендер» [25. 240]. Здесь же автор отмечает, что соглашение предполагало необходимость освобождения всех арестованных в России румын и всех россиян, арестованных в Румынии.

Так же думали и советские представители. 26 февраля/ 11 марта они телеграфировали об этом в Совнарком [26. 144 – 147]. 15 марта Х. Г. Раковский отправил на имя В. И. Ленина отчёт о своей деятельности. Он начинался словами: «Приехали с задачей погнать румынские контрреволюционные силы из Бессарабии и вызвать революционное движение в Румынии. Я был вынужден из-за создавшегося на юге катастрофического положения вследствие австро-германско-украинского наступления остановиться на полдороге и согласиться на подписание мирного договора с Румынией, обеспечивающего нам Бессарабию» [27]. «Приведённая выдержка из отчёта содержит признание того, — отмечает И. Левит, — что задача, (стоявшая перед Раковским — *С.Н.*) не ограничивалась только изгнанием румынских войск из Бессарабии, но и включала в себя экспорт революции в соседнее государство силами советских войск» [28. 334].

21 марта генеральный консул Румынии в Москве Н. Г. Герен повторно информировал Наркоминдел РСФСР о ликвидации «возникшего между румынским правительством и

советской властью конфликта». 31 марта «Известия» оповестили об этом общественность. 27 марта НКВД предложил приступить к осуществлению соглашения во всём его объёме [29. 180]. Всё это свидетельствовало о признании и одобрении достигнутой договорённости, о том, что как у главы румынского правительства А. Авереску, так и у дипломатов Антанты законность и необходимость его выполнения не вызвали никаких сомнений.

Из-за ухудшения военного положения советской республики, вызванного германским наступлением по всему фронту, румынские правящие круги проигнорировали выполнение взятых на себя обязательств, — обязательств, подтверждённых, как мы выше показали, и западными странами. Наша констатация подтверждается и выводом молдавского исследователя А. Мораря: «Правители королевской Румынии не выполнили взятые на себя обязательства. Воспользовавшись тем, что австро-германские войска, по сговору с Центральной Радой, оккупировали Украину и Левобережную Молдавию, ... Румыния продолжила и расширила оккупацию Бессарабии. Более того, правители королевства поспешили придать разбойничьему захвату края видимость законности» [30. 27].

С А. Морарём полностью согласен и американец Ш. Д. Спектор: «Румыния и не собиралась выполнить свои обязательства (по «конвенции Раковский — Авереску» — *С.Н.*), тем более, что менее чем через месяц появилась возможность формального присоединения Бессарабии. Данная возможность была предоставлена оккупировавшими Украину немцами и отступлением большевиков» [31. 48]. Согласился с ним и румынский академик И. М. Опря, признавший, что начатое немцами наступление на Украине стало основной причиной невыполнения румынской стороной взятых на себя обязательств [32. 243].

Но с точки зрения международного права подписание этого документа означало официальное признание румынским правительством незаконного характера оккупации Молдавской республики. Более того, выполнение соглашения от 5-9 марта

от имени союзных держав было гарантировано присутствием при его подписании указанными выше официальными лицами. Так, в радиограмме правительства Украины председателю Парижской конференции Ж. Клемансо (копия В. Вильсону), отправленной 7 февраля 1919 г., подчёркивалось, что данное соглашение «остаётся торжественным международным актом, связывающим не только румынское правительство, но и державы Согласия, тем более, что при оккупации румынскими войсками Бессарабии дипломатические представители держав Согласия заявили, что она имеет чисто временный и военный характер» [33. 239].

В этой связи В. Степанюк пишет: «Является исторической истиной, что международное соглашение — советско-румынская конвенция от 5-9.03.1918 — ...представляет собой бесспорное политико-правовое свидетельство официального признания румынским правительством того факта, что вторжение румынских войск в пределы Молдавской Демократической Республики в январе 1918 г. является актом агрессии, совершено незаконно и полностью противоречит принципам международного права» [34. 191].

Именно за признание этого, де-факто и де-юре, И. Дука подверг критике А. Авереску: «Можно себе представить, какой аргумент он дал большевикам против нас, ибо мы сами официально подтвердили в официальном акте, что оккупация Бессарабии явилась незаконной... Задаю себе вопрос и сегодня, как стало возможным, чтобы генерал Авереску подписал подобный документ? ...Истинно и то, что эта несчастная ошибка является единственным актом, который Россия может предъявить нам в бессарабском вопросе, и я опасуюсь, что в один прекрасный день это создаст нам серьёзные проблемы» [35. 92].

Летом 1918 г. румынский министр иностранных дел К. Арион с трибуны парламента резко критиковал А. Авереску за то, что тот «заклучил мир с Раковским и с Россией на условии очищения Бессарабии». Пытаясь доказать необоснованность этого шага, он самоуверенно утверждал, что «Рос-

сия не возродится снова», а следовательно, подписывать с ней дипломатические документы не имело смысла [36]. На это А. Авереску ответил: «Россия больна, без сомнения, она очень больна, но Россия не исчезла, и она выздоровеет. Нам, маленькой державе, не пристало пользоваться этим состоянием паралича, в котором находится сосед» [37. 51].

В современной румынской исторической науке немало таких исследователей, которые «не замечают» сам факт советско-румынского соглашения от 5-9 марта 1918 г. об очищении румынами Бессарабии. Так, румынский историк Фл. Ангел, пытается отрицать очевидное, резко критикуя, по этому поводу, американского исследователя Макса Беллоффа. «У Макса Беллоффа, — пишет он, — появляется совершенно неожиданная и до настоящего времени недоказанная (sic!!! — С.Н.) информация, а именно о том, что в марте 1918 года Румыния подписала с Российской СФСР соглашение, предусматривавшее эвакуацию Бессарабии румынскими войсками» [38. 350]. В данном случае мы имеем дело с примером «румынского патриотизма», когда невыгодная румынистской концепции истина просто отрицается. Подобный способ «научного исследования» можно свести к тезису: «Этого не было, так как нам это не выгодно»...

Захватив Бессарабию, Румыния не просто вступила в конфронтацию с советским государством, она также нарушила свои прежние союзнические обязательства и договорённости с царской Россией. Так, 18 сентября (1 октября) 1914 г. правительства двух стран подписали конвенцию, согласно которой Россия обязалась противодействовать всякой попытке нарушить территориальную целостность Румынии и признала за ней право присоединить населённые румынами области Австро-Венгрии, когда бухарестский кабинет «сочтёт это удобным». Что касается Буковины, оговаривалось, что разграничение между Россией и Румынией будет произведено по принципу этнического большинства. Другими словами, за румынским государством, с его же согласия, признавалось право на часть Букови-

ны. Румынское правительство дало обязательство сохранять «благожелательный нейтралитет» по отношению к России до момента занятия указанных земель [39. 122 – 123].

С нашей точки зрения, довольно объективны оценки описываемых нами событий, принадлежащие ряду западных историков. Так, американец Льюис Фишер ещё в 1930 г. писал, что, «захватив Бессарабию, которая являлась русской территорией, румынское правительство совершило военный акт. Большевики отомстили, разорвав 13 января 1918 г. отношения с Румынией и арестовав румынского посланника Диаманди в Петрограде» [40. 93]. В другой своей книге тот же автор отмечает, что Россия «не признала румынского суверенитета в отношении Бессарабии, захваченной Румынией в январе 1918 г., когда большевистская Россия была слабой» [41. 163].

Болгарский профессор Г. П. Генов отмечал в 1940 г., что первая мировая война «завершилась неблагоприятно не только для побеждённых, но и для России. Румыны воспользовались этим обстоятельством и захватили всю Бессарабию, хотя накануне вступления Румынии в войну два соседних государства взаимно гарантировали свою территориальную целостность. Бессарабское население стремилось в 1917 г. к созданию независимого государства, однако Румыния проигнорировала это и путём насилия аннексировала Бессарабию, как только союзники одержали победу... Данная аннексия не имеет для СССР никакого юридического значения, и Россия может в любой момент потребовать возврата Бессарабии» [42. 24].

Француз Франсуа Фейто в том же духе утверждал, что «румыны захватили Бессарабию и Буковину, являвшимися русскими землями» [43. 23 – 24]. Его соотечественник Морис Ваисс придерживается мнения, что в 1918 г. Румыния оторвала Бессарабию от России [44. 340]. Позиция немца (румынского происхождения) А. Зуги также не отличается от вышеприведённых: «Военные акции в Бессарабии со стороны Румынии можно... рассматривать как противоречащие международному праву, поскольку румынские войска вторглись

на территорию другого государства без объявления войны». Он делает вывод, что «разрыв дипломатических отношений с Румынией со стороны России правомерен с точки зрения международного права» [45. 50].

С этого момента, как подчёркивает академик А. Лазарев, «для Румынии началось самое тяжёлое: необходимо было при- дать аннексии края хотя бы видимость «законности» с точки зрения международного права» [46. 139].

Литература:

1 Duca I. G. Amintiri politice. Vol. 3. — Мьнchen, 1982. — P. 33, 34; Duca I. G. Memorii. Vol. 4. Rr zboiul (1917-1919). — Bucurecti, 1994.

2 Документы внешней политики СССР (далее: ДВП СССР). Т. 1. — М., 1957.

3 Ленин В. И. Полн. собр. соч. (далее: ПСС). Т. 50. — С. 409, примечание 28; ДВП СССР. Т. 1. — С. 79; Виноградов В. Н., Ерещенко М. Д., Семенова Л. Е., Покивайлова Т. А. Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. Документы и материалы. — М., 1996. — С. 194, 195; Relaioiile romvno-sovietice. Documente. Vol. 1. — Bucurecti, 1999. — P. 9-10.

4 Ленин В. И. ПСС. Т. 50. — С. 23; Relaioiile romvno-sovietice. Documente. Vol. 1. — P. 10-11.

5 Kirioescu C.I. Istoria rzboiului pentru ontregirea Romvniei, Vol. 2. — Bucurecti, 1989.

6 Duca I.G. Amintiri politice. Vol. 3. P. 47; Duca I.G. Memorii. Vol. 4. Rr zboiul (1917-1919).

7. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917-1920). Сборник документов и материалов. — Кишинев, 1967. — С. 59-60, 61-62.

* Прогерманский деятель. С 18 марта 1918 г., премьер-министр Румынии.

12 За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917-1920). Сборник документов и материалов. — Кишинев, 1970.

13 Politica extern a Romvniei. Dicioionar cronologic. — Bucurecti, 1986. — P. 164; Cernovodeanu P. Basarabia. Drama unei provincii istorice

romvneeti on context politic internaional (1806-1920). – Bucureeti, 1993. – P. 153.

14 Ленин В. И. ПСС. Т. 50.

15 Averescu A. Notiue zilnice din rzboi. Vol II. 1916-1918 (Rrzboiul nostru). – Bucureeti, 1992.

16 Duca I. G. Amintiri politice. Vol. 3.

17 Liveanu V. Caracterul antisovietic ei antipopular al tratatului de la Buftea. // Studii ei materiale de istorie contemporanr. V. 1.

18 Averescu A. Notiue zilnice.

19. Ленин. ПСС.

20. Там же.

21 ДВП СССР. Т. 1. – С. 210-211; Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. – С. 179, 216-217; Советско – румынские отношения 1917 – 1941. Т. 1. – С. 26-28; Relaioiile romvno-sovietice. Documente. Vol. 1. – P. 26-27.

22 ДВП СССР. Т. 1. – С. 207; Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. – С. 215.

В наши дни в румынской историографии господствуют абсолютно другие интерпретации данного документа: будто бы в нём, чётко и без всяких оговорок, не предусмотрен отвод румынских войск и присутствуют какие-то тезисы с «двойным пониманием». Ф. Константиу пишет об этом соглашении, что только «советская сторона интерпретировала его в качестве обязательства вывода румынских войск из Бессарабии». // Constantiniu Fl. O istorie sincer a poporului romvn. – Bucureeti, 1997. – P. 289. И. – М. Опря утверждает, что договорённость от 5-9 февраля «не обязывала румынского премьер-министра к эвакуации своих войск из Бессарабии». // Oprea I. Romvnia ei Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. – Bucureeti, 1998. – P. 187. Молдавский историк Л. Пэдуряк считает, что «указанное «соглашение» не имело юридической силы». // Prdureac L. Relaioiile romvno-sovietice (1917 – 1934). – Chicinru, 2003. – P. 27. Г. Брэтиану ещё в 1943 г. писал по этому поводу: «Было даже заключено соглашение, по которому румынским войскам следовало срочно покинуть Бессарабию (немедленное оставление Бендер-Тигины отвергалось), за исключением охраны железных дорог и румынских складов, и не допускалось никакое вмешательство во внутреннюю политику страны... Данное чисто техническое соглашение не имело никакого политического характера: Румыния не стремилась влиять на дела молдавской республики и ограничивалась защитой своих военных интересов». // Brtianu Gh. I. Basarabia. Drepturi naionale ei istorice. –

Bucuresti, 1995. — P. 57. Г. Брэтиану признаёт, что суть договора между Авереску и Раковским состояла в обязанности Румынии очистить Бессарабию от своих войск, и то, что данное соглашение подтверждало тот факт, что Румыния не обладала никакими правами на наш край и он никак не принадлежал ей. В этом смысле Брэтиану против своей воли признаёт именно политический характер «соглашения Авереску-Раковский». А тезис о румынских «исторических и этнических правах» на Бессарабию, о её якобы «румынском характере» появился позже и имел целью «узаконить» аннексию Пруто-Днестровского междуречья бухарестской полуфеодальной олигархией.

23 «Однако это соглашение не решило застарелую территориальную проблему в отношениях Румынии с Россией, ведь Бессарабия пока не находилась в составе Румынии // Oprea I. Romnia și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. — P. 241. Так как соглашение Раковский — Авереску предусматривало оставление 10-тысячного румынского отряда в Бендерах для охраны румынских складов, он, ссылаясь на выступление Авереску в парламенте Румынии в августе 1918 г. о том, что, если «освобождение «не начать с Бендер, то и в целом освобождение Бессарабии является невозможным», приходит к следующему выводу: «В свете этих неоспоримых фактов, утверждение будто бы Румыния отказалась от Бессарабии в силу соглашения между Авереску и Раковским, является не просто исторической неточностью, но и, в первую очередь, юридической и фактической неправдой». Опря, пытаясь подтвердить свой тезис о правомочности неисполнения румынской стороной соглашения от 5-9 марта, опровергает основополагающий принцип всей националистической румынской историографии, а именно: «Бессарабия — румынская земля!». Он признаёт, что Румыния не могла отказаться от Бессарабии уже потому, что на момент подписания соглашения, то есть 8 марта 1918 года, эта провинция была независимым и суверенным государством». Он, против собственной воли, признаёт, что «Бессарабия — не румынская земля!» и что «8 марта 1918 года» она находилась под румынской военной оккупацией, которую И. Опря пытается скрыть под словоблудие о «независимости». // Ibid. — P. 243. «Более того, — продолжает И.М. Опря, — до истечения предусмотренных ультиматумом Румчерода двух месяцев для отступления румынской армии, а именно 27 марта 1918 года Сфатул Цэрий принял решение об объединении Бессарабии с Румынией («законность» этого действия была проанализирована выше — *С.Н.*). Даже если соглашение Авереску — Раковский и не было бы столь порочным по форме и суще-

ству, оно становилось беспредметным в момент возврата Бессарабии внутрь румынских границ». // *Ibid.* – P. 244.

24 *Ibid.*

25 *Ibid.*

26 Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции...

27 Левит И. Э. Молдавская республика (ноябрь 1917 – ноябрь 1918). – Кишинёв, 2000. – С. 334; *Relauiiile romvno-sovietice. Documente. Vol. 1.* – P. 28, 29; Советско-румынские отношения 1917 – 1941. Т. 1. – С. 25.

28 Левит И.Э. Молдавская республика...

29. Там же.

30 Афтенюк С.Я., Морарь А.Г. Действительность и измышления фальсификаторов. – Кишинев, 1984.

31 Spector Sh. D. Romvnia la Conferinua de pace de la Paris. *Diplomauiia lui I.C. Brvtianu.* – Iaci, 1995.

32 Oprea I. Romvnia ei Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1.

33 Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. – С. 239.

34 Stepaniuc V. *Statalitatea poporului moldovenesc.* – Chicinru, 2005.

35 Duca I. G. *Amintiri politice. Vol. 3.* – P. 75; Duca I.G. *Memorii. Vol. 4. Rrzboiul (1917-1919).* = P. 92.

36 Левит И. Э. Молдавская республика. – С. 335; Мельтюхов М. И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. 1917-1940. – М., 2010. – С. 352.

37 Виноградов В. Н. Румыния в годы Первой мировой войны. – М., 1969. – С. 273; Мельтюхов М. И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. – С. 51.

38 Anghel Fl. *Politica externr sovietier interbelicr on viziunea istoriografiei anglo-saxone.* // *Revista istoricr. Academia Romvnr.* 1997, Nr. 5-6.

39 Виноградов В.Н. Румыния в годы первой мировой войны...

40 Лазарев А. М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. – Кишинев, 1974. .

41 Fisher L. *Russias Road from Peace to War. 1917-1941.* – New York, 1969.

42 Dobrinescu V. Fl., Constantin I. *Basarabia on anii celui de-al doilea rrzboi mondial (1939-1947).* – Iaci, 1995.

43 Fejto Franzois. *Histoire des diimocraties populaires. Vol. 1.* – Paris, 1969.

- 44 Vansse Maurice. Dictionar de relaii internationale. Secolul XX.
– Iaci, 2008.
- 45 Suga A. Die volkerrechtliche Lage Bessarabiens in der geschichtlichen
Entwickland des Landes. – Bonn, 1958.
- 46 Лазарев А.М. Молдавская советская государственность...

*Лілія Циганенко (Ізмаїл),
доктор історичних наук,
професор кафедри всесвітньої історії,
декан історико-філологічного факультету
Ізмаїльського держ. гуманітарного університету,
авторка понад 100 наукових праць.*

**ТОРГОВЕЛЬНО-КОМЕРЦІЙНА ДІЯЛЬНІСТЬ
БЕССАРАБСЬКИХ КУПЦІВ**

Вигідне природно-географічне розташування Бессарабії об'єктивно сприяло жвавому розвитку торгівлі на цих землях. Для місцевих купців торговельно-комерційна сфера діяльності була особливо важливою, адже починаючи з XVII ст. через бессарабські землі проходили важливі європейські транзитні торгові шляхи.

Серед найбільш відомих торговельних центрів краю у XVII-XVIII ст. були міста Оргеєв, Хотин, Бендери, Сороки, Кишинів. У них з'являються компактні поселення купців – торговельні квартали. В цих містах, задля відстоювання своїх інтересів, купці об'єднувались в корпоративні організації-гільдії.

Турецька влада намагалася обмежити торговельну діяльність місцевих купців – в Молдавському князівстві була встановлена турецька монополія на експорт. Однак, не дивлячись на обмеження, місцеві торговці продовжували активну зовнішньоторговельну діяльність. Зокрема, бессарабські купці постачали товари до Польщі, Росії, України, Кримського ханства. Основними об'єктами експорту були: волоське вино, худоба, риба, ікра, мед, віск, сіль.

Про інтенсивність торговельних стосунків Молдавського князівства з Росією свідчить той факт, що 29 липня 1656 р. російський цар Олексій Михайлович надав молдавським купцям право вільної торгівлі в Росії різними товарами [1. 191].

В Південній Бессарабії торгівля розвивалася в таких містах, як Кілія та Акерман. Місцеві купці вивозили на продаж або бессарабські товари, або товари, які вони скуповували у різних європейських країнах.

Тривалі російсько-турецькі війни другої половини XVIII – початку XIX ст. завдавали значної шкоди для торгівлі всієї Бессарабії: купці зазнавали збитків, ламалися усталені комерційні зв'язки. Нарешті, в 1812 р. за умовами Бухарестської мирної угоди Пруто-Дністровське межиріччя під назвою «Бессарабія» увійшло до складу Російської імперії. Положення регіону почало змінюватися. Відтепер бессарабські землі були частиною могутньої держави. Крім того, бессарабські купці отримали доступ до внутрішнього російського ринку, мали право користуватися всіма перевагами в зовнішній торгівлі, які надавали російські міжнародні договори.

Відразу після приєднання цих земель до Російської імперії, царський уряд розпочав процедуру інтеграції бессарабського ринку до загальноросійського. В 1812 р. почався процес ліквідації митного кордону між Бессарабією та іншими регіонами Росії. Про це свідчить серпневий наказ головнокомандуючого Дунайською армією, в якому він дозволив пропускати до Росії та за кордон зерно, сало, шкіру, сіль, вовну та інші товари, за умови сплати за це митного податку.

11 липня 1813 р. Комітет міністрів Російської імперії розповсюдив на Бессарабську область дію загальноросійського закону про безмитне перевезення з одного порту країни в інший російських товарів. Тобто бессарабські купці могли відтепер вільно возити свої товари до російських губерній по морю, та привозити звідти інші [2. 318].

Водночас Комітет міністрів прийняв заходи щодо запобігання зловживанням з боку бессарабських купців цією пільгою. Тут треба зазначити, що до Бессарабії масово надходили товари з Австрії, Молдавського князівства та балканських провінцій Порти. Таким чином з'являлася можливість для «законної» контрабанди до російських губерній іноземних то-

варів без сплати мита. Тому в постанові Кабінету міністрів зазначалось, що всі товари, які вивозилися з Бессарабської області, повинні були мати підтвердження від місцевої влади про справді бессарабське походження.

Восени 1813 р. Міністерство фінансів підтримало прохання бессарабського купецтва, дозволивши йому торгівлю через кордон на Дністрі на тих самих умовах, що й через морські порти. Крім того, з метою поживавлення зовнішньої торгівлі, купцям багатьох європейських країн надавалися пільги в здійсненні торговельних операцій у південних губерніях Російської імперії. Цей захід мав за мету прискорення економічно розвитку Бессарабії та її поступове наближення до рівня європейських губерній Росії.

Подальше впорядкування бессарабського ринку було прописано у «Правилах торгівлі в Бессарабії» від 17 лютого 1825 р. За цими «Правилами», товари бессарабського походження мали перевозити лише купці Бессарабської області. Російським купцям, які не мали прав на введення загальноросійської торгівлі, заборонялося вивозити товари з Бессарабії [3. 208].

«Правила» регламентували також зовнішньоторговельні операції. Було виокремлено декілька митних застав, через які дозволялося ввозити товари з сусідніх країн. Зокрема, товари з Туреччини можливо було ввести лише через Скулянську та Ренійську митні застави, австрійські – через Новоселицьку митницю. Далі, якщо торговці бажали збути ці товари в інших губерніях Росії, вони обов'язково мали провезти їх через Дністровську митну лінію (Дубосарську та Могилевську митниці). До речі, як на Прутській так і на Дністровській митних лініях товари обкладались податком.

До Бессарабії з-за кордону ввозилися найрізноманітніші товари: паперові та шовкові вироби, бавовну, тютюн, вино, екзотичні фрукти (з Туреччини), папір, шовк, елементи одягу (з Австрійської імперії). Більшість цих товарів збувалися саме в Бессарабії, але проте певна їх частина далі контрабандно перевозилася до інших губерній Російської імперії. Цей

потік був особливо активним до середини 20-х років XIX ст.

За новими правилами торгівлі всі товари, які перевозилися з Бессарабії до інших російських губерній, поділялися на групи. До першої відносилося зерно, худоба, вовна, сало, птиця, м'ясо, олія, риба, фрукти, овочі, льон, пенька. Цей товар дозволялося перевозити через митні застави без свідоцтв та митного збору. На товари другої групи – сіль, вино, горілка, тютюн, хутро, ікра, віск, клей – купці повинні були мати свідоцтва обласної влади щодо місцевого походження товару, що давало їм право на безмитне перевезення. Товари, які не входили до вказаних груп, навіть якщо вони були й бессарабськими за походженням, при вивозі за Дністер, в центральні губернії імперії, підпадали під дію загальнодержавного митного тарифу. Наявність таких правил, з одного боку, сприяла поступовій інтеграції бессарабських ринків до загальноросійського, хоча, з іншого, дещо стримували цей процес.

Незабаром царський уряд вирішив остаточно скасувати особливі правила торгівлі в краї, зрівнявши бессарабських купців в правах і пільгах з російськими купцями. У середині 1826 р. черговий царський указ надає дозвіл на вільну торгівлю з іншими губерніями імперії всім мешканцям Бессарабської області [4.13]. Остаточне знищення бар'єрів між Бессарабією та Росією відбулось у 1830 р., коли була ліквідована митна лінія на річці Дністер. Скасування митних перепон свідчило про визнання царським урядом бессарабського ринку частиною загальноросійського. Водночас відбулися зміни і в статусі бессарабських купців. По-перше, в краї було розповсюджено гільдійський устрій, а по-друге, місцеві купці отримали певні пільги в здійсненні торгових операцій терміном на десять років. Таким чином до 40-х рр. XIX ст. мала остаточно завершитися інтеграція Бессарабської області в галузі торгівлі з іншими губерніями Російської імперії.

В першій половині XIX ст. ряд торгових пільг отримали бессарабські міста. Так, з жовтня 1828 р. ізмаїльські купці звільнялися на 20 років від сплати гільдійських податків, а місто Ізмаїл

було звільнено від аналогічного податку терміном на 25 років. Проте цей наказ розповсюджувався лише на тих підприємців, які мали в Ізмаїлі власні торговельні заклади, або нерухомість [5. 3]. Однак при цьому, з метою сприяння розвитку торгівлі в краї, в Ізмаїльському порту було встановлено 1/2% збір з усіх товарів, які ввозилися або вивозилися через нього. Всі отримані таким чином кошти йшли на розвиток порту [6. 18]. Аналогічний порядок діяв і в інших дунайських портах.

Починаючи з 30-х рр. XIX ст. одним з основних предметів вивозу з Бессарабії стало зерно, більшість експорту якого проходило через дунайські порти. Важливе місце в зерновому експорті посідав Ізмаїл. Так у 1851 р. через ізмаїльський порт було вивезено 6 млн. пудів пшениці. Не останнє місце серед експортерів бессарабського зерна займали ізмаїльські купці Н. Імаді, Д. Каравасилій, Д. Дистостопуло, М. Сапун, Д. Анастасопуло, Ф. Тульчіанов, Н. Хаджимаркаров.

Одне з вагоміших місць в економічному розвитку Бессарабії відігравала внутрішня торгівля. В першій половині XIX ст. її найбільш розповсюдженою формою в краї були ярмарки. За рік в містах та містечках Бессарабії проходило до 30-ти ярмарок. Найбільші з них були в Кишиневі, Ізмаїлі, Акермані, Кілії, Бельцях, Рені, Хотині. Появі нових ярмарків сприяли передусім купці, зацікавлені в оптовому продажі бессарабських товарів російським та іноземним торговцям. В той же час відбувалося й активне ввезення товарів. Зокрема, в 1829 р. до Бессарабії з інших губерній Росії було завезено товарів на суму в 4 142 695 крб. [7. 47]. Рішуче переважали по об'ємах збуту в краї так звані «руські товари», і, в першу чергу, промислові вироби, якими слабка бессарабська промисловість не могла задовольнити внутрішній попит.

До початку 50-х рр. XIX ст. темпи ярмаркової торгівлі починають неухильно знижуватися. Це можливо пояснити декількома факторами. По-перше, в цей час ярмарки вже не могли задовольнити потреби міського населення краю, чисельність якого з року в рік неухильно зростала. По-друге, у

ярмарків з'явився достойний «конкуєнт» – крамнична торгівля. Кількість крамниць в губернії неухильно збільшувалася: в 1851 р. в краї діяло 1 408 крамниць, а в 1856 р. вже 1 486. Так, в Ізмаїлі нараховувалось 159 крамниць, а у станиці Волонтирівка – 33 крамниці [8. 269].

В 50-60-х рр. настає переломний момент в протистоянні ярмаркової та крамничної торгівлі. З цього часу ярмарки стають головним місцем для підписання оптових торговельних контрактів між купцями з різних регіонів і країн, а також використовуються в рекламних цілях. Центр ярмаркової торгівлі перемістився з Кишинєва до Бельців. Загальні обороти бельцького ярмарку (тут в основному торгували худобою) в окремі роки переважали обороти всіх інших ярмарків Бессарабії. На півдні губернії конкуренцію бельцькому ярмарку становив акерманський, а на півночі – хотинський ярмарок.

Успіхи в розвитку ярмаркової та крамничної торгівлі сприяли збільшенню купецьких капіталів в краї. Так, у 1856 р. Бессарабія посідала 15 місце з 49 губерній Європейської частини Росії за загальною сумою купецьких капіталів, а за сумою капіталів купців 1-ї та 2-ї гільдії займала 9 місце [9. 134]. Більша частина купецького капіталу (до 50%) була зареєстрована в Кишинєві. Ізмаїльським купцям належало до 25% губернського капіталу, на купців з Бельців та Хотину припадало по 7% купецьких грошей Бессарабії.

Одним з результатів Кримської (Східної) війни 1853-1856 рр., був перехід Ізмаїльського та частини Акерманського повітів під владу Румунії, що суттєво змінило напрями торговельних шляхів та спрямованість місцевої торгівлі. Крім того, війна вплинула на розташування купецьких капіталів по містах Бессарабії. Перше місце, як і раніше, посідав Кишинєв – 40%, далі Хотин та Белці – 9-10%. Ізмаїл втратив свої позиції одного з могутніх купецьких центрів краю – кількість купецьких капіталів в місті зменшилася до 7%; водночас зростає могутність та конкурентоспроможність акерманських купців – кількість їх капіталів досягла 8%.

Втрата Росією стратегічно важливих портів Ізмаїл та Рені на р. Дунай негативно позначилася на закордонній торгівлі в підросійській частині краю, бо губернія втратила південні морські «ворота» до Європи. Голова Бессарабської області через 9 років по закінченню війни повідомляв, що обсяги торгівлі в Бессарабії поступово знижуються, причиною чого є втрата Ізмаїльського і частини Акерманського повітів, що практично звело нанівець закордонну торгівлю на бессарабських землях, а більшість торговельних шляхів спрямовуються виключно на внутрішні губернії Російської імперії.

Ситуація у підрумунській частині Бессарабії складалася дещо краще. Румунський уряд намагався на повну використати переваги включення нових земель до складу держави, сприяючи розвитку торгівлі та купецьких капіталів. На початку 60-х рр. XIX ст. відбулося зростання чисельності купецького стану в регіоні. Якщо в 1861 р. в Бессарабії було 3 916 купців, сумарний капітал яких становив 2 млн. 376 тис крб., то у 1862 р. кількість представників купецького стану в краї збільшилася до 7 449 осіб.

За даними 1861 р. найбільша кількість купців – 1 054 особи мешкали в Кишиневі. Вони володіли загальною сумою капіталів у 858 тис. крб. Далі за фінансовими статками йшли 460 купців Оргєєва (293 тис. крб.), 608 купців Сорок (290 тис. крб.), 675 купців Хотина (288 тис. крб.), 422 купці Бельців (262 тис. крб.) [10. 134]. В усіх містах Бессарабії відбулось різке збільшення крамниць та лавок. Наприклад, у Кишиневі в 1853 р. діяло 735 лавок, а в 1862 р. їх кількість дорівнювала вже 1 346 [11. 332]. Загальна кількість лавок у Бессарабії в 1864 р. становила 4 365, що в порівнянні з показниками 1856 р. демонструє збільшення майже в 3 рази.

В другій половині 60-70-х рр. XIX ст. продовжується процес зменшення фінансово-економічного значення ярмарків. Для місцевих ярмарок визначалися певні дні, тижні, та місяці, коли міг відбутися ярмарок. До речі, не всі купці позитивно ставилися до проведення ярмарків у містах, адже вони стано-

вили конкуренцію купецькій крамничній торгівлі, пропонуючи покупцям товар за цінами, нижче крамничних. Альтернативою в цьому питанні ставали ринки. Купці неодноразово зверталися до місцевої влади з проханням відкрити ринки. Це було пов'язано з тим, що майже всі купці 2-ї гільдії тримали на ринках свої лавки і були зацікавлені в їх роботі.

Ярмаркова торгівля Бессарабії за своїми фінансовими об'єктами значно поступалась іншим губерніям. Наприклад, у 1874 р. в Росії відбулось 1 159 міських та 5 532 сільських ярмарків. В той же час в Бессарабській губернії відбулось лише 21 міський та 11 сільських ярмарків, на яких було продано товару на загальну суму 151 тис. крб. [12. 518] Відомою на всю губернію був Болградський ярмарок, на який приїздили купці з Кишинева, Ізмаїла, Акермана, болгарських міст Тирново, Ямбола, Варни.

В Арцизі раз на два тижні влаштовувалися великі ярмарки, які приваблювали купців зі всієї Бессарабської губернії. Тут продавали коней, велику рогату худобу, овець, вовну, зерно, ремісничі вироби. Про заможний арцизький ярмарок знали й за межами Росії. Звідси цілими табунами коней відправляли до Польщі, Франції, Туреччини.

В містечку Тарутино, яке претендувало на роль торговельного центру німецьких колоній в Бессарабії, двічі на місяць збиралися великі торги, двічі на рік великі ярмарки, на які прибували купці з більшості бессарабських міст та із-за кордону. Найбільшим попитом на тарутинських ярмарках користувалася пшениця, якою торгували німці-колоністи. За даними на 1901 р. валовий обіг тарутинського хлібного ринку склав більше ніж 1,5 млн. крб. на рік [13. 738].

Переможна війна Росії з Туреччиною в 1877-1878 рр. дозволила повернути Ізмаїльський та частину Акерманського повітів до складу Російської імперії. Це позитивно позначилося на розвитку торговельних стосунків в краї. У спеціальному розпорядженні міністра фінансів Бессарабській губернській палаті надавався дозвіл місцевим купцям до кінця року вести

торгівлю без сплати податків. З поверненням під юрисдикцію Російської імперії Ізмаїл поступово повертає собі лідируючі позиції у торгівлі. Так, у 1880 р. удільна вага крамничної торгівлі Ізмаїла становила 26,2%, а показник Кишинєва лише 25,2%. У 1885 р. ці показники збільшилися на користь Ізмаїла та становили відповідно 25,4% проти 23,5%. Повернення до складу Бессарабської губернії придунайських земель позитивно вплинуло на розвиток зовнішньої торгівлі в регіоні. Якщо в 1875 р. з губернії було вивезено товарів на суму 2 539 382 тис. крб., то вже в 1880 р. обсяг вивезених товарів зростає до суми 10 749 751 тис. крб. У ті ж роки до Бессарабії було ввезено товарів відповідно на 1 111 348 тис. крб. та 2 715 176 тис. крб. Різниця, як ми бачимо, очевидна.

Відкриття дунайських портів дало змогу бессарабським купцям відновити старі комерційні зв'язки з європейськими колегами, оживити давні торгівельні шляхи. Загалом в період з 1876 по 1881 рр. вивіз з Бессарабії товарів збільшився майже у 2 рази. Показник імпорту виріс у 2,5 рази [14. 532-533].

Таблиця 1

Об'єми експорту зерна через бессарабські порти (1874-1901 рр.)

<i>Рік</i>	<i>Вивіз зерна в пудах (млн.)</i>
1874	1,5
1884	7,1
1893	10,2
1901	18,2

Зростала фінансово-економічна вага купецтва в містах регіону. Так, на 1886 р. 99 купців з Кишинєва володіли нерухомістю на загальну суму – 515,7 тис. крб. Для порівняння, 47 спадкових дворян в цьому ж місті володіли нерухомістю на суму в 236,2 тис. крб., а 44 міщанина – 191,4 тис. крб. В Акермані 27 купцям належала нерухомість загальною варті-

стю 158,5 тис. крб., 6 спадковим дворянам – 23,2 тис. крб., 5 міщанам – 19,4 тис. крб. [15. 49] В інших містах Бессарабії ситуація була схожою. Іншими словами, торгівельна буржуазія краю впевнено йшла по шляху збагачення та збільшення своїх комерційних прибутків.

Місцеві купці першої гільдії, які раніше займалися переважно оптовою зерновою торгівлею, з кінця 70-х рр. XIX ст. знову спрямували потік зерна на експорт через порти Ізмаїлу, Рені та Кілії. Об'єми зернового експорту постійно зростали (див. таблицю 1).

Експортувалося бессарабське зерно до Німеччини, Австро-Угорщини, Швейцарії, країн Західної Європи. На півночі губернії більша частина зерна вивозилась через Новоселицьку митницю. До 1901 р. об'єм продажу зерна за кордон виріс у 27 разів й досяг 2,9 млн. пудів. Значна частина зернового експорту проходила через південно-західні митниці та порти. Зокрема, через місто Леово в 1879 р. було вивезено понад 878 тис. пудів зерна, а в 1901 р. вже 1,8 млн. пудів. Приблизно аналогічний об'єм зернового експорту проходив через Кагул. В період з 1884 по 1901 рр. експорт зерна тут піднявся з 431 тис. до 1,3 млн. пудів. У 1880 р. через ренійський порт було вивезено 77 тис. пудів зерна, а у 1901 р. цей показник становив вже 3,2 млн. пудів. З 1883 по 1901 роки об'єм продажу через кілійський порт збільшився з 982 тис. до 4,6 млн. пудів зерна [16. 543].

Окрім зерна бессарабські купці вивозили за кордон худобу, м'ясо, вовну. Наприкінці 70-х рр. XIX ст. лише до Німеччини було експортовано майже 35 тис. пудів вовни. Як і раніше, користувалися попитом у Європі дунайська риба та ікра. В 1895 р. з Бессарабської губернії через митниці Ізмаїлу, Рені та Кілії було вивезено 73 313 пудів риби та 11 332 пудів ікри. [17. 146].

Місцеве купецтво та дворянство були найбільшими виробниками вина в Бессарабії. Відомими землевласниками та виноробами в Сороському повіті були купці Негруці. За даними 1890 р. їм належало 3 804 дес. землі, значна частина якої була відведена під виноградники. У власності купецької родини Ога-

новичів було 15 915 дес. землі, а купці Шимановичі в 1894 р. купили в Сорокському повіті 3 143 дес. У Акерманському повіті великими землевласниками була родина купців Асвадурих. Загальна площа їх володінь становила 20 868 дес. землі. [18. 145]. Найбільш відомим в родині був Марк Асвадурих. Як і багато інших купців Бессарабії він займався виноробством, мав власні торговельні точки з продажу вина, вів оптовий продаж. Акерманський купець М.Г. Мільштейн мав власні винні магазини в Одесі та Москві, а один з сортів його вина отримав золоту медаль на виставці в Неаполі [19. 110, 114].

Вкрай важливим для розвитку бессарабської торгівлі наприкінці XIX – початку XX ст. було налагодження судноплавства по р. Дунай. Царський уряд приділяв значну увагу розвитку річкового судноплавства. На Дунаї для цього склалися досить сприятливі умови: у порівнянні з іншими регіонами Російської імперії, на Півдні України, зокрема в Бессарабії, була значно більшою кількість одноосібних судовласників. На 1 січня 1896 р. вони мали в своєму розпорядженні 84 судна, що складало 36% від загальної кількості пароплавів, які були приписані до портів Чорноморсько-Азовського басейну [20. 33]. Однак у порівнянні з сусідніми країнами, цієї кількості суден було замало для подолання конкуренції з боку Румунії, Австро-Угорщини.

Відставання Росії у розбудові пароплавства на Дунаї пояснюється наступними причинами: більш пізня організація пароплавства; несприятливе політичне становище, викликане проникненням Англії і Німеччини на Балкани та намаганням витіснити з цього регіону Росію; слабкий розвиток річкового суднобудування. Однак інтереси економічного розвитку, а також політичні та військові мотиви зумовили необхідність для Росії мати свій надійний вихід до Чорного моря та своє пароплавство.

Безпосереднім засновником першої російської судноплавної компанії на Дунаї – Чорноморсько-Дунайського пароплавства – був надвірний радник князь Юрій Євгенович Гагарін. Представник давнього російського дворянського роду, він, вже

немолодий, але енергійний і працьовитий, одружився з молодю княгинею Ольгою Скарлат-Стурдзою — власницею багатьох десятків тисяч десятин землі в Бессарабії. Покращивши цим одруженням свої фінансові справи, князь Гагарін заснував в Ізмаїлі торговий дім «Князь Гагарін і К^о», відкрив хліботоргові контори у містах Рені, Ізмаїлі, Акермані, Одесі, але головна хліботоргова контора Гагарінського торгового дому разом зі складами знаходилась в Кілії [21. 108].

У 1881 р. терміном на 5 років князь отримав дозвіл для своїх суден робити рейси між Одесою та Ізмаїлом, за що казна виплачувала йому близько 12 тис. крб. Так, у 1881 р. з'явилося перше приватне пароплавне товариство на Дунаї, яке згодом отримало назву Російсько-Дунайське пароплавство (РДП) князя Гагаріна. У 1883 р. Гагарін відкрив в Одесі торговий дім, продовжував приділяти багато уваги розвитку судноплавства на Дунаї, а казна збільшила «помильну платню» до 58 270 крб. на рік. Створення пароплавства було викликано не тільки політичними міркуваннями, але й намаганням уряду налагодити більш активні торгові відносини між імперією та Болгарією і Румунією, відкрити нові зручні торгівельні шляхи по Дунаю для збуту товарів. Згідно зі статистичними даними, у 1885 р. акціонерне товариство перевезло 16 428 пудів хліба. Крім хліба, з Росії до сусідніх дунайських країн пароплавами товариства вивозили шкіри, канати, сукно.

Згідно статуту товариства, який було прийнято 10 березня 1886 р., правління складалося з 4 директорів, яких обирали загальні збори, та одного директора, якого призначало Міністерство фінансів. Князя Ю.Є.Гагаріна було призначено директором — розпорядником пароплавства. На загальних зборах право голосу мали акціонери, які володіли не менше ніж 10 акціями (вартість однієї акції дорівнювала 250 крб.). Початковий капітал пароплавства складав 655 тис. крб., у 1888 р. він дорівнював вже 2 млн. 200 тис. крб. [22. 13].

Напружена конкуренція, хронічний брак коштів викликали до життя нову організаційно-правову форму підприєм-

ництва в торговельному флоті – акціонерні об'єднання. Наприкінці 80-х рр. XIX ст. акціонерні товариства розглядалися як найзручніша форма для залучення вільних приватних капіталів у справі розвитку промисловості і транспорту краю. В 1886 р., у відповідності до загальноімперських тенденцій, князь Гагарін реорганізував РДП і створив акціонерно-пайове транспортне підприємство – Чорноморсько-Дунайське пароплавство. Треба підкреслити, що заснування акціонерної компанії стало можливим лише за згодою уряду. Ці питання розглядалися на рівні Кабінету Міністрів, після чого затверджувалися імператором. Основний капітал Чорноморсько-Дунайського пароплавства становив 655 тис. крб. (2 620 акцій). Членами його правління, згідно § 49 Статуту, могли обиратися тільки ті особи, що володіли не менш як 40 акціями.

Торгова флотилія князя Гагаріна постійно зростала: в 1889 р. вона складалася з 8 сучасних вантажно-пасажи́рських суден та багатьох буксирів, які обслуговували лінію Ізмаїл – Кілія – Акерман – Одеса і міжнародні лінії по Дунаю [23. 33]. В 1889 р. РДП придбало чотири пароплави. Один з них – колісний буксирний пароплав «Граф Ігнат'єв» – був збудований на початку 1889 р. в Ліверпулі на заводі Джона Джонса. В музеї УДП (м. Ізмаїл) зберігається копія документа, що був виданий управляючим Ренійської митниці 4 серпня 1889 р.: «Дан сей паспорт из Ренийской таможи русскому колесному буксирному пароходу «Граф Игнатъев», поднимающему 32,26 ластов, принадлежащему Обществу Черноморско-Дунайского Пароходства и находящемуся под управлением шкипера Петра Борисовича Буша, на плавание в 1889 году по р.р. Дунаю и Пруту». Адрес-календар Бессарабської губернії повідомляв: «Пароход «Граф Игнатъев» ... назван так в честь известного русского деятеля на Востоке графа Н. П. Игнатъева, который ... оказал много содействия укреплению на Дунае русского коммерческого пароходства и высказал свое сочувствие этому патриотическому делу материально, приняв участие в предприятии как акционер общества» [24. 243].

В 1897 р. компанія мала вже 10 парових суден, 23 баржі, 19 пристаней, 28 агенцій в Одесі, Варшаві, на Дунаї від Вилково до Кладєєва. Держава рахувалась з інтересами акціонерів пароплавства, серед яких було немало бессарабських мешканців. Серед акціонерів компанії були підприємці з Петербурга, Москви, Києва, Харкова, Одеси. Згідно з даними за 1891 р., дольовими пайщиками пароплавства були такі відомі представники російського та українського капіталу як брати Морозови, П.М.Третьяков, М.А.Терещенко та ін. Серед акціонерів-засновників пароплавства була родина ізмаїльських купців Тульчіанових [25. 223]. Свого часу Тульчіанови розбагатіли на експортній торгівлі зерном. Найвідомішим з родини Тульчіанових був Федір Павлович, який протягом 18 років обіймав посаду Ізмаїльського міського голови. В Ізмаїльському повіті йому належало близько 9 000 дес. землі.

На початку ХХ ст. в торговельному флоті Півдня України спостерігалось піднесення ділової активності, що виявлялося в різноманітних формах підприємництва; виникла нова тенденція – залучати до управління компаніями дворян-чиновників різних міністерств або представників царського генералітету. Правлінням РДП керував віце-адмірал О. П. Кашеринінов. Першим управляючим був підполковник О. К. Тімрот, а з 1906 р. – генерал-майор М. В. Черкасов, потім – М. В. Єрмаков. Саме в цей час остаточно сформувалася група судновласників басейну, яка консолідувала в собі різні соціальні і національні елементи.

Місцеве купецтво брало активну участь у розвитку судноплавства по Дністру, створювало флотилії з дрібних суден, які займалися перевезенням товарів до Акермана. Акерманський порт за показниками вантажообігу конкурував з дунайськими портами, проте мав дещо інший напрям своєї діяльності.

Акерманський порт був закритий для іноземних суден, й тому використовувався в якості великої перевалочної бази товарів на шляху до Одеси. Порт посідав важливе місце у внутрішній міжрегіональній торгівлі південно-західного регіо-

ну Російської імперії. Крім того, акерманський порт мав велике значення для місцевої бессарабської торгівлі. Важливу роль у розбудові портів, складських терміналів та інших елементів торговельної інфраструктури відігравали купці. В Акермані всі чотири пристані порту належали купцям. Саме купцям належала 2/3 всіх дністровських суден [26. 65].

З другої половини 70 – початку 80-х рр. XIX ст., на фоні підвищення значення акерманського порту у внутрішній торгівлі, місцеве купецтво зробило декілька спроб потіснити одеське купецтво в сфері зовнішньої торгівлі. Акерманські купці планували перетворити свій порт з перевалочної бази на міжнародний торговельний об'єкт. Намагання акерманських купців співпали у часі з загальною регіональним тенденцією, адже саме в цей час спостерігалось стрімке зростання Херсонського та Миколаївського портів. Місцеве купецтво рішуче виборювало право на самостійність у торговельно-комерційних справах, тим більше, що обсяг вантажних перевезень через вказані порти невпинно збільшувався. Але одеське купецтво, завдяки вдалому лобіюванню своїх інтересів в уряді, зуміло зберегти незмінним статус акерманського порту й призупинити його подальший розвиток.

Поновлення російського судноплавства на Дунаї та Дністрі сприяло поживленню торговельної діяльності торговців, що призвело наприкінці XIX – на початку XX ст. до збільшення чисельності торговельної буржуазії. В 1899 р. у Бессарабії нараховувалося 22,3 тис. купців, і саме вони склали верхівку торговельної буржуазії – фінансово-економічні можливості купців 1-ї та 2-ї гільдій у 2,5 рази переважали можливості інших торговців [27. 47].

В другій половині XIX – на початку XX ст. купецтво Бессарабської губернії вело активну зовнішню та внутрішню торгівлю, що об'єктивно сприяло економічному розвитку регіону. Бессарабські купці за показником фінансово-економічної могутності входили до числа лідерів європейських губерній Російської імперії.

Література:

1. История Молдавской ССР: В 2 т. / [Отв. ред. Л. В. Черепнин]. – Кишинев, 1965. – Т. 1 : С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – 1965.
2. Гросул Я. С. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии. 1812–1861 гг. – Кишинев, 1987.
3. Берг Л. С. Бессарабия: Страна – люди – хозяйство. – Пг., 1918.
4. Національний архів республіки Молдова. – Ф. 2. – Оп. 1. – Спр. 883.
5. Державний архів Одеської області (далі ДАОО). – Ф. 1. – Оп. 214. – Спр. 35.
6. Комунальна установа “Ізмаїльський архів» (далі КУІА). – Ф. 2. – Оп. 1. – Спр.59..
7. Бабилунга Н.В. Курс лекцій по історії Молдавії: Лекція 6. Бессарабия в составе России / Н. В. Бабилунга, Б. Г. Бомешко. – Тирасполь, 1978.
8. Бачинська О. Українське населення Придунайських земель XVIII – початок XX ст. (заселення й економічне освоєння). – Одеса, 2002.
9. Жуков В. И. Города Бессарабии 1861 – 1900 гг. (Очерки социально-экономического развития). – Кишинев, 1975.
10. Жуков В. И. Историческое значение присоединения Бессарабии и левобережного Поднепровья к России. – Кишинев, 1987.
11. Гросул Я. С. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии. 1812–1861 гг. – Кишинев, 1987.
12. Загоруйко В. По страницам истории Одессы и Одесщины: [в 2-х в.]. – Одесса, – Вып. 2. – 1960.
13. История городов и сёл УССР: в 26 т.– К., 1978: Одесская обл. – 1978.
14. История Бессарабии : (от истоков до 1998 года). – Кишинэу, 2001.
15. КУІА. – Ф. 2. – Оп. 1. – Спр. 207.
16. Гросул Я. С. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии...
17. Анцупов И. А. Сельскохозяйственный рынок Бессарабии в XIX в. – Кишинев, 1981.
18. Жуков В. И. Города Бессарабии...
19. Адрес-календарь г. Аккермана и его уезда 1-е издание. – Аккерман, 1911.

20. Шляхов О. Б. Судновласники і моряки Азово-Чорноморського басейну (90-ті рр. XIX ст.–1914 р.). – Дніпропетровськ, 2003.
21. Наше судоходство // Русское судоходство торговое и промышленное. – 1896. – №175.
22. Доклад правления общества Черноморско-Дунайского пароходства. – Одесса, 1901.
23. Шевченко А. М. Розбудова південноукраїнських морських портів у другій половині XIX ст.// Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. – 2007. – Вип. 22. – С. 31–35.
24. Циганенко Л. Ф. Роль бессарабського дворянства у розвитку промисловості та транспортної інфраструктури краю (XIX – початок XX ст.). – Волинь. Волинські історичні записки. Зб. наук. праць. Житомирський держ. університет ім. І. Я. Франка. – Житомир, 2008. –Том 1. – С. 34–43.
25. Анцупов И.А. Русское население Бессарабии и Левобережного Поднестровья в конце XVIII-XIX в. Социально-экономический очерк. – Кишинев, 1996.
26. Шляхов О. Б. Судновласники Азово-Чорноморського басейну наприкінці XIX– на поч. XX ст. // Український історичний журнал. – 2006. – №1. – С. 61-71.
27. Жуков В. И. Города Бессарабии 1861-1900...

ОДЕССКИЕ ДРЕВНОСТИ

Тарас Гончарук,

доктор історичних наук, професор

кафедри історії України

історичного факультету ОНУ ім. І. І. Мечников

***КІЛЬКА РОЗПОРЯДЖЕНЬ МІСЦЕВОЇ ВЛАДИ ЩОДО
ВІДКРИТТЯ ТА ОБЛАШТУВАННЯ ПЕРШОГО
КОРДОНУ ОДЕСЬКОГО ПОРТО-ФРАНКО
У 1819 – 1821 РР.***

Цього року виповнюється 195 років від підписання 16 квітня 1817 р. маніфесту про надання Одесі на 30 років прав порто-франко. Ця подія була важливою не лише в історії нашого міста, але й в історії всієї Наддніпрянської України та й Російської імперії загалом. Для останньої, з її традиційною жорсткою протекціоністською митною політикою й «закритістю» від усього світу, одеське порто-франко 1819 – 1859 рр. стало унікальним явищем, коли велике торговельне місто могло користуватися правами «вільної торгівлі». Факт унікальності одеського порто-франко посилювався й тим, що чимало портових міст краю (Феодосія, Миколаїв, Керч, Ізмаїл та ін.) в кінці XVIII – першій половині XIX ст. безуспішно прохали надати їм права порто-франко. Таке унікальне та суперечливе (з точки зору його впливу на економіку Одеси та України) явище, яким було одеське порто-франко, попри наявність певної кількості наукових праць йому присвячених (можна згадати хоча б відому статтю О. Оглобліна [1. 36 – 50], або праці сучасного історика О. Третяка та ін.), ще потребує досить ґрунтовного вивчення. Тут ми зупинимося лише на деяких аспектах запровадження порто-франко.

Від підписання маніфесту до початку дії «вільного порту» пройшов чималий час – два роки та три місяці, – протягом якого місцева влада мала вирішити питання, пов'язані з влаш-

туванням необхідних споруд (кордону із ровом, застав, караулень тощо) та організацією митного контролю. Згідно з вищезгаданим маніфестом, усі споруди на кордоні порто-франко «произвести и содержать приемлет город Одесса на собственное иждивение» [2. 210 – 211]. Це, звичайно, мусило зіпсувати радість одеситам с приводу отримання прав «вільного порту».

18 червня 1817 р. одеський комендант Фома Олександрович Кобле, який у відсутність О. Ланжерона виконував обов'язки градоначальника, надіславши Одеському будівельному комітету копії маніфесту та «высочайше утвержденного плана определяющего черту порто-франко в Одессе», наказав («по воле» відсутнього О. Ланжерона) вжити «без упущения времени надлежащие меры к составлению плана и сметы рву, который определить должен черту города, равно планов и смет потребных по черте заставам и караульням таможенным, так и в отношении вызова желающих к вырытию рва и построению таможенных зданий». Окрім того, Ф. Кобле запропонував комітету знайти відповіді на три запитання: «1-е Какой должен быть ширины и глубины ров? 2-е Какой величины должны быть два дома для застав? 3-е Сколько караулен по черте порто-франко и какой оные величины?» [3. 6, 10]. Одеський будівельний комітет з усіх цих питань консультувався з тодішнім директором Одеського митного округу Іваном Павловичем Бларамбергом [3. 7-9, 41] (пізніше став відомим археологом, збирачем старожитностей) [4. 221 – 224].

6 вересня 1817 р. вже в присутності формального ініціатора створення одеського порто-франко одеського градоначальника та губернатора краю Олександра Федоровича Ланжерона Одеський будівельний комітет вирішив: «Ров по всей черте порто-франко делать глубиною три аршина, шириною в подошве два, а в верху четыре аршина. При рве насыпь которая состоять должна из земли, вынутой из рва, обложенной дерном, на аршин и сверх насыпи еще поставит четыре рогатки». Караулень вирішили зробити 17 [3. 47, 50]. У листі до міністра фінансів Дмитра Олександровича Гур'єву О. Лан-

жерон повідомляючи про параметри запланованих споруд порто-франко, зокрема, писав: «таковая ограда, полагаю я, будет достаточна к воспрепятствованию свободному переходу и переезду, а при ней будет частый караул, который считаю я нужным иметь у самой ограды». «Караульни, — писав Олександр Федорович, — сужу я, поставит через каждые две версты одна от другой, всего на двадцати двух верстах — одиннадцать и по двум лиманам в расстоянии 12 верст еще 6, итого 17 караулен. Сверх того будет поострено два дома для таможенных застав, которые собою еще умножат караул». О. Ланжерон також прохав міністра «исходатайствовать, чтобы для содержания цепи порто-франко были назначены казаки с казенным содержанием» (по три козака та шість запасних їм на зміну на кожен з 17 «пикетов»), які мали допомагати митним об'їздчикам боротися з контрабандою [З. 55]. У листі-відповіді від 1 жовтня 1817 р. обіцяв О. Ланжерону сприяння щодо виділення необхідної кількості митників (інші питання були поза його відомством) [З. 70].

Чимало побажань щодо майбутнього кордону висловив в листах до О. Ланжерона І. Бларамберг. Так в листі від 27 жовтня 1817 р., між іншим, зазначалося: «Ежели предполагаемый ров, долженствующий составить ограду при черте порто-франко, не будет для прочности приличным образом обложен камнем, то в случае обрушения от сильной дождей или внезапного таяния снега каких-либо частей рва, в ночное время и при избрании благоприятной для сего погоды, легчайшим образом чрез цепь с контрабандой пробраться можно будет» [З. 73]. В листі від 7 листопада 1817 р. І. Бларамберг відзначав, що на межі порто-франко «для надежной стражи надобно по крайней мере на пространстве каждой версты по два объездчика и такое же число казаков под распоряжением таможенного начальства» [З. 74 — 75]. Згодом керівник одеського митного округу склав ґрунтовну записку під назвою: «Краткое изложение предварительных пунктов до открытия в городе Одессе порто-франко относящихся». В ній, зокрема, висловлювалася думка про не-

обхідність створення ще однієї – третьої – митної застави, яку слід розташувати у місті з боку моря[3.87, 92].

Одеський будівельний комітет оперативно розіслав об'яви для потенційних підрядчиків, які були надруковані і оголошені не тільки в Одесі, а й далеко за її межами (у губерніях: Вітебській, Катеринославській, Курській, Мінській, Полтавській, Таврійській, Тамбовській, Херсонській, в м. Миколаєві та ін.[3. 17, 18, 26, 27, 30, 33, 34, 35, 71]). Проте активні пошуки підрядчиків за межами міста виявилися марними. Ажіотажу не виникло. Прибули на торги та без конкуренції перемогли на них 21 січня 1818 р. одеські підприємці будівельної сфери[3. 57 – 58, 61]. Усі вони на осінь 1818 р. завершили будівництво митних застав та караулень: дворянин Франц Косовський збудував 8 караулень за 29457 крб.[5. 1, 6, 14, 27]; «одесский житель» Бвьен Вьенг Латті – Тираспольську митну заставу на Овідіопольській дорозі за 45424 крб. (він продовжував виправляти деякі недоліки будівлі до червня 1819 р.)[6. 1, 44, 45][7. 1-6, 8, 26, 28]; одеський купець Ілля Орлов 7 караулень за 24500 крб.[8. 7, 21 – 22]; «одесский житель» Симон Томазіні – Херсонську митну заставу та 2 караульні за 47475 крб. [9. 1 – 2, 4 – 5](загалом, лише вищезгадані роботи коштували місту 146856 крб.)[3. 80].

Усі вищезгадані підрядчики були досвідченими підприємцями, справжніми майстрами своєї справи (деякі споруди виконані ними прикрашають Одесу до нашого часу). Однак вартість спорудження кордону порто-франко від того не зменшувалася. З'явилося чимало значних додаткових витрат. Наприклад, було вирішено збудувати ще дві караульні з боку моря та одну, так звану Внутрішню, заставу порто-франко. Їх збудував вищезгаданий підрядчик І. Орлов і це будівництво коштувало місту 13 555 крб.[10. 2, 4, 7, 8, 11, 12, 25]. На збудованих заставах майже одразу довелося робити ремонти та перебудови[3. 126, 127, 129, 137, 434]. Застави потребували додаткових приміщень[3.125], їх же було необхідно забезпечити усім необхідним (від меблів до канцелярських речей та «ізображення госу-

даря імператора»)[З. 121, 123], догляду та ремонту потребував і сам кордон (рогатки і т.п.) [З. 155].

Проте найскладнішим в облаштуванні першого кордону порто-франко виявилось риття навколо нього рову. Воно здійснювалося військовими (так званими «піонерними», тобто інженерними, частинами). В деяких місцях рів було вирити практично неможливо. Наприклад, на Пересипу між лиманом та морем, де його постійно заливала вода. О. Ланжерон переконував керівництво замінити в деяких місцях рів рогатками та вартою з об'їждчиків і козаків 4-го Оренбурзького козацького полку [11. 76 – 86]. «Черта ограждається ровом глибиною три, шириною чотири аршина, — писав О. Ланжерон Д. Гур'єву 5 березня 1819 р., — а в таких местах, на которых по низменному их положению нельзя вырыть рва, поставлены рогатки в два ряда. Кроме сего по всей черте чрез каждые две версты построено по одной караульне, в коих будет по три человека козаков (у О. Ланжерона російською мовою слово «козак» чомусь писалося через «о», хоча тут йшлося не про українських, а про російських козаків. — *Т.Г.*) для содержания цепи, а кроме козаков еще будут объездчики и смотрители таможенные» [З. 94 – 95]. О. Ланжерон притому висловив своє бачення принципів надійності митного кордону: жодна споруда не є краще «глаз», тобто нагляду митників та варти («Судя, что самая лучшая ограда без глаз не может быть совершенно надежна, казалось бы, что сие одесское укрепление, при таковой густой цепи надсмотрщиков должно быть надежно. Мы видим, в иностранных местах, где существует порто-франко, что нет другого ограждения от контрабанды кроме глаз», — писав О. Ланжерон) [З. 96].

У майбутньому Олександр Федорович обіцяв завершити риття рову, «когда поправится в здешнем комитете состояние денег», а поки просив відкрити одеське порто-франко, зважаючи на очікування європейських негоціантів. «Вся Европа, — писав О. Ланжерон у вищезгаданому листі, — по партикулярным отсюда сведениям надеется, что порто-франко должно

весною открыться... собравшись с сими сведениями верно множество кораблей придет в Одессу с товарами без денег на пошлину... буде открытие порто-франко остановлено то такие стечения, противу чаяния негоциантов, могут принести им разорения и другие причинить неприятности»[3. 106 – 107]. Однако аргументы О. Ланжерона не справили вражения на царя. Як повідомив 5 травня 1819 р. Д. Гур'єв: «Его Величеству угодно, чтобы порто-франко в Одессе не прежде был открыт, как по окончанию окружного рва»[3. 98].

Тоді О. Ланжерон вчинив як справжній військовий, що отримав безглуздий наказ. Хоча рів не було завершено він 12 червня 1819 р. наважився доповісти Д. Гур'єву «об окончании рва и всех предохранительных по черта Порто-франко в Одессе строений» (Дивись Документ №1). Внаслідок цього 4 липня 1819 р. було підписано царський указ про початок дії одеського порто-франко від 15 серпня того ж року[12. 257 – 258]. До середини серпня 1819 р. було оперативно сформовано штат митних застав (так, до внутрішньої застави порто-франко було прийнято писарів: Григор'єва та Яцунського; наглядачів: Мартинока та Козловського та сторожа Шевченка)[13. 11 – 12, 28 – 30]. Як видно з наведених нижче документів №2 – 4 одеське порто-франко повністю запрацювало (не лише щодо ввезення товарів морем, але й щодо вивезення їх вглиб країни) 18 серпня 1819 р. внаслідок відповідних розпоряджень О. Ланжерона та І. Баларамберга.

Як зазначалося вище, не лише будівництво, але й утримання споруд порто-франко було покладено на одеську скарбницю. Загальні витрати на жалування митним чиновникам, що обслуговували межу Одеського порто-франко у 1820 р. становили більше 90 000 крб. щорічно[14. 7]. О. Ланжерон, в свою чергу, намагався зменшити витрати міста на утримання варті. Про це свідчить документ № 5. Загалом, ситуація з утриманням митників в Одесі була складною. Так, 24 лютого 1820 р. І. Баларамберг скаржився О. Ланжерону щодо виплати жалування службовцям Одеської митниці (воно

мало виплачуватися з її ж доходів): «Как сия таможня из ее доходов на счет Херсонского уездного казначейства, позволения не имеет, через что таможенная стража терпит крайней же недостаток в содержании себя и лошадей и даже некоторые по сему случаю отказываются от службы» [14. 1].

Проте найсерйознішою для місцевої влади, напевне, виявилася ситуація з незавершеним ровом. У 1820 р. були внесені суттєві зміни у керівництво Одесою. Як свідчать наведені нижче документи №6 – 11, Микола Якович Трегубов, якого 25 травня 1820 р. було призначено одеським градоначальником [15. 73] (О. Ланжерон залишився на посаді губернатора краю), намагався припинити копання рову й використати війська, що були у ньому зайняті, для потреб міста (зокрема, на плануванні майбутнього Приморського бульвару і т.п.). Новий градоначальник доводив, що місто не має коштів на розрахунки з підрядчиками І. Подсолнуховим та І. Потаповим (останній з них – Ісаак Потапович Потапов – пізніше відзначився, здійснивши великий контракт в Одеському порту зі спорудження «Потаповського молу») й що облаштувати кордон порто-франко вже не потрібно, оскільки на 1821 р. було цілком зрозуміло, що кордон одеського «вільного порту» невдовзі буде значно скорочено (вже 12 серпня 1820 р. «Одесский комитет и приглашенные оным почетные граждане Одессы» на своїх зборах вирішили клопотати перед царем про необхідність значно скоротити територію порто-франко й були усі підстави розраховувати на успіх цього клопотання [16.7 – 8]). Однак знов-таки в «кращих» традиціях російської армії О. Ланжерон наказав М. Трегубову шукати коштів на продовження риття зовсім непотрібного рову, бо про його завершення раніше вже було повідомлено імператора. М. Трегубов мусив 21 квітня 1821 р. наказати Одеській міській думі знов розпочати роботи із влаштування рову, для чого «изыскать непременно способ какой-нибудь, хотя бы займом, если Дума имеет кредит» [16. 39].

Вищезгадані документи свідчать й про те, у якому скрутному становищі опинилася скарбниця Одеси внаслідок необхід-

ності будівництва та утримання першого кордону порто-франко. Ситуація ускладнювалася тим, що із запровадженням порто-франко Одеський порт втратив головне джерело своїх доходів – 1/5 частину митних зборів, надану йому за часів А.Е. Рішельє указом від 26 червня 1803 р. [17. 707]. Це спонукало місцеву владу поставити питання про обмеження порто-франко. Таку «ініціативу знизу» радо підтримали супротивники порто-франко в столиці. Адже Російська імперія у цей час після нетривалої спроби запровадити «фритредерство» (тариф 1819 р.) знов переходила до принципів жорсткого протекціонізму (тариф 1822 р.). Відтоді, як зазначав О. Оглоблін, одеське порто-франко стало «маленькою кватиркою у величезному мурі заборонної системи» [1.44] й у певних кіл в керівництві імперією виникло бажання цю «кватирку» закрити. Як наслідок, було підписано указ від 9 червня 1822 р., що обмежив не лише територію дії порто-франко, але й умови його функціонування (зокрема запроваджено стягування з імпортих товарів 1/5 частини мита, яке йшло на потреби міста й порту) [18. 227 – 230]. «Высочайшим указом 9 июня 1822 года Порто-франко Одесское так изменено, что сохранило только прежнее имя, потеряв все главнейшие выгоды свои,» – писав пізніше генерал-губернатор Михайло Семенович Воронцов [19. 16] (який виявився більш послідовним прихильником принципів «вільної торгівлі» ніж О. Ланжерон). Проте спроби М. Воронцова 1826 р. відновити порто-франко в правах, наданих маніфестом 16 квітня 1817 р., особливих успіхів не мали.

Вміщені нижче тексти документів, звичайно, не висчерпують усього масиву документального матеріалу присвяченого порто-франко, який зберігається у фондах Держаного архіву Одеської області. Деякі ґрунтовні записки щодо різних аспектів функціонування одеського «вільного порту» являють собою не лише цінні історичні документи, але й своєрідні пам'ятки вітчизняної соціально-економічної думки. Вони безперечно заслуговують на публікацію та ґрунтовний аналіз.

Література:

1. Оглоблін О. Одеське порто-франко // Наукові записки Київського Інституту народного господарства. – 1928. – Т. 9.
2. Полное собрание законов Российской империи (далі – ПСЗРИ). – Собр.1. – Т. 34. – №26792.
3. ДАОО. – Ф. 59. – Оп.1. – Спр. 119.
4. Зеленецкий К. Жизнь и учена я деятельность Бларамберга // ЗООИД. –1848. –Т.2.
5. ДАОО. – Ф. 59. – Оп.2. – Спр. 59.
6. ДАОО. – Ф. 59. – Оп.2. – Спр. 57.
7. ДАОО. – Ф. 59. – Оп.2. – Спр. 63.
8. ДАОО. – Ф. 59. – Оп.2. – Спр. 62.
9. ДАОО. – Ф. 59. – Оп.2. – Спр. 60.
10. ДАОО. – Ф.59. – Оп.2. – Спр. 64.
11. Гончарук Т.Г. Оренбурзькі козаки на кордоні одеського порто-франко (1819 – 1820 рр.) // Чорноморська минувшина. Записки Відділу історії козацтва на Півдні України. – Вип 3. – Одеса, 2008.
12. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т.36. – № 27866.
13. ДАОО. – Ф.87. – Оп.1. – Спр.29.
14. ДАОО. – Ф.40. – Оп.1. – Спр.58.
15. Смольянинов К. История Одессы. – Одесса, 2007.
16. ДАОО. – Ф.2. – Оп.1. – Спр.41.
17. ПСЗРИ. – Собр 1. – Т. 27. – № 20819.
18. ПСЗРИ. – Собр 1. – Т. 38. – № 29068.
19. ДАОО. – Ф.1. – Оп.190 (1826 р.). – Спр. 28.

1. Лист міністра фінансів Д. Гур'єва до херсонського військового губернатора О. Ланжерона

липень 1819 р.

(ДАОО. – Ф.87. – Оп.1. – Спр. 29. – Арк. 1)

«По отношению Вашего Сиятельства от 12 Июня сего года № 1692 об окончании рва и всех предохранительных по черта Порто-франко в Одессе строений, я имел счастье докладывать Государю Императору вследствие чего 4-го числа сего Июля дан Правительствующему Сенату Высочайший указ об открытии в Одессе порто-франко с 15-го Августа сего года.

Препровождая у сего Засвидетельствованный список сего Высочайшего указа, я прошу Ваше Сиятельство об открытии в назначенное время Таможенных застав и о устроении по Черте порто-франко стражи сделать Ваши распоряжения, о точном исполнении коих вместе с

сим дано от меня предписание Начальнику Одесского Таможенного округа».

2. Лист міністра фінансів Д. Гур'єва до начальника Одеського митного округу І. Бларамберга

7 липня 1819 р.

№7876

(ДАОО. — Ф.87. — Оп.1. — Спр. 29. — Арк. 7)

«Препровождая у сего Засвидетельствованный список Высочайшего Имянного Его Императорского Величества указа, данного в 4-й день сего июля Правительствующему Сенату, об открытии в Одессе Порто-франко с 15 Августа сего года, и Копию Отношения моего к Г-ну Херсонскому Военному Губернатору, предписываю Вам, при наступлении времени открытия Порто-франко Открыть Таможенные Заставы и Устроить Таможенный по Черте присмотр сообразно распоряжениям, какие сделаны будут по сему предмету Г-м Херсонским Военным Губернатором и о последующем донести».

3. Лист О. Ланжерона І. Бларамбергу

15 серпня 1819 р.

№1895

Одеса

(ДАОО. — Ф.87. — Оп.1. — Спр. 29. — Арк. 34)

«Милостивый государь мой, Иван Павлович.

На отношение Вашего Высокоблагородия № 281 в рассуждении пропуска товаров по правилам порто-франко, нахожу уведомить Вас Милостивый Государь мой, чтобы дать чиновникам таможенного примотра вступить в отправление назначенных им должностей, пропуск товаров за черту порто-франко полагаю начать не прежде текущего месяца 19-го числа 9-ти часов Утра — Пропуск же проезжающих без товаров не должен прекратится и в нынешней день. —

С отличным и неперменным моим к Вам почтением имею честь быть

Вашего Высокоблагородия

Покорный слуга Граф А. Ланжерон»

4. Розпорядження І. Бларамберга Внутрішній митній заставі одеського порто-франко

17 серпня 1819 р.

№311

(ДАОО. — Ф.87. — Оп.1. — Спр. 29. — Арк. 37)

«Вследствие распоряжения Г. Херсонского военного Губернатора, сим Внутренней Таможенной Заставе даю знать: что назначенное им Г. Военным Губернатором прежде сего 19 число на выпуск товаров из города за Черту порто-франко отменено, и выпуск сей должно воспринять свое действие с 18 числа сего месяца.

Статский советник И. Бларамберг»

5. Лист О. Ланжерона I. Бларамбергу

4 грудня 1819 р.

№2939

(ДАОО. — Ф.40. — Оп.1. — Спр. 55. — Арк. 3)

«Милостивый Государь Мой, Иван Павлович!

На отношение за № 551 считаю долгом уведомить Ваше Высоко-родие, что объездчикам таможенным, находящимся по черте Порто-франко, отапливание и освещение, как я полагаю, город давать не обязан потому более, что сии объездчики получают достаточное на содержание себя жалованье, именно по 400 руб. в год. Напротив того козакам, содержащим стражу по черте же порто-франко отпускается топливо по той причине, что они состоят в числе войск, которые получают отапливание из казны.

Впрочем я получил инженер-полковнику Кругу исправить что нужно в караулах объездчиков, и вас Милостивый Государь мой, приказать строго кому следует кому следует чтоб сделанное в караулах берега-емо было от повреждения или утраты.

С отличным и непременно к вам почтением имею честь быть».

6. Лист М. Трегубова О. Ланжерону

24 липня 1820 р.

№3145

(ДАОО. — Ф. 2. — Оп. 1. — Спр. 41. — Арк. 44 — 45)

«Вновь начатый пионерами окончательный ров по линии а. в. d. e. весьма неудобен по низменному положению грунта на Пересьши. Я трактовал о сем с Г-м Инженер-полковником Потье, который сам находит, что от сделанного уже пункту, не доводя его до Пересьши, лучше повести его нагорным местом и спустить его в речку, впадающую в Море, на коей каменный мост; где и будет уже Таможенный дом; на что Г. Полковник Потье и план Вашему Сиятельству будет иметь честь предста-

вить. Сия перемена необходима по многим отношениям, 1-е) что Таможенная главная застава будет под самим городом; 2-е) черта Порто-франко сократится, следовательно издержки на содержание в исправности рва сократятся; 3-е) обойдены будут загородные дачи так, что никакой платы Градской Думе платить не нужно будет, так как то было бы есть ли не переменен будет план; ко мне уже вошли просьбы о оценки уничтоженных садов чрез то, что проведется ров чрез их дачи. Таможенный дом при Херсонской Заставе будет немедленно куплен охотниками, а сии деньги купится готовый или построится новый у мосту на Пересыпском форштадте для Таможенной заставы.

Чтоб избавить пионеров производить работу на Пересыпе в воде и удовлетворить Градской Думе покорнейше прошу Ваше Сиятельство предписать Г. Полковнику Потье употребить их, так как они в полном распоряжении Вашего Сиятельства, на городские предположенные работы, а Думе я предпишу по ея желанию нанять тотчас грабарей для окончания рва Порто-франко. Сим оная выиграет со стороны ее на сей предмет расходов, а Государю Императору приятно будет, что уже работы начались, именно: так как Г-н полковник Потье предполагает планирование дороги и места внизу, начиная от Карантина до военной гавани, устройением на верху Бульвара, и назначением кварталов и улиц и проч. и проч.

На сей конец я испрашиваю позволения Вашего Сиятельства продать тотчас все казармы с публичного торгу, находящиеся между старою крепостью и дорогами в карантин и к военной гавани по силе Высочайшего Рескрипта у сего приложенного. Военную же госпиталь, в которой больные страждут от дождей и сырости перевести в офицерские казармы на той стороне рва лежащие, куда переведется также, как Ластовой полуэкипаж, так и команда казаков; нары же для них перенесены будут из тех самых казарм, кои в ломку назначаются».

7. Рапорт М. Трегубова О. Ланжерону

14 септня 1820 р.

№94

(ДАОО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Спр. 41. – Арк 6)

«Вашему Сиятельству известен приговор, сделанный 12-го числа в комитете приглашенными мною о перенесении черты Порто-франко к оборонительным казармам ибо Ваше сиятельство сами под конец изволили посетить сие собрание.

В оном постановлено между прочим просить Ваше Сиятельство о

представлении его Государю Императору с нарочным через князя Волконского, к коему Г-н полковник Потье с сим же нарочным и План составит.

И так как нынешний год окончить рва на Пересыпи большей части невозможно, который стоить будет городу до 50 т., а если черта переменится, то он сделается ненужным, то во избежание сего напрасного городу убытка я убедительно прошу Вашего Сиятельства остановить сию роботу до возвращения курьера из Варшавы, до тех же пор я употреблю их во вновь учрежденном квартале».

8. Лист О. Ланжерона М. Трегубову

23 серпня 1820 р.

№94

(ДАОО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Спр. 41. – Арк 27)

«Милостивый Государь мой, Николай Яковлевич.

На отношение Вашего Превосходительства от 14 числа сего месяца имею честь уведомить, что дело о перенесении Черты Порто-франко, согласно с Вашим мнением, будет мною отправлено в завтрашний день Его Императорскому Величеству чрез князя Волконского.

– Но что касается до работ рва продолжающихся по нынешней черте порто-франко, то прекратить оных я сам собою ни как не имею, ибо Государь Император сам занимается сим делом и в Вознесенске приказывал князю Волконскому спросить меня готов ли Ров у Порто-франко?

С истинным почтением и преданностью имею честь быть

Вашего превосходительства

Покорнейший слуга Граф А. Ланжерон».

9. Рапорт Одеської міської думи градоначальнику М. Трегубову.

4 березня 1821 р.

№154

(ДАОО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Спр. 41. – Арк. 54)

«На предписание Вашего Превосходительства от 26 Февраля за № 715 Градская Дума имеет честь донести Вашему Превосходительству, что следуемых купцам Ивану Подсолнухову и Исаку Потапову, за рытье канавы по черте порто-франко денег не выдано теперь по их требованию потому, что в градской думе нет ныне в городском приходе Суммы, из которой бы можно удовлетворить сию претензию. Как скоро потушит таковая, то и Подсолнухов с Потаповым будут удовлетворены».

Примітка:

В отриманому 25 лютого 1821 р. проханні до градоначальника І. Подсолнухов та І. Потапов повідомляли, що вже виконали ті роботи, за які їм було заплачено, але наступної частини грошей не отримали. «Не знаємо чому оная дума не приступаєт к расчету». — ремствували підрядчики (ДАОО. — Ф. 2. — Оп. 1. — Спр. 41. — Арк. 49).

10. Рапорт М. Трегубова О. Ланжерону

12 квітня 1821 р.

№1302

(ДАОО. — Ф. 2. — Оп. 1. — Спр. 41. — Арк. 52)

«На почтеннейшее предписание Вашего Сиятельства за № 184-м о начатии продолжения рва по черте Порто-франко, по Высочайше утвержденному плану, представлению Вам Полковника Потье, честь имею донести, что Вашему Сиятельству самим я полагаю известно и по делам Комитета в прошлом году учрежденного — от Министерства для приведения в порядок городских доходов, что Дума имеет на себе долг Строительного комитета по устройению черты Порто-франко, коего заплатить не в силах; даже Ришельевскому лицу, за прошедший год 6500 руб. определенных обществом, по сие время Дума оплатить не могла; поелику земских повинностей по Губернии задолжала в прошлом году более 90 тыс. руб. и нынешней более 60 тыс.; а на городские и земские повинности издерживая более двух сот тысяч ежегодно удовлетворяла всегда, и теперь, доходами только наступающего года. — К тому же, о проведении новой черты (которая сократится вчетверо противу теперь слишком на 24 версты существующей, и которая, единственно на поддержание Рва и содержание стражи, стоит Думе ежегодно немаловажной суммы) уже представлен проект от Вашего Сиятельства Правительству; и есть ли оной утвердится, как и полагать должно, то продолжение Рва, начатого полковником Потье прошлого года, зделалось бы для Города и Порто-франко бесполезно, и вовлекло бы еще в большие долги, нежели теперь, коих и не предвидеться возможности уплатить без утверждения Правительством новых налогов на некоторые предметы, о коих существующий Комитет в прошлом году представил.»

11. Лист О. Ланжерона М. Трегубову

18 квітня 1821 р.

№215

(ДАОО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Спр. 41. – Арк 36)

«Милостивый Государь мой, Николай Яковлевич!

Ваше Превосходительство отношением № 1302 требовать изволите представления моего, чтоб продвижение рва по черте порто-франко, по высочайше утвержденному плану, было отменено во уважении причин, Вами изъясненных.

Долгом считаю ответствовать на сие Вам, Милостивый Государь мой, что я никак не могу и не смею сделать представление Государю Императору об отмене того, что собственно Его Величеством назначено и повелено, без постороннего чьего либо ходатайства; следовательно ожидать такой отмены нельзя; ибо я уже прежде сего входил с представлением, что вместо означенного выше рва можно обойтись одними рогатками, получил в ответ предписание непременно Ров рыть. После сего полагать должно, что и вновь прожектированный план черте порто-франко, едвали будет утвержден Его Величеством.

Впрочем могу уверить ваше превосходительство, что если Государь Император узнает, что воля Его по сие время не исполнена то ожидать надлежит гнева Его и неудовольствия. В Предупреждении чего прошу покорнейше Ваше Превосходительство, как я уже писал к вам от 7 числа сего Апреля за №184, неотменно и вскорости распорядить, что б работы Рва были начаты и деятельно продолжаемы.

С истинным моим к Вам почтением и преданностью имею честь быть

Вашего превосходительства

Покорнейшим слугою Граф А. Ланжерон»

Олег Гава,

заведующий отдела «Старая Одесса»

Одесского историко-краеведческого музея

***МУЗЕЙНЫЙ ЭКСПОНАТ – КАК ПЕРВОИСТОЧНИК
ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОДЕССЫ
КОНЦА XVIII ВЕКА***

Перед нами уникальный экспонат, вещественный источник, по сути и по определению ставший историческим фактом, который позволяет ознакомиться с реальной историей Одессы конца XVIII в. История этого источника вкратце следующая: найден в 1872 г. при раскопках фундамента церкви Святого Александра Невского на территории бывшей крепости Хаджибей. Позже, он хранился в музее Одесского Общества Истории и Древностей, затем в Одесском Археологическом музее; с 1969 г. передан на хранение в Одесский Историко-краеведческий музей. Экспонат ОИКМ – закладная плита, положенная в основание одного из первых храмов Одессы (датированна 15 ноября 1795 г.).

В издании Городского Общественного Управления «Одесса 1794—1894» в главе «Архитектура» открытие закладной плиты описано следующим образом: «На территории бывшей крепости в 1872 году случайно нашли фундамент церкви во имя Св. благоверного князя Александра Невского, с частицами мощей великомученика Меркурия и мученика Мардария, заложенной 15 ноября 1795 года, как гласит о том открытая там надпись на плите хранящейся ныне в музее Одесского общества Истории и Древностей» [1. 387].

В современной одесской краеведческой литературе, с подачи А. Скальковского (1808-1899), сложилось определенное мнение, что основанию Одессы послужило начало работ в Хаджибейском порту, а также освящение митрополитом Гавриилом (Банулеско-Бодони) четырех церквей Св. Троицы, Св. Николая, Св. Екатерины и Св. Александра Невского 2 сентября (22 августа по старому стилю) 1794 г. в городе Хаджибее. Эта гипсо-

теза А. Скальковского вступает в полное противоречие как с вещественными, так и с письменными первоисточниками.

Протоирей Сергей Петровский в книге «Одесский Преображенский ныне Кафедральный собор 14 ноября 1795 г.» (Одесса, 1908) утверждал: «Первый век исторического существования Одессы и столетний юбилей ее, отпразднованный 14 лет тому назад 22 августа 1894 года, вызвали на свет несколько литературных легенд, непосредственно связанных с вопросом о времени закладки и освящения древнейшего храма в городе — кафедрального Преображенского собора. Легенды эти таковы: Одесский геродот А. Скальковский в своем сочинении «Первое тридцатилетие истории города Одессы» писал: «Гавриил Митрополит Екатеринославский и Херсонский — Таврический, личный друг Потемкина, 22 августа 1794 г. положил первые основные камни для храмов Божьих во имя св. Николая, св. Екатерины и др. и провел первую бразду для фундаментов городских строений. То же повторил позднее анонимный автор «Исторического очерка Одессы», говоря: «22 августа 1794 года, в день коронования Императора Николая I, прибывший в Одессу митрополит Гавриил освятил закладку собора, Греческой и Екатерининской церквей 2)». Оба историка, очевидно, забыли, что в один и тот же день, одним архиереем, в разных местах не могут быть заложены три — четыре храма... По документам поступившими в Херсонскую консисторию из Екатеринослава, митрополит Гавриил лично заложил только две церкви: каменную Николаевскую — 14 го и Александровскую — 15 — го ноября 1795 г. Екатерининская церковь заложена была в августе того — же года, но не лично митрополитом, а, по его распоряжению, благочинным г. Николаева, священником Карпом Павловским»[2. 1 — 4].

Сопоставляя документальные известия из Херсонской консистории, о закладке церкви Святого Александра Невского в Одессе 15 ноября митрополитом Гавриилом, а также зная дату закладной плиты церкви (из экспозиции ОИКМ), можно с большой долей вероятности утверждать следующее: освя-

щение первых одесских церквей митрополитом Гавриилом состоялось не 22 августа 1794 г., а 14-го и 15 ноября 1795 г.

«В 1794 году богослужения совершались полковым священником во временной полковой церкви. Первые же постоянные церкви заложены в 1795 году: на главной площади — Собор, во имя Св. Николая; в греческом форштадте, приблизительно у того места, где пересекаются Мало-Арнаутская и Ремесленная улицы, церковь, во имя Св. Троицы; близ военной гавани, нынешней Екатерининской площади — во имя Св. великомученицы Екатерины и в крепости—во имя Св. Благоверного князя Александра Невского» [1. 386— 387].

«Архиепископ Гавриил в своем «Хронологико — историческом описании церквей» замечает относительно собора: «церковь Преображенская заложена в 1795 г. вместо деревянной Николаевской, на первый раз состроенной. Окончена постройкой в 1808 г.» [2. 2]. «В том же роде, но более неопределенно писали Бернштейн [3], Яковлев [4], который на основании данных об одной закладке, произведенной в 1795 году, утверждал, что все храмы были заложены тогда же, и Надлер» [5].

О деревянной церкви Св. Николая известно то, что она была освящена в январе 1795 г.: «Заложенной в 1795 году Купеческой церкви, во имя Св. Николая, возле деревянной, освященной еще в январе 1795 года, приняли на себя в 1796 году Шлегель и Иванов за 24.135 руб. и обязались окончить работы в августе 1797 года» [1. 387].

«1795 год. «Города Одессы, Екатерининская. Церковь сия есть первоначальная в Одессе, которой однако теперь уже нет, да и не была кончена. Дело о построении ее началось с отношения к преосвященному митрополиту Гавриилу, от вице — адмирала Иосифа де — Рибаса, который от 25 июля 1795 года уведомя преосвященного, «что по Высочайшему повелению вновь создается город Одесса, просил его, дабы благословил основать и церковь, с определением к ней Нижгородского полка священника Евдокима Сергеева, с диаконом и прочими церковнослужителями». На сие последовала Августа

17 сказанного года удовлетворительная резолюция, с выдачею священнику подвижного антимины, который получен им 1795 года Августа 20 дня» [6. 37].

О закладке греческой церкви хронологически точных указаний нет; можно предположить, что на основании Высочайшего повеления она была заложена после 15 апреля 1795 г. Прямой вывод из всех этих дат тот, что до 1795 года в Одессе храмов не закладывали» [2. 5].

Гипотеза А. Скальковского, изложенная им в книге «Первое тридцатилетие истории города Одессы» звучит так: «Митрополит, в сопровождении своего духовенства, в присутствии вице-адмирала, морских и военных чинов, чиновников, присланных от губернатора Хорвата из Екатеринослава, и 2-х или 3-х турецких кораблей, стоявших на рейде, положил первые основные камни для храмов Божиих: во имя Св.Николая, Св.Екатерины и др., и провел первую борозду для фундаментов городских строений. Таким образом достопамятный день 22 августа был первым днем жизни города Одессы» [7. 36 – 37]. А. Скальковский оправдывал свои домыслы третьей копией рапорта Ф. Деволана от 24 января 1797 г., не приводя больше никаких источников.

Письмо А. Скальковского к профессору Д. Самоквасову (от — июня 1893 г.) показывает, что даже 56 лет спустя после написания книги «Первое тридцатилетие истории города Одессы» А. Скальковский не изменил своему первоначальному взгляду.

«Милостивый Государь, Дмитрий Яковлевич!

В полной надежде на ваше дружеское снисхождение к русским трудолюбцам, на поприще отечественной исторической литературе, я решаюсь обратиться к вашему превосходительству с небольшой просьбой — для меня нужную, для истории Одессы весьма полезную. Дело в том что:

56 лет, назад, во время моих поездок по новороссийскому краю, — по воле и наставлениям незабвенного князя М. С. Воронцова, предпринятых с целью приобретения сведений и

документов его истории, я отыскал в одном Екатеринославском архиве несколько документов его истории, «первых дней Одессы». Документы эти были основанием других справок и сведений, большая часть которых была напечатана в давно забытой книге моей под заглавием «Первое тридцатилетие Истории города Одессы» (1837 г.) Эта небольшая книга первая из моих печатных трудов о здешнем городе и крае удостоилась милостивого внимания государя императора Николая I и цесаревича, впоследствии императора Александра II, наградивших меня дорогими подарками. Московское Общество Истории и Древностей, по рекомендации знаменитых поэтов Жуковского и профессора Каченовского, приняло меня 24 летнего юношу, в число своих членов.

Один из таких документов найден мною в Екатеринославском архиве так названной в 1797 году, Второй Новороссийской губернии, составленной по указу главным городом в Новороссийске, т. е. Екатеринославле это был:

«Рапорт инженера-полковника Де Волана, от 24 января 1797 года в сенате и в канцелярию главной артиллерией и фортификации «. Рапорт этот был, если не ошибаюсь (в 1885 году), в деле «о распоряжениях хозяйства по земству в Одессе в 1797 году №48».

Формальная копия этого документа в течении полстолетия как-то затерялась, но третья копия его сохранилась в грудях бумагах моих.

Между тем тот документ *для меня и моей истории Одессы* (курсив мой) весьма нужен, *ибо в нем одном* (курсив мой) мы нашли указание на день основания города Одессы в 1794 году, — день который мы, по указанию незабвенного пастыря Иннокентия, празднуем 22 августа, был днем, когда митрополит Гавриил основал первую церковь в Одессе. Но г.г. мелкие сочинители, — хотя и профессора — считают свое мнение выше указания двух митрополитов, и незабвенного М.С.Воронцова — не говоря уж о моих доказательствах, и хотят праздновать столетие Одессы в день подписания грамо-

ты Великой Царице, именно 27 числа мая 1794 г.

Вот почему я осмеливаюсь убедительнейше просить вас, Милостивый Государь, помочь мне в этой задаче и поручить одному из своих трудолюбивых и ученых сотрудников отыскать в управляемом вами архиве в 1797 г. второй Новороссийской губернии рапорт инженера Де Волана, строителя одесской крепости в 1793 г. и самого города в 1794 — 1798 г.г., и формальную его копию с вашей подписей не откажите выслать мне в Одессу, Спиридоновская улица, дом № 10.

По этому случаю сообщаю вам, что в 1836 году князь Воронцов добыл мне из вашего архива, еще не устроенного, несколько важных документов для моей Истории Новой Сечи, мною изданной. Не откажите мне в вашем содействии и примите уверение в совершенном моем прочтении и преданности.

А. Скальковский. 1 Июня 1893 г. Одесса» [8. 1].

Письмо А. Скальковского демонстрирует его предубежденность к историкам — *«г.г. мелкие сочинители»*, — *хотя и профессора»*, чье мнение не совпадает с его собственным *«для меня и моей истории Одессы»*, причем по сути не аргументированное первоисточниками и историческими фактами, ссылка А. Скальковского на мнение *«незабвенного М. С. Воронцова»* не корректна с исторической точки зрения. Показательно и название книги А. Скальковского *«Первое тридцатилетие истории города Одессы 1793-1823»*, где летоисчисление города Одессы А. Скальковский начинает не с 22 августа 1794 г., а с 1793 г.

Материалы фондов Одесского историко-краеведческого музея: наличие вещественного источника в экспозиции — закладной плиты в фундаменте церкви Св. Александра Невского, датированной 15 ноября 1795 г., письменные источники фондов ОИКМ — издание Протоирея Сергия Петровского, издание архиепископа Херсонского и Таврического Гавриила, ряд научных исследований одесских историков кон. XIX — нач. XX вв. аргументировано доказывают то, что закладка первых одесских храмов состоялось в 1795 г.

Литература:

1. Одесса 1794—1894. — Одесса, 1895.
2. Протоирей Сергей Петровский. Одесский Преображенский ныне Кафедральный собор 14 ноября 1795 г. — Одесса, 1908.
4. Одесса 1794—1894. Издание Городского Общественного Управления Одесса 1895 г.
с. 386— 387
3. Одесса исторический очерк. — Одесса, 1881.
4. Яковлев. Когда заложены были первые церкви в Одессе? // Южный сборник. — Одесса, 1892.
5. В. Я. Одесса в первые эпохи. Рецензия на книгу Надлера «Одесса в первые эпохи ее существования». — Одесса, 1893 // Киевская старина. 1894 г. -Кн. I, — С. 22 — 23.
6. Историко-Хронологическое Описание церквей Епархии Херсонской и Таврической.
Составил Гавриил А. Х. и Т., ныне Т. и К.— Одесса, 1848.
7. Скальковский А. Первое тридцатилетие истории города Одессы 1793-1823.
8. Примечания к первой главе // Протоирей Сергей Петровский. Одесский Преображенский ныне Кафедральный собор 14 ноября 1795 г. — Одесса, 1908.

*Олександр Музичко,
кандидат історичних наук,
доцент кафедри історії України
історичного факультету ОНУ ім. І. І. Мечников*

***ПРОЦЕС ВПРОВАДЖЕННЯ УКРАЇНІСТИКИ
ТА УКРАЇНОМОВНОЇ ОСВІТИ
У НОВОРОСІЙСЬКОМУ УНІВЕРСИТЕТІ
НА ПОЧАТКУ ХХ СТ.***

Історія Одеси та Південної України містить багато прикладів, що свідчать про прагнення українців до захисту своєї культури, реалізації соборницької програми українського національного руху. В імперський період історії Одеси місцеві українці найгучніше заявили про себе у революційний період 1905 – 1907 рр., використовуючи збої у русифікаторській машині в умовах лібералізації громадсько-політичного життя. У цій статті ставимо за мету висвітлити один з ключових аспектів тогочасного одеського українського національного руху – боротьбу за запровадження українознавства та української мови у Новоросійському університеті (НУ). Оpubліковано та проаналізовано головні документи цієї справи з фонду Державного архіву Одеської області – петиції українських громад до Ради професорів НУ.

У 1920-х рр. вперше ці документи привернули увагу видатного одеського історика О. Рябініна-Скляревського. Для одного з видань ВУАН він підготував до друку статтю «Петиції про українські кафедри 1905 року в Одеському університеті» [1]. Стаття складалась з досить докладної передмови з аналізом причин та значення появи петицій та археографічної публікації цих документів. Історична частина статті була забарвлена історіографічними тенденціями 1920-х рр. з її нігілістично-гіпертрофованим ставленням до дорадянського періоду історії, підходом до оцінок подій, зміщення акцентів у вивченні українського національного руху з націєтворчих до суто соціально-рево-

люційних. Тому історик обмежився реконструкцією хронологічної канви подій, не зробивши ширших висновків. Справедливо наголосивши на дискримінаційному ставленні влади до українців, водночас, напевно, бажаючи виправдати ліквідацію «реакційного» та «застарілого» університету у 1920 р., він занадто ригористично оцінив місце НУ в українському русі: «за всю добу існування НУ не дав жодного імені аматора української культури, окрім, правда, красзнавців як В. Григорович та П. Брун». Окрім них він згадав О. Маркевича. На противагу цьому поглядові, згадаймо лише про випускників НУ М. Аркаса, Д. Сигаревича та М. Слабченка, викладачів П. Іванова, В. Лазурського та ін. Вже з 1870-х рр. низка студентів присвячувала свої роботи не лише південноукраїнським, але й західноукраїнським та центральноукраїнським землям.

Парадоксально, але в якості передумов написання петиції О. Рябінін-Скляревський не відзначив згуртування наддніпрянської та причорноморської української інтелігенції у «Просвіті», діяльність української студентської громади в НУ принаймні з 1901 р. (автор лише констатував її наявність). Всі ці аспекти досить ґрунтовно висвітлені у статтях сучасних одеських істориків. Особливістю археографічної частини статті одеського історика є не зазначення підкреслень в документах, що, напевно належать, адміністраторам НУ і тому викликають інтерес. Але найбільшим недоліком є те, що в обох частинах статті (за виключенням згадки про І. Шрага та М. Коцюбинського) не згадано про один з найцінніших евристичних елементів документів: персонального складу підписантів одеської та чернігівської петиції (під полтавською підписи відсутні). Вказано лише загальну кількість підписантів, хоча і в ній автор помилився (за його даними одеську петицію підписали 83 особи, чернігівську — 73, що, насправді, є заниженими цифрами). Важко пояснити чому автор статті утримався від згадки про досить прийнятних для тодішнього пантеону архітектора Ф. Нестурха чи статистика А. Бориневича. Натомість очевидно чому автор не міг згадати про націоналістів І. Липу, С. Шелухина, І. Луценка,

П. Климовича (останніх двох стратили більшовики). Втім, ці недоліки статті залишились невідомими широкому колу науковців, адже стаття не побачила світ. Про статтю О. Рябініна-Скляревського невідомо його біографам [2]. Виявлені ним документи не враховані істориками Одеського (колишнього Новоросійського) університету. В сучасній історіографії першим значну увагу рукопису праці О. Рябініна-Скляревського приділив київський історик О. Нагірняк. Щоправда, він обмежився лише переказом його тексту і не поставив за мету відшукати в ДАОО протографи петицій [3. 230-273].

Один з провідників одеських українців І. Луценко зазначав, що «революція 1905 року застала нашу українську демократичну інтелігенцію цілком не підготовленою. Коли російська демократія була уже досить широко організована, наші «громади» були і малолюдні, й погрузлі в культурництві, аполітичності і без ширших звязків серед народа. Коли восени 1906 р. йшли всякі величезні, многолюдні віча, ми боялися скликати свої, щоб не оскандалиться своєю нечисленністю. Народ сам виручив бідних «громадян», знайшов своїх проводирів до національного руху, закликав їх на свої віча, і оказалось — що нас, свідомих українців, зовсім не так мало, як то здавалось «громадянам», що серед простого посільства-робітництва і особливо селянства, українські національні і соціальні традиції живі» [4]. Підживлення елітарного українського національного руху низу спонукало провідників до більш активних дій. До нових форм гуртування та активності української громади Одеси поряд з мітингами-вічами слід зарахувати написання та надсилання заяв-петицій на захист власних національних прав до офіційних установ як місцевого, так і загальноімперського рівня.

У січні 1905 р. С. Шелухин склав меморандум до російського уряду на захист прав української нації та надіслав його до прем'єр-міністра С. Вітте від імені одеських громадянців. Разом з українськими самостійниками меморандум підписали колишній ректор НУ С. Ярошенко, одеський голова П. Зелений, колишній одеський голова В. Лігін, член одеської судової

палати Кордунян та І. Линниченко [5, 27]. Тоді ж одесити надіслали до комітету міністрів записку з протестом проти ігнорування вимог українців заснувати власну пресу [6].

На Катеринославському археологічному з'їзді 1905 р. одесит І. Луценко ініціював та найімовірніше написав заяву-протест проти незапрошення на з'їзд західноукраїнських науковців і зачитав її під час одного з засідань з'їзду [7]. Протест підписали 40 осіб. Практика подібних заяв не припинилася і після революції. Наприкінці 1908 – на початку 1909 рр. І. Луценко надіслав до міністра внутрішніх справ протест проти закриття Одеської «Просвіти» [8, 144-148]. Попри те, що жодна з цих заяв не була задоволена владою, вони виконували важливу консолідуючу та мобілізуючу функції для українців Одеси, формували їх ідеологічні засади.

У програмі українського національного руху важливе місце завжди належало освітнім завданням. Якщо у другій половині XIX ст. наголос робився на початковій та середній школах, то на початку XX ст. українці вже вимагали й українізації вищої освіти. В Одесі НУ традиційно мав тісний зв'язок з українським середовищем. У 1870-х рр. ректора Ф. Лентовича та його друга професора П. Цитовича навіть звинувачували в українофільстві. Пізніше у діловому листуванні НУ та мемуарах лунала теза про протистояння в НУ між «малоросійською» та «великоросійською» партіями. У 1870-х рр. існувала реальна перспектива, аби лідер одеської громади історик Л. Смоленський, який склав магістерські іспити в НУ, очолив так само й кафедру. Відвідувачами популярних приватних лекцій Л. Смоленського на його квартирі були й студенти. Дещо згодом струмок студентів потягнувся на квартиру до іншого лідера громади М. Комарова. Один з учнів Л. Смоленського Д. Сигаревич наприкінці XIX – на початку XX ст. протегував процес створення української студентської громади на чолі з М. Слабченко, І. Бондаренко, В. Пашенко, Г. Чикаленко. У 1904 р. громада зазнала репресій [9]. Але з початком революції 1905 р. в повний голос знову заявила про себе.

У жовтні 1905 р. українські студенти НУ приєднали до загального рішення коаліційної ради резолюцію з українського питання, що містила вимогу автономії України на демократично-федеративних засадах з Росією, запровадження в НУ курсу історії України «принципово українською мовою», на філологічному факультеті курсу української мови, історії української літератури, на юридичному — історії українського права. Також українці вимагали замінити у вжитку поняття «Малоросія» та «малоросійський» на «Україна» та «український». Знаменно, що у повідомленні «Киевской старины» ця резолюція була інтерпретована як вимога про заснування 4 кафедр з українською мовою викладання, хоча запровадження курсів (найпевніше факультативних) не означало автоматично заснування кафедр, адже курси могли читати викладачі, зокрема, приват-доценти інших кафедр, передусім руської історії, словесності, права [10]. Однак у листі до академіка О. Лапшо-Данилевського від 5 серпня 1906 р. професор кафедри руської історії НУ І. Линниченко також згадував про те, що «недавно украинцы дали нам в совет просьбу об учреждении 4 малорусских кафедр» [11. 13-14]. І. Линниченко скептично оцінював шанси українців, адже за його підрахунками, у 1906 р. серед 3 тис. студентів НУ було лише 300 членів української громади.

Восени 1905 р. М. Грушевський відвідав Одесу і, таким чином, мав можливість інспірувати появу студентської заяви. На думку М. Грушевського, українознавчі та україномовні кафедри мали посісти рівноправне місце в колі інших університетських предметів [12. 279-280]. Згодом М. Грушевський отримав листа від керівників одеської української студентської громади за підписом Боровика з пропозицією посісти посаду викладача українознавства НУ [13. 1]. Іншим варіантом було запрошення Д. Яворницького. М. Грушевський запропонував кандидатуру свого брата Олександра, також вихованця В. Антоновича. На відміну від свого старшого брата, він на той час лише розпочинав кар'єру. Наявність реальної кандидатури, яка одночасно була спеціалістом з української історії,

етнографії, літератури і права, а значить в перспективі могла одноосібно викладати всі курси до заснування кафедр, безумовно активізувала одеських громадівців. Впродовж листопада-грудня 1905 р. відбулись два масштабних віча одеських українців, під час яких у промовах С. Шелухина та Д. Сигаревича пролунали гасла про необхідність відродження історичної пам'яті українців.

Додаткові сподівання породжувала наявність в НУ групи ліберальних професорів на чолі з ректором І. Занчевським, яка здобула керівні позиції у професорській Раді. До її керівників належали О. Шпаков — покровитель одного з лідерів студентської громади НУ М. Слабченка; І. Линниченко — вчитель М. Слабченка; Є. Щепкін — вчитель та покровитель І. Бондаренка — іншого лідера українців Одеси; Б. Ляпунов — вчитель А. Ніковського. Хоча ці люди не поділяли ідей українського національного руху, певну роль в їх рішенні щодо петицій могли відіграти особисті зв'язки. О. Рябінін-Скляревський головну увагу приділив постаті І. Линниченка, якого вважав «репрезентантом «малоруського патріотизму», який у 1905 — 1906 рр. почував себе на роздоріжжі. Додаткову увагу до І. Линниченка привернуло те, що саме його обрали в якості об'єкту цькування одеські чорносотенці за «хохломанський напрям» лекцій. І. Линниченко відповідав згодом: «Строго научные качества моих исследований и университетских чтений, моя требовательность и строгая справедливость в оценке познаний и ученых работ экзаменующихся хорошо известны в ученном мире и моим слушателям и слушательницам. Злонамеренная и преступная лживость слов анонимного автора оскорбляет не только меня лично, но и это высокое звание профессора, которое я с честью несу уже скоро 30 лет» [14]. Проте конфлікт між чорносотенцями та І. Линниченко був перманентним. Роль І. Линниченка у подіях 1906 — 1908 рр. була навіть більшою, ніж це вважав О. Рябінін-Скляревський. Листування І. Линниченка та київського професора В. Іконнікова свідчить про те, що саме вони були головними

промоторами влаштування в НУ О. Грушевського [15].

Ще одним засобом впливу на професорську Раду громадівиці вважали залучення однодумців з інших міст. У грудні 1905 р. надійшла петиція від «Полтавського союзу рівноправ'я жінок», а у квітні 1906 р. — від Чернігівської Української громади. Петиції від саме цих громад були зумовлені особистими зв'язками: уродженцями Полтавщини були І. Луценко та С. Шелухин, а останній до того ж очолював Одеське товариство захисту жінок. До переїзду у Чернігів в Одесі працював письменник та поет Микола Вороний, який тісно співпрацював на націтворчій ниві з І. Луценком, І. Липою, М. Комаровим. В Одесі певний час працював, а потім лікувався найвидатніший українець Чернігова, у 1907 р. — голова місцевої «Просвіти» Михайло Коцюбинський.

Полтавська петиція вимагала дозволити українським жінкам вступати до НУ. Вона докладно та рішуче постулювала сутність проблеми, чітко наголошуючи, що НУ діє на території заселеної українцями, а навчання в університеті має сприяти усвідомленню інтелігенцією факту відмінності України від Росії. Полтавці також вимагали аби бібліотека НУ поповнювалась українськими книжками, що вийшли всередині Російської імперії та за її межами. Однак петиція вимагала впровадження україномовного навчання курсів з історії, української мови та літератури та історії етнографії для українців лише у формі обережного побажання («по змозі»).

Полтавська заява мала бажаний ефект: в засіданні Ради 21 грудня 1905 р. професори ухвалили рішення погодитись принципово на побажання відкрити в НУ курси української історії, літератури та мови, щоправда лише за бажанням студентів та на мові, зрозумілій всім слухачам даного відділення, що в багатотітчному НУ фактично означало російськомовність курсів. Підписи під рішенням поставили І. Занчевський, В. Петріашвілі, Ернст фон Штерн, С. Головін, О. Доброклонський, В. Цимерман, Є. Васьковський, А. Федорів, О. Шпаков, В. Зав'ялов, В. Істрин, О. Корш, В. Якубович, О. Медведєв, І. Линничен-

ко. М. Грушевський інформував про позитивне рішення одеських професорів, славлячи «одеську професорську корпорацію, що йде назустріч вимогам українського громадянства», хоча і не погоджувався з залежністю мови викладання від національно-мовного складу студентів [12. 458-484].

Однак жодних практичних наслідків це рішення не мало в умовах контрреволюційних заходів влади першої половини 1906 р. Тому чернігівська та одеська петиції квітня-травня 1906 р. мали вже суто опозиційне звучання і відзначалися більшою рішучістю тону, особливо одеська. Попри те, що у російськомовному варіанті петиції Одеської української громади значилося поняття «общество» (тобто товариство), в даному разі адекватнішим виглядає переклад «общность», «община» в сенсі етнічної спільноти певного міста, району тощо. Основним автором петиції вважаємо С. Шелухина. Зміст листа більше нагадував рішучий ультиматум, в якому одесити засуджували нещодавно політику утисків українського народу. Як і полтавчани, одесити наводили аргументи на користь своїх вимог у двох площинах: етнічній та гуманно-просвітницькій.

Привертає увагу наявність історичного екскурсу, висунутого в якості нового аргументу, що просякнутий націоналістично-державницьким баченням особливостей взаємин України та Росії. Автори звинувачували Росію у порушенні умов персональної унії 1654 р., зниженні рівня освіченості колись всуціль грамотного народу, сприянні утворенні між українською інтелігенцією та рештою народу культурно-національної прірви, зумовленою русифікацією еліти нації. Загалом текст петиції пронизаний ідеєю вищості української культури над російською. У підсумку автори дуже виразно та рішуче наголошували на тому, що реалізація їх вимог є лише початковою фазою їх програми: «Одной из конечных целей украинского национального движения является национализация родного университета, так как только проведение сверху до низу, от высшей школы до народного училища, системы преподавания на родном языке будет удовлетворять естественному тяготению каждой нации к язы-

ковою гармонією». Петицію підписали 86 осіб. Вдалося розшифрувати підписи 62, які подаємо в порядку написання під петицією та в оригінальній формі: «П. Климович, Ф. Нестурх, Є. Фесенко, С. Шелухин, М. Комаров, Ніковський, А. Панченко, Панченко-Чаленко, І. Різниченко, П. Герасимовська, В. Герасимовський, Л. Яновська, Е. Стоянова, Іван Мих. Бондаренко, Калиник Іванович Поляков, А. Панченко, Никита Бахтаров, Антон Бориневич, А. Кориневська, Дмитро Недзельський, Леонід Юркевич, Л.Н. Шелухина, Д-р Іван Липа, А. Садовая, Д. Буяльський, К. Бондаренко, Дм. Сигаревич, Ф.Г. Шульга, Ів. Милько, А. Шульга, В. Бубенюк, Василь Громашевський, В. Рачковский, Ж. Виликанець, Г. Андриевская, В. Сіденко, П. Костильняк, С.Ф. Гайдаенко, И. Пархоменко, Д. Евтушенко, К. Балицкая, А. Молчанов, Николай Клименко, В. Селецкий, А. Гармаш, А. Вольнская, Д-р И. Луценко, И. Кондратович, Б. Коржаневська, Ю. Рижак, В. Рыжак, М. Злобін, М. Липа, Мина-Задніпраний, Н. Багримовський, А. Вереминська, А. Погибка, Н. Белінський, А. Федоренко, Ф. Белінський, Т. Власюк, А. Кравченко».

Привертає увагу «сімейність» частини підписів, що свідчить про збереження українських традицій в родині. З евристичної точки зору підписантів можна поділити на три категорії: 1) відомі видатні провідники українського національного руху в Одесі (С. Шелухин, І. Липа, І. Луценко, Д. Сигаревич, А. Ніковський, І. Бондаренко, М. Комаров). Для реконструкції біографії цих осіб петиція надає хоч і яскравий, але не надважливий штрих; 2) особи, про причетність яких до українського національного руху відомо лише у загальних рисах, але бракує інформації як загалом про їх життєвий шлях, так і про націотворчу діяльність зокрема (Є. Фесенко, Ф. Нестурх, А. Бориневич, К. Бондаренко, Ф. Шульга, А. Погибка, В. Громашевський, Л. Шелухина, М. Липа та ін.). Наприклад, окрім опосередкованих фактів, завдяки тексту петиції та підписам ми маємо поки що єдине свідчення про особисту позицію видатних друкаря Є. Фесенка та статистика А. Бориневича;

3) мало, або зовсім невідомі особи. Наявність їх підписів сама по собі надає фактаж для кліометрики українського національного руху в Одесі та в разі подальших джерелознавчих успіхів закладає основи для успішних біографічних досліджень. Інші джерела можуть привідкрити завісу забуття над деякими з них. В архіві М. Грушевського відкритися два листи до нього початку ХХ ст. від Леоніда Юркевича. Прохаючи про допомогу «абим працювати задля улюбленої ідеї «нашої» та не померти з голоду», він наводив промовисті дані про себе, важливі в контексті просопографічного портрету «маленької» української людини: «я юнак двадцяти літ «благодаря упорному украинофильству ограниченный в правах», недавно поховав останню свою підтримку — батька (парахвіяльного попа) і лишився під тином... Я обляяне з усіх боків злиденне створіння... Маю «атестат» о скінченню третіої кляси духовної семінарії Подільської та їдної кляси (общой) чугуївської юнкерської школи». Також дізнаємося про знайомство Л. Юркевича з Б. Комаровим [16. 1, 3].

Паралельно з одеською, до Ради надійшла чернігівська петиція, найбільш лаконічна з усіх трьох. На відміну від одеської, в ній, як і у полтавській, спеціально згадувалося про права жінок на отримання україномовної освіти. Однак на відміну від полтавчан та одеситів, чернігівці не обґрунтували докладно право українців на україномовну освіту, обмежившись туманним зауваженням про забезпечення умов для нормального культурного розвитку України. Водночас, так само як одесити, чернігівці імперативно вимагали впровадження україномовного навчання окремих українських кафедр, а не просто курсів. До кола предметів було додано звичаєве право. Заяву підписали 80 осіб, з яких вдалося ідентифікувати 45: Ілля Шраг, посол до Думи Державної, М. Коцюбинський, Микола Вороний, Д. Яворський, Ф. Шкуркіна-Левитська, А. Федченко, Л. Шрамченко, В. Коцюбинська, О. Андрієвська, О. Камінська, В. Харченко, Г. Белкінд-Андрієвська, А. Єременко, М. Белкінд, Б. Чернявський, Н. Верзілов, П. Лисенко, Філіпко, Гр. Дорошенко, М.

Жук, М. Тарасенко, Є. Шраг, Т. Яворська, Хранитель «Музею української древностей В.В. Тарновського» Андрій Шолуха (Шелухин), служача губернського земства Олесь Солоник, Статистик Андрій Балика, Г. Коцюбинська, статистик К. Ващенко, В. Лесковацький, В. Аплаксина, А. Лесковацька, студент Київського університету К. Артук, О. Буракова, Н. Голосова, Е. Добровольський, Ф. Примаченко, Е. Шульга, Л. Коцюбинська, А. Кіліковська, Ю. Губарева, Е. Заремба, Н. Галінський, В. Андрієвський, І. Обозненко, К. Руденко. До трьох вже згаданих вище зірок М. Вороного, М. Коцюбинського, І. Шрага слід зарахувати передусім видатного художника, вже пізніше одесита, Михайла Жука.

28 серпня та 11 вересня 1906 р. ці документи було розглянуто на засіданнях Ради НУ, але рішення відкладено. О. Рябінін-Скляревський, а услід за ним О. Нагірняк вважали, що петиції не мали жодних наслідків і, отже, можуть бути зараховані у традиційний «плакальний» мартиролог української історії, читаної «з бромом». Вважаємо цей погляд помилковим. Саме рішення Ради від грудня 1905 р. разом з петиціями 1906 р. заклали основи педагогічної діяльності О. Грушевського в Одесі у листопаді 1906 – 1908 рр. – однієї з найславетніших сторінок історії Одеси. У 1907 р. в стінах НУ він вперше у практиці російсько-імперських університетів прочитав українською мовою спецкурс з історії середньовічної України. О. Грушевський згадував, що на відміну від більшості викладачів, «студентство зустріло виклади на українській мові з великим задоволенням. Нема де поставити додаткових стільців, казав смотритель університетського будинку (на Преображенській вулиці), а декан фон Штерн висловлював поки-що задоволення, що студенти так зацікавилися історією (він ще не передчував, що йому, як деканові, через рік буде висловлено за сю справу з українськими викладами догану від міністерства)» [17]. Звістки про успіхи О. Грушевського миттєво поширилися серед українців інших областей, які розглядали їх як доказ перспективності українського національного руху.

С. Петлюра в київському журналі «Україна» зазначив, що «по газетним відомостям, перші лекції д. Грушевського вже відбулися при великому числі студентів». Він же одним з перших інтерпретував цю подію як заснування кафедр українознавства. О. Грушевський вплинув на становлення поглядів істориків М. Слабченка та П. Клепацького, історика та філософа М. Гордієвського, філологів В. Буряченка та А. Ніковського. Перебування О. Грушевського в Одесі сприяло зміцненню контактів між причорноморським, наддніпрянським та західноукраїнським центрами українського руху [18].

Окрім цього, петиції заклали традицію ненасильницької форми боротьби одеських українців за українознавчу та українськомовну вищу освіту, яка не згасла до сьогодні. Зокрема, її прояви в роки Другої світової війни були подібні за змістом та формою до петиції українських студентів Одеського університету, зокрема, С. Караванського до румунської адміністрації з вимогою запровадження кафедр української історії та літератури [19]. Отже, початок ХХ ст. був позначений зростанням українського національного руху в Одесі, радикалізацією його вимог, відкритою боротьбою за впровадження українознавства українською мовою у навчальний процес вищої школи. Все це виразно відбилося у петиції одеської громади до Ради професорів НУ. Полтавська та чернігівська петиції свідчать про реальні прояви соборницької програми українського національного руху, не лише по вісі Південь—Захід, але й Південь—Наддніпрянина. Петиції стали важливим чинником консолідації українських громад у боротьбі за права українців, на жаль, не до кінця реалізованих і дотепер.

Документи опубліковано згідно з сучасними археографічними нормами. На сьогодні оригінал одеської петиції є суттєво пошкодженим і потребує реставрації. Особливості оригіналів збережено за виключенням коригування орфографії тексту згідно з сучасним російським та українським правописом.

Петиція Одеської Української громади

ДАОО. – Ф. 45. – Оп. 11. – Спр. 26. – Арк. 93-96.

[Текст видруковано на друкарській машинці]

**В СОВЕТ ПРОФЕССОРОВ ИМПЕРАТОРСКОГО
НОВОРОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

От Одесского Украинского Общества

8 октября 1905 года, на сходке в стенах Одесского университета студенчество приняло предложение украинской студенческой «громады» о введении в систему местного университетского преподавания 4-х кафедр на украинском языке: 1/ истории Украины, 2/ истории украинского права, 3/ украинского языка и 4/ истории украинской литературы.

С чувством глубокого нравственного удовлетворения приветствуем этот важный шаг в истории просвещения дорогой нам родины, надеясь, что в руководящих академических сферах это постановление студенчества встретит желательный отклик.

Всесокрушающий, холодный централизм российской бюрократии, доживающий свои последние жалкие дни, безцеремонная политика аракеевской нивеллировки и подведения под одну масть всей сложности жизни и ее бьющих всеми цветами радуги проявлений, давно осуждены историей, здравым смыслом и грозной логикой событий.

«Человек есть самоцель», таково основное положение, таков постулат этики в лице ее великих основоположников / Кант, Фихте, Сковорода, Вл. Соловьев/. Общество и государство не может и не должно видеть в человеке средство, орудие для своих экспериментов и единственною высокою и благороднейшею задачею общества и человечества является расчистка путей, препятствующих личности осуществлять в своей жизни идеалы истины, добра, справедливости и красоты. Человеку должны быть предоставлены все средства для его духовного совершенствования. Безнравственно лишать человека хлеба и давать камень, безчеловечно видеть в личности материал, годный только для того, чтобы лепить из него духовного автомата.

Этот основной принцип морали развитых людей самым

наглым, самым безопасным образом нарушался и до сих пор нарушается российской бюрократией в отношении украинского народа.

Она всегда видела в этом народе, а, следовательно, и в составляющих его единицах-личностях, только орудие для своих политических целей, только объект для государственных экспериментов, только материал для нивелировки и торжества мертвящего единообразия казармы.

Уже в начале единения Москвы с Украиной, российская приказная бюрократия, благодаря коварству, подкупам и насилью добилась фактического уничтожения договора на личную унию, связавшего в 1654 году две родственные народности / Ср. Сергеевич-Лекции и исследования, изд. 1903 г., стр. 106/. Эта жестокая и хитрая политика шедшая в дальнейшем рука об руку с общественной деморализацией украинской старшины, подкупаемой раздачею населенных владений и закрепощением народа, привели в конце концов к тому, что былого права украинского народа на самоопределение не осталось и следа.

Что же получилось в результате? Просвещение, стоявшее на высокой для того времени точке развития на Украине в эпоху ее полной мощи жизни, замерло и исчезло. Было время, когда украинский народ в лице львовских мещан встретил с распростертыми объятьями первого русского типографа Ивана Федорова, который не оказался пророком в Москве, откуда ему пришлось бежать. Украинская школа, украинский театр, украинская литература, служили образцами для Москвы, начинавшей в лице своих более передовых людей, отрешаться от традиций византизма и наследия татарщины и примыкать к западно-европейской культуре. Грамотность была довольно развита на Украине, стоя во всяком случае несравненно выше грамотности в Московской Руси. И вся эта своеобразная культура исчезла постепенно под влиянием деспотической политики, убившей самодеятельность народа, который погружается в состояние умственного и нравственного отупения.

О степени развития гражданского самосознания нечего и

говорить. В то время как в 17 веке мы встречаем на Украине европейски развитое политическое самосознание, понимание и отстаивание элементарных прав человека /свобода совести, слова и т.д./, в 18 и первой половине 19 века украинская интеллигенция постепенно обезличивается и, подкупленная, довольствуется состоянием всеобщего, всероссийского рабства.

Интеллигенция, ранее жившая общию жизнью с народом, начинает постепенно усваивать взгляд на свой народ, как на что-то вполне чуждое ему, как на особую касту холопов, с которыми не может быть ничего общего и прежде всего в языке. Интеллигенция эта в лице украинской старшины и ее наследия — украинского дворянства, ограбив народ материально, ограбила его и духовно, начавши прививать и народу, и молодым поколениям презрение к своему родному, в частности к звучному и богатому украинскому языку, и так. об., лишила свой народ великого орудия культуры. Она, эта нравственно и политически выродившаяся интеллигенция, старалась всячески, всеми правдами и неправдами доказать, что она неукраинского, т.е. непростонародного происхождения, ибо последнее закрывало двери в рай сословных привилегий, связанных с дворянством. Между народом и его «костью отъ кости», его интеллигенциею, образовалась глубокая пропасть. Все нити, связывавшие некогда народ и интеллигенцию, порвались окончательно, после того как народ остался одиноким даже в своем языке.

Но так не могло долго продолжаться. Как ни привлекательны были для украинской интеллигенции щедро раздаваемые правительством земли, ордена, чины, теплые места, но элементарная неправда отношений слишком была в глаза, и интеллигенция начала возвращаться к народу, она твердо решила поднять некогда разорванную нить и вновь связать себя с народом. Этого требует долг, это — категорический императив для интеллигенции украинской, это — условие, без которого не мыслим дальнейший прогресс Украины.

Однако столетия рабства и политического унижения Украины довели внутренние отношения в этом крае до того, что

интеллигенция лишилась средств духовного общения со своим народом. Между просвещенною частью украинского общества и народом стоит крепкое средостение, созданное российской бюрократией в виде школы, чуждой народу и по духу и по языку. Общение с народом другими, внешкольными средствами, также недоступно для украинской интеллигенции, отчасти по причинам, общим для всей Российской Империи, в виду существования азиатских форм общественности, отчасти же вследствие проскрипции, объявленной российским правительством украинской прессе, украинскому творчеству вообще.

Но не только народ лишен возможности развивать свои природные способности наиболее нормальным в педагогическом отношении образом; не только народ лишен средств, какие скорее всего с наименьшей затратой психической энергии дали бы ему возможность приобщиться к общечеловеческой цивилизации. Смертный приговор объявлен также естественному желанию украинской интеллигенции знакомиться научным путем с историей своего народа, его литературой, его языком, его правом. Российская бюрократия задалась целью вытравить из народного сознания всякое представление об его самобытности, сделать интеллигенцию чуждой своему народу.

Этим объясняется, что в университетах, основанных на территории Российской Украины, нет кафедр, какие удовлетворяли бы все более и более растущей, несмотря на все тормозы и проскрипции, потребности знать нужды народа, на средства которого созданы университеты, давать себе полный отчет в его оригинальном прошлом и не менее своеобразном, полном могучей потенциальной энергии настоящем.

Одной из конечных целей украинского национального движения является национализация родного университета, так как только проведение сверху до низу, от высшей школы до народного училища, системы преподавания на родном языке будет удовлетворять естественному тяготению каждой нации к языковой гармонии. Поэтому на постановление студенчества надо смотреть только как на первый шаг принципиаль-

ной важности, требующий немедленного разрешения, и мы надеемся, что профессорская корпорация, так отлично зарекомендовавшая себя в глазах прогрессивной части общества в последнее время, не останется глухой и к голосу украинцев и, волею судьбы физически связанная с огромной территорией, населенной преимущественно украинцами, не станет врагом последних, а наоборот, преодолев, если только в этом есть еще надобность, традиционные предрассудки и известные умственные навыки /эти *idola fori*¹, санкционированные произволом бюрократии/, с своей стороны авторитетно поддержите стремление молодой Украины во имя свободы науки, во имя элементарной правды, столь нагло до сих пор попираемой.

Для этого необходимы только: смелость и благородство мысли, дающей отклик на голос жизни, той жизни, которая не стоит на месте, а энергично развивается.

[Підписи]

30 мая 1906 года Одесса

1. *idola fori* (лат.) – «ідоли площі». Забобони, викликані неточністю, умовністю, образністю повсякденного слововжитку (Ф. Бекон) (прим. наша – О.М.)

Петиція Чернігівської Української громади

ДАОО. – Ф. 45. – Оп. 11. – Спр. 26. – Арк. 91.

[Підкреслення синім олівцем у тексті. Текст написано від руки каліграфічним почерком]

До Світлої Ради Імператорського Новоросійського Університету в Одесі.

Ми, чернігівські українки і українці в численній зібранні, виражаючи посла до Думи Державної д. Іллю Шрага, серед інших своїх жадань, що мали б забезпечити Україні національно-культурний розвій і існування в її природних і нормальних формах, висловили глибоке переконання, що висша автономна школа на території України повинна завести катедри: української – мови, літератури, історії, етнографії і

права звичаєвого, з викладами тих предметів на українській же мові, аби вільне слово науки мали змогу слухати всі ті українки і українці, що прагнуть просвіти.

Подаючи се до відомости Світлої Ради, висловлюємо разом з тим певну надію, що репрезентанти науки підтримають наші жадання не тільки ідейно, але й практично. Року 1906, цвітня 20го

[Підписи]

Література:

1. Інститут рукопису Національної бібліотеки НАНУ ім. І.І. Вернадського. – Ф. X. – Спр. 21140. – 19 арк.
2. Малинова Г.Л., Сапожников И.В. А.А. Рябинин-Скляревский: материалы к биографии. – Одесса-Киев, 2000. – 220 с.; Капарулін Ю.В. Історико-літературознавчі студії О.О. Рябініна-Скляревського // Наукові праці Чорноморського державного університету імені Петра Могили. – «Історія», Вип. 134. – Т. 147. – С. 97 – 101.
3. Нагірняк О. Нариси з історії українознавства у Наддніпрянській Україні (остання чверть XIX ст. – 1917 р.). – К., 2007. – 652 с.
4. Луценко І. Історична помилка // Вільне життя. – 1918. – 4 вересня.
5. Шелухин С.П. Україна – назва нашої землі з найдавніших часів. – Дрогобич, 1994. – 252 с.
6. Музичко О. «Записка» 1905 року одеських українців до Комітету міністрів Російської імперії з вимогою заснування власної преси – маловідоме цінне джерело про зростання українського націоналізму на початку XX ст. // Євген Чикаленко в процесі українського націотворення. – Одеса, 2012. – С. 85-95.
7. XIII Археологический съезд // Южные записки. – 1905. – 4 сентября. – С. 38-39.
8. Державний архів Одеської області. – Ф. 2. – Оп. 7. – Спр. 285.
9. Музичко О. Український націотворчий процес в Одесі початку XX ст. крізь призму спогадів Ганни Чикаленко // Євген Чикаленко в процесі українського націотворення. – Одеса, 2012. – С. 25-40.
10. Резолюция студентов-украинцев // Киевская старина. – 1905. – В. 11-12. – С. 110.
11. Санкт-Петербурзька філія Архіву Російської академії наук. –

- Ф. 113. — Оп. 3. — Спр. 223. — Арк. 13-14.
12. Грушевський М. Твори. — Т. 1. — Львів, 2002. — 592 с.
13. Центральний державний історичний архів України у м. Києві. — Ф. 1235. — Оп. 1. — Спр. 96.
14. Одесские новости; Одесский листок. — 1908. — 25 сентября.
15. Інститут рукопису Національної бібліотеки НАНУ ім. І. І. Вернадського. — Ф. III. — Спр. 49898-49943. — Арк. 51; Спр. 49913. — Арк. 45.
16. Центральний державний історичний архів України у Києві. — Ф. 1235. — Оп. 1. — № 856 (опубліковано: Мищик Ю. 3 листів до Михайла Грушевського // <http://mytsyk.com/z-listiv-do-mixajla-grushevskogo>).
17. Грушевський О.С. Український народний університет // Літературно-науковий вістник. — 1917. — Т. 68. — С. 321–322.
18. Музичко О. Одеський період життя Олександра Грушевського: формування основ одеської історичної україністики // Південний Захід. Одесика. — Вип. 12. — Одеса, 2011. — С. 263 – 287.
19. Музичко О. Український студентський рух в Одесі у роки Румунської окупації (1941 – 1944) // Інтелігенція і влада. Матеріали 5-ї Всеукраїнської наукової конференції (Одеса, 24-25 грудня 2009 р.). — Одеса, 2009. — Ч. 1. — С. 159-164; Одеса 1941 – 1945 рр. (освіта та наука): Зб. документів та матеріалів / Упорядн. Остащук В. — Одеса, 2010. — С. 96-97. 150 с.

Ірина Тюрменко,

Доктор історичних наук, професор,

Національний авіаційний університет (Київ)

***ТРАНСФОРМАЦІЇ ШКІЛЬНОЇ ОСВІТИ УКРАЇНИ
У 1920-Х РОКАХ***

Перша світова та громадянська війни спричинили величезні руйнування виробничих сил, занепад економіки та культури України, а утвердження більшовицької влади в республіці призвело до зміни парадигми її розвитку. Судові процеси над політичними опонентами, розпуск партій, боротьба проти Української автокефальної церкви загострили процеси культурного будівництва у республіці. Почалася тотальна ідеологічна обробка української інтелігенції, молоді, студентства, учнів. Ставилося завдання прихилити їх на бік радянської влади, зробити покірними та слухняними. Задля цього використовувалися різноманітні форми ідеологічного впливу, у тому числі – і давні осередки української культури – «Просвіти», які, не виправдавши сподівань партапарату, «самоліквідувалися». Замість них створювалися хати-читальні, селянські будинки, пролетарські клуби тощо. Вони беззаперечно проводили у життя політику більшовицької влади. Продовжувались нападки на М. Грушевського, журнал «Україна», розгорнулася справа СВУ тощо. Ці та інші симптоми стали індикаторами трансформаційних змін у сфері культури, появи у її структурі елементів авторитаризму, які дедалі переростали у тоталітаризм.

Початок 1920-х рр. ознаменувався її перетвореннями у системі освіти. Саме на цю сферу більшовицька влада поклала великі надії, а тому безжалісно руйнувала стару «буржуазну школу». Становлення радянської школи проходило в умовах постійних експериментів, не завжди виправданих і доцільних, але чітко орієнтованих на формування нової класової

моделі шкільного навчання. Нова пролетарська школа мала відіграти провідну роль у забезпеченні підтримки комуністичної партії в боротьбі за соціалістичні перетворення. Осмислення таких суспільних перетворень має теоретичне і практичне значення для розуміння механізму утвердження радянського способу життя у різних сферах, у тому числі і культурі. Першим системним дослідженням цих проблем під кутом повсякденності стала колективна двотомна монографія «Нариси повсякденного життя Радянської України в добу непу (1921–1928 рр.)», що вийшла друком 2010 р., за редакцією В. С. Кульчицького. У її другому томі аналізується повсякденне життя учителів, однак проблеми трансформаційних перетворень у системі шкільної освіти 1920-х років не стали предметом спеціального вивчення.

Отже, першим кроком більшовицької влади стала уніфікація системи освіти, що перш за все призвело до закриття приватних шкільних навчальних закладів. Тільки в Одесі у 1922 р. діяла 21 шкільна установа недержавної форми власності. Приватна система освіти була привабливою альтернативою державній школі, оскільки базувалася на класичній системі навчання, там були зосереджені кращі учителі. Ці школи мали й достатню матеріальну базу. Знищення приватних шкіл спростило практику контролю за освітніми закладами з боку партпарату, посилило залежність школи від держави. Зміни у структурі шкільної освіти позначилися на якості навчання та зменшенні загальної кількості шкільних установ. Якщо у 1921/1922 навчальному році за даними Народного комісаріату освіти УСРР нараховувалось 18760 шкіл різного підпорядкування і типів, то у 1925/1926 – відповідно – лише 17956.

Політика більшовиків була орієнтована на посилення впливу держави на молодь через розширення мережі державних шкіл, і особливо через її наймасовішу ланку – початкову школу. Основні напрямки діяльності шкільних закладів були закріплені у «Кодексі законів про народну освіту», введених у дію у листопаді 1922 р. Саме на школу радянська влада поклала

утвердження диктатури пролетаріату, знищення класового суспільства, зміцнення зв'язку з державним будівництвом [1. 155–159]. У Кодексі визначалася структура народної освіти, типи навчальних закладів, організація управління народною освітою тощо.

Суперечливість шкільної політики більшовиків визначалась з одного боку ідеологічною заангажованістю, політизацією освіти, тотальним тиском на неї з боку держави, а з іншого – це був курс на подолання вікової неписьменності та освітньої відсталості не лише дітей шкільного віку, а й дорослого населення. За даними перепису 1920 р. на кожну тисячу дітей шкільного віку припадало лише 396 письмених [2. 152]. Враховуючи низький стан освітнього рівня населення 30 липня 1924 р. ВУЦВК і Раднарком УСРР ухвалили постанову «Про проведення загального навчання». Планувалося запровадження в Україні, починаючи з 1924/1925 рр., загальної чотирирічної освіти для дітей 8–11 років [3. 265–266]. На виконання постанови створювались дільничні комісії з реєстрації дітей шкільного віку, велося будівництво шкіл, збільшувалися асигнування на розвиток народної освіти. У місцевих бюджетах передбачалася спеціальна стаття про місцевий шкільний бюджет. Статистичні дані свідчать про суттєве збільшення асигнувань на розвиток школи. Так, у 1925/1926 навчальному році по усіх відомствах було витрачено близько 97 млн. крб., що становило майже половину бюджету УСРР [4. 40]. Характерно, що джерела фінансування переважно мали позаекономічне походження, оскільки збиралися за рахунок експропріації цінностей з «буржуазних елементів», церковних установ тощо. Не останню роль відігравала і плата за навчання, яка стягувалася з заможних батьків. Незважаючи на прийняті заходи, у 1925 р. в УСРР нараховувалось 7 млн. дітей віком від 8 до 14 років, з яких охоплення шкільною освітою коливалося лише у межах 35,8%.

Розвиток шкільної мережі визначався територіально-адміністративною реформою, проведеною навесні 1923 р. Запорі-

зька (Олександрівська), Кременчуцька та Миколаївська губернії були ліквідовані. У дев'яти губерніях повіти були укрупнені в округи, а волості реорганізовані у райони. Характерною рисою розвитку школи стала диспропорція між шкільною мережею у сільській та міській місцевостях, катастрофічною нестачею шкільних приміщень. Так, навіть у 1927 р. 50% загальної кількості шкіл знаходились у тимчасово пристосованих будівлях. Незважаючи на усі заходи щодо відкриття нових шкіл та шкільних приміщень, досягти швидкого результату не вдалося. Значна частина дітей все ще знаходилася поза навчанням. Як свідчать офіційні дані у 1929/1930 навчальному році у степовому економічному районі проживало 510,4 тис. дітей 8–11 років, з яких лише 74,3% було охоплено різними типами шкіл. Це був один з найнижчих показників по Україні. Для порівняння на Поліссі рівень охоплення дітей освітою становив 78,3%, у Дніпровському промисловому районі – 77,3%, а середній показник про країні дорівнював – 76,2% [2. 76]. Особливістю Півдня України був фактор полікультурності, традиційно пов'язаний з історією цього регіону. Загалом за даними шкільного перепису від 15 грудня 1927 р. в школах УСРР навчалися діти 50 національностей і народностей.

Вагомим важелем більшовизації народних мас стала українізація, без здійснення якої було неможливо наблизити школу до простого люду, модернізувати країну та завоювати симпатію населення, особливо сільського. Тому українізація 1920-х років підтримувалась на державному рівні і загалом у 1928 р. була завершена. Недоукраїнізації, як указував М. Скрипник, в Україні майже не було.

Важливим напрямком діяльності партійно-більшовицького керівництва стала підготовка та підбір педагогічних кадрів, особливо для сільських шкіл. Адже там концентрувалася переважна більшість населення і відповідно – дітей шкільного віку. Саме тому радянська влада тримала на контролі питання ідейно-політичного виховання педагогів. Контролювати учительство були покликані їхні професійні спілки, створені 1921 р. у містах

і селах, де були школи. Розгалужена мережа місцевих спілок скеровувалась заснованим у Харкові Всеукраїнським комітетом профспілки працівників освіти (ВУК Робос). Центральний профспілковий комітет учителів працював у тісному контакті з Наркомосом і був підзвітний державному і партійному апарату влади. Однак рівень підтримки рядовим учительством Робосу на початковому етапі його створення був низьким. Тільки в Одеській губернії з 7 тис. членів професійних учительських спілок до Робосу входило лише 1200 осіб [5. 24].

Партійне керівництво дбало перш за все про зростання ідеологічного рівня самих учителів, намагаючись зробити їх свідомим провідниками політики радянської влади. Для учителів проводилась роз'яснювальна робота щодо політики більшовиків та марксистсько-ленінського вчення, присікалися усякі появи інакомислення, засуджувались «ворожі» погляди, а до «саботажників», «шкідників», «націоналістів» застосовувались репресивні заходи.

Окрім основної професійної діяльності на учителів покладалося завдання вести культурно-просвітницьку та ідейно-політичну роботу поміж населення, роз'яснювати політику більшовицької партії. Місцеві партійні органи активно експлуатували інтелектуальний потенціал учительства у громадській, а отже, неоплачуваній роботі: їх залучали до хлібозаготівельних кампаній, поширенні державних позик, організації посівних робіт, популяризації економічної політики більшовиків, проведенні виборчої кампанії до Рад робітничих і селянських депутатів тощо. Типовий робочий день учителів починався зранку у денних школах і тягнувся допізна, закінчуючись у вечірніх школах, клубах, хатах-читальнях з ліквідації неписьменності, гуртках художньої самодіяльності. Таким було життя й учительки О. О. Вакуловської, яка почала працювати з 1921 р. в с. Володимирці на Миколаївщині [4. 191].

Велике перевантаження учителів і пов'язане з цим напруження в учительському середовищі більшовики намагалися зменшити за рахунок підвищення зарплати та покращення побуто-

вих умов учительства. Попри усі фінансові вливання, матеріальне становище учителів, особливо сільських, було вкрай скрутним. Подекуди учительство або взагалі не отримувало зарплатню, або із затримками. Так, у 1920 р. тільки по Одеській області із запланованих 502 млн. радзнаків на освітні потреби було виділено тільки 197 млн., що призводило до перебоїв з отриманням заробітної плати [5. 29]. Постійні недоплати та загалом низький рівень зарплати сільських учителів у порівнянні з міськими були характерними для початку 1920-х рр. Особливо загострилося питання забезпечення учительства під час голоду 1921–1923 рр. Однак поступово, починаючи з середини 1920-х рр., помітилося хоча й незначне, але покращення матеріального становища педагогічних кадрів. Не останню роль тут відіграли комунальні пільги, безплатні путівки в санаторії та будинки відпочинку, пільги на отримання безкоштовної освіти для дітей учителів та надання відстрочки сільським учителям від служби в армії. Врешті-решт наприкінці 1920-х рр. радянській владі все ж таки вдалося прихилити переважну більшість учителів на бік радянської влади, зробивши їх провідниками політики комуністичної партії.

Партійні і профспілкові організації використовували різноманітні форми для роботи з учителями. Контролювати свідомість педагогів були покликані методичні семінари, курси підвищення кваліфікації та перепідготовки учителів, навчально-виробничі наради тощо. Підвищення активності учителів та прихилення їх на бік радянської влади партійні органи очікували від Всеукраїнського учительського з'їзду, якій пройшов у Харкові 5–11 січня 1925 р. Виступи державних і партійних функціонерів мали на меті привернути увагу учительства до ролі більшовиків у вирішенні шкільних проблем, покращенні життя учителів. Роз'яснювальну роботу про основні принципи «ленінської національної політики» в освіті вели й самі учителі – делегати з'їзду, рішення якого широко обговорювались в учительських колективах. Цей дискурс було використано для втягування учителів до лав комуністичної партії та пропаганди політики

більшовиків серед широкого загалу.

Перевага ідеологічної складової у підборі кадрів над професійною призвела до того, що і у 1928 р. якісний склад учителів був ще досить низьким. У постанові Політбюро ЦК КП(б)У від 20 липня 1928 р. «Про стан та перспективи загального навчання на Україні» указувалося на низьку якість навчання та недостатню підготовку дітей до вступу у профшколи, брак числа учителів та наявність значної кількості педагогів «без ніякої освіти» [6. 401–403]. Тому завдання підготовки нових кадрів учителів відносилось до першочергових. З цією метою перевага вступу до навчальних закладів надавалась у першу чергу дітям з сімей робітників і селян, що мало забезпечити класовість у підборі педагогічних кадрів.

Трансформаційні зміни торкнулися й системи педагогічної освіти. Зокрема, учительські семінарії реорганізовувалися в інститути народної освіти, створювалися трирічні педагогічні курси. Учителів вищої кваліфікації для установ соціального виховання мали готувати інститути народної освіти, створені з колишніх учительських інститутів, вищих жіночих курсів, університетів (реорганізація останніх тривала з 1920 р. по 1921 р.). Зокрема, на базі Новоросійського університету був утворений медичний інститут та Академія теоретичних знань, у складі якої діяли фізико-математичний інститут та інститут суспільно-гуманітарних наук.

Реорганізація вищої школи загалом і педагогічної освіти зокрема, перш за все, спрямовувалась на підготовку відданих радянській владі кадрів учителів, які б забезпечили проведення у життя політики більшовизації країни. У боротьбі за «пролетаризацію» вищої школи партійні організації ініціювали створення спеціальних комітетів і гуртків. Тільки в Одесі у 1922 р. до такого типу асоціацій входило до 50 науково-педагогічних працівників. Завданням подібних об'єднань стало виявлення «контрреволюційних елементів», яких або виключали з навчальних закладів, або репресували. Власне 1922 р. став роком «чистки» вузів УСРР. У 1921–1924 рр. в УССР працюва-

ло 103 вищі педагогічні курси, які з 1925 р. були реорганізовані у педагогічні технікуми. Загалом протягом 1920-х рр. в Україні діяло 12 інститутів народної освіти.

Отже, 1920-ті рр. стали визначальними у формуванні системи шкільної освіти радянського типу. Водночас освітні процеси характеризувались різкою диспропорцією. З одного боку – це була спроба ліквідувати неписьменність, підвищити освітній рівень населення, а з іншого – політизувати та ідеологізувати школу, зробити її слухняною та поступливою. Технологія «батоба і пряника», репресій і фінансових вливань в освітню сферу загалом і матеріальну підтримку учителів зокрема вирішили справу. Власне перспектива зростання матеріального добробуту учителів, особливо сільських, посувала на останній план жахливу практику «чисток учительських кадрів». Внаслідок застосування гнучких технологій (підвищення зарплати, отримання різноманітних пільг, пролетаризація учительства, залякування, репресії) вдалося створити радянську модель шкільної освіти. На жаль, ця «перемога» була досить умовною, адже на тлі позитивних зрушень зростання загальної освіченості населення політизація навчального процесу робила школу більш закритою та відірваною від процесів європейської і світової освітньої практики.

Література:

1. Про введення в дію Кодексу законів про народну освіту: Постанова ВУЦВК від 22 листопада 1922 р. // Культурне будівництво в Українській РСР : зб. документів. – Т. 1.
2. Шевчук Г. М. Культурне будівництво на Україні у 1921–1925 рр. – К., 1963.
3. Про введення загального навчання : Постанова ВУЦВК і РНК УСРР від 30 липня 1924 р. // Культурне будівництво в Українській РСР: зб. документів. – Т. 1.
4. Яницький Г. І. Розвиток народної освіти на Україні (1921–1932). – К., 1965.
5. Нариси повсякденного життя Радянської України в добу непу (1921 – 1928 рр.): Колективна монографія / Відп. ред. В. С. Куль-

чицький: В 2-х ч. – Ч. 2 .– К., 2010. – 382 с. // Режим доступу: history.org.ua/JournALL/jittia/jittia_2010_1.../jittia_2010_1_2.pdf. – Назва з екрану.

6. Про стан та перспективи загального навчання на Україні : Резолюція ЦК ВКП(б)У від 20 липня 1928 р. // Культурне будівництво в Українській РСР: зб. документів. – Т. 1.

*Виктор Савченко,
профессор кафедры философии
и социальных дисциплин ОГУВС,
доцент, кандидат исторических наук*

**ОДЕССКИЕ МЕНЬШЕВИКИ
В «КРАСНОМ ПОДПОЛЬЕ» (1920 – 1927 ГГ.)**

Социал-демократическая идеология и политическая практика была популярна среди значительной части рабочих и интеллигенции Одессы в 1900 – 1921 гг. Без ее изучения и анализа невозможно разобраться в общественно-политической жизни Одессы тех лет. Однако, советские историки, анализирующие социалистическое движение в одесском регионе, отдавали преимущество радикалам-большевикам, игнорировали меньшевистскую составляющую революционного движения или пытались фальсифицировать исторические факты, выдавая деятельность РСДРП(м) за деятельность большевиков.

Весной 1917 г. РСДРП – меньшевики были наиболее влиятельной политической силой в Одессе, в то время как большевики приобрели некоторое влияние на массы только осенью 1917 г. Тогда в Украине насчитывалось до 50 тыс. членов РСДРП(м), в то время как во всей Российской республике таковых было 200 – 210 тыс. членов. Чекистские источники 1920 г. указывали, что меньшевиков в Одессе насчитывалось «свыше 2 000 чел». Меньшевистская организация в Одессе в период гражданской войны возглавлялась известным меньшевиком Грави – редактором «Социалистического вестника» [1. 239].

В Одесском Совете рабочих депутатов (сентябрь 1917) большевиков было всего 9, а меньшевиков – 193 [2. 3]. В 1917 – 1919 гг. меньшевики практически не имели конкурентов по влиянию на рабочий класс Одессы. Стремясь свести на нет влияние меньшевиков на рабочий класс, большевистская власть, с первых своих шагов, поставила своей целью уничтожение меньшевистских «независимых» профсоюзов. Но, не-

смотря на использование властнического аппарата насилия (весной — летом 1919 г.) меньшевики пытались остановить сползание советской власти к диктатуре, организовать рабочий класс Одессы в независимые от власти профсоюзы. В 1919 г. 79 меньшевиков было избрано в Одесский Совет (большевиков избрано 208).

К началу 1920 г. меньшевики, количество которых в Украине сократилось до 2,5 тыс. членов, продолжали оставаться заметной политической силой в городах, в рабочей среде, силой, что еще контролировала большинство профсоюзов. В Украине главными центрами РСДРП(м) выступали: Одесса, Екатеринослав, Харьков, Киев. Меншевицкая организация Одессы слыла «одной из самых сильных меншевицких организаций России», оставаясь, к тому же, одной из самых «правых» из всех организаций РСДРП [3. 370].

РСДРП(м) в Украине не представляла единого целого, а скорее существовала как автономное соединение трех фракционных течений. Немногочисленные «левые» меньшевики призывали к беззаговорочному сотрудничеству с властью. «Центр» РСДРП(м), представленный ЦК и Украинским комитетом РСДРП(м), признавал временный компромис с властью, и работу в Советах, но только для «исправления ошибок власти», для ее критики. «Правые» (большинство в одесском комитете РСДРП(м)) не признавали Советскую власть, считая необходимой борьбу против большевиков [4. 149].

Одесская организация РСДРП(м) в апреле 1920 г. «за поддержку деникенцев и антисоветскую направленность» «приговаривалась» к роспуску по решение ЦК РСДРП(м) и была поставлена ЦК РСДРП(м) практически «вне партии». Но этот роспуск так и не был произведен из-за слабого влияния ЦК РСДРП(м) в Одесском комитете. Член Всеукраинского комитета РСДРП М. Попов был направлен ЦК РСДРП(м) с чрезвычайными полномочиями в Одессу для роспуска местной организации, но не справившись с заданием, покинул меньшевиков и перешел в РКП(б) [5. 191].

Первой пробой партийных сил (после установления советской власти в Одессе в феврале 1920 г.) стали выборы в Одесский Совет (весна 1920). Выборы в Совет Одессы с 499 депутатов 63,1 % – большевики, 11,6 % – борьбисты, 1,2 % – боротьбисты, 6 – анархисты, 2 – «Поалей Цион». Несмотря на фальсификации и неравенство на выборах в Совет было избрано 16 меньшевиков – 9 %.

Однако, после того как лидер одесских меньшевиков И. Астров выступил в Совете с программной речью, большевики и борьбисты (тогда союзники последних) провели через Одесский Совет решение исключить из Совета депутатов меньшевиков и правых эсеров. Выборы проходили во время суда над киевскими меньшевиками, которые за мифическое «сотрудничество с деникинцами» получили сроки концлагерей (до окончания гражданской войны), лишение политических прав. Аресты членов РСДРП(м) на время парализовали одесский комитет меньшевиков и расчистили для коммунистов поле деятельности на заводах и фабриках [6. 320]. Весной 1920 г. был арестован И. Астров «за выступление на заседании Совета профсоюзов против насильственной мобилизации членов профсоюза в Красную Армию» [7. 22].

Среди одесских меньшевиков лидировал сорокалетний Петр Абрамович Гарви (Бронштейн) – юрист, участник революционного движения с 1899 г., прошел ссылки, эмиграцию в Париже и Женеве, участвовал в организации декабрьского (1905 г.) восстания в Москве. В 1907 г. избран от меньшевиков в состав общепартийного ЦК, а в 1917 г. вошел в состав ЦК РСДРП(м), в президиум Всероссийского Центрального Совета профсоюзов. Стал лидером «правого течения» в меньшевизме. В 1918 – 1920 гг. в Одессе был лидером социал-демократической организации, редактировал газету «Южный Рабочий», за что был предан большевиками суду, однако оправдан. В начале 1921 г. был арестован, сослан в Пермскую губернию.

Заметной фигурой был и Виктор Михайлович Коробков — член РСДРП(м) с 1903 г., член Одесской организации РСДРП

и Одесского Совета профессиональных союзов. Привлекался к суду Ревтрибунала как редактор «Южного Рабочего». Арестован Одесской ЧК в сентябре 1920 г. и постановлением ВУЧК отправлен в концлагерь на все время гражданской войны. В феврале 1921 г. получил разрешение вернуться в Одессу, где снова арестован в октябре 1921. В учетной карточке СО Одесского ГПУ о нем сообщалось: «Прекрасный оратор. Один из влиятельных лидеров Одесской организации, знаток профессионального движения. Теоретик. Журналист. В 1918 г. был председателем губпрофсовета в Одессе. С 6 июля 1921 Председатель Комитета Одесской организации РСДРП(м). Стоит на точке зрения контакта всех марксистски мыслящих социалистов, включая сюда и коммунистов. Среди рабочих и партийных кругов пользуется громадной популярностью» [7. 21].

Осенью 1920 г. большевистская власть сумела оттеснить меньшевиков и загнать рабочий класс в контролируемые коммунистами профсоюзы. После волны чекистских арестов в феврале-марте 1920 г, в августе 1920 г. аресты меньшевиков в Одессе возобновились в связи с арестами делегатов Всеукраинской конференции РСДРП(м). Меньшевиков направляли в концлагеря, высылали в тогда еще меньшевистскую Грузию. Так Политбюро ЦК КП(б)У одобрило решение о высылке членов РСДРП(м) в Грузию [11].

В октябре 1920 г. одесские чекисты преждевременно рапортовали о ликвидации местной организации РСДРП. 16 декабря 1920 г. произошли аресты в клубе РСДРП(м) всего актива одесской организации РСДРП(м) (83 человека), разгром местной организации РСДРП(м), арест меньшевистской фракции Совета и лидеров профсоюзного движения (П. Гарви, Б. Богданов, Р. Штульман, Лупинский и др.). Эти аресты вызвали на фабриках и заводах Одессы «сильное волнение» и власти были вынуждены освободить большинство арестованных, и только 19 членов РСДРП(м) было выслано из Одессы или помещено в политизоляторы. В январе 1921 г. Политбюро ЦК КП(б)У рассматривало вопрос о меньшевиках заклю-

ченных в тюрьмах Киева и Одессы, решив выслать большую часть заключенных в РСФСР [7].

Если в 1920 г. меньшевистская организация в Одессе и губернии превышала 1,5 тыс. членов (200 из которых были студенты), то в начале 1921 г. членов РСДРП (м) в Одессе осталось не более 600. 23 февраля 1921 г. последовал арест 20 меньшевиков в Одессе, а 12 марта, в связи с Кронштадским восстанием, аресту подверглись еще ок. 50 меньшевиков, их партийный клуб был опечатан. Весной 1921 г., в результате трех массовых акций ЧК арестовало 124 одесских меньшевика, из которых из Одессы было выслано 32 чел. Одесские меньшевики были необоснованно обвинены в организации восстаний против власти.

С марта 1921 г. начинается новый, последний, этап во взаимоотношении власти и оппозиции. Кронштадское движение, до основания потрясшее режим Ленина, подтолкнуло большевиков к мысли о полной и окончательной ликвидации всех политических партий (ведь все партии в той или иной мере были оппозиционны однопартийной тоталитарной системе). За несколько недель до Кронштадского восстания, в феврале 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) вынесло решение об «усилении арестов меньшевиков и эсеров», а уже 28 февраля 1921 г. появился приказ по ВЧК, где были такие строчки: «В самый кратчайший срок разбить аппарат эсеров и меньшевиков... Изъять в подведомственном Вам районе всех анархистов, эсеров и меньшевиков из интеллигенции, особенно служащих в земотделах, продорганх и распорядительных учреждениях. Изъять активных эсеров и меньшевиков, работающих на заводах и призывающих к забастовкам, выступлениям и демонстрациям...», далее в том же духе. Было принято решение о взятии на учет ЧК всех нынешних и бывших меньшевиков и эсеров. В начале марта 1921 г. в советских республиках были проведены аресты ЦК ПСР, ЦК РСДРП (меньшевиков) среди лидеров анархистских объединений [8. 61].

14 марта секретный циркуляр ЦК КП(б)У, направлен-

ный против эсеров и меньшевиков, требовал очистить от них все советские органы. Ленин тогда заявил: «Мы будем держать меньшевиков и эсеров, все равно, как открытых, так и перекрасившихся в «беспартийных», в тюрьме» [9. 90]. Циркулярное письмо секретариата ЦК КП(б)У всем губкомам партии (апрель 1921) так откликнулось на грозные события марта 1921 г.: «Кронштадские события открыли целый ряд грозных серьезных болячек нашей партии и всего Советского аппарата... партийный и советский аппарат обнаружил все большую и большую оторванность от рабочих и красноармейских масс, не говоря уже о крестьянстве», армия «...может оказаться вооруженной силой не в наших рядах, а в рядах наших врагов». Как рецепт исправления ситуации предлагалась «беспощадная война», в которой коммунистам необходимо было: «...разрушить до основания все политические организации, ликвидировать их клубы, помещения», «подвергать беспощадному изъятию всех выступивших против Советской власти на фабриках, заводах, в союзах, кооперативах». К главным врагам тогда причислялись: меньшевики, эсеры, украинские эсеры и украинские сдеки [3. 1 – 2]. Вскоре появилось циркулярное письмо о «дополнительных» врагах — анархистах — и «мероприятиях», направленных против них. Появление приказов «сажать» еще до начала Кронштадского восстания связано с рядом выступлений и забастовок рабочих в городах, восстаний в селах и частях РККА. Тогда появилась возможность объединения политического оппозиционного движения с мощным рабочим стихийным движением.

Чекистские сводки за февраль 1921 г. по Одессе констатируют: «Резкое ухудшение с продовольствием и топливом», «серьезное недовольство и волнение среди рабочих... меньшевики и эсеры стремятся предать им организованный характер». «Самочинные» собрания рабочих выплескивались в забастовки, где наряду с экономическими требованиями звучали политические: «Свободы профсоюзам и свободы Советам!» [4. 25 – 31].

31 мая 1921 г. Политбюро ЦК КП(б)У обговорило вопрос о одесских меньшевиках, решив полностью вытеснить их с Советов и профсоюзов. В сентябре Секретариат ЦК КП(б)У требовал от местных организаций: «Меньшевиков изгонять из профсоюзов с возможными радикальными мерами: запрет членства, занятия руководящих постов» [12. 37]. В конце октября 1921 г. последовали новые предупредительные аресты (на 10 дней) и закрытие клуба РСДРП(м). В ноябре 1921 г. новые аресты меньшевиков привели к разгрому их подпольной типографии, обнаружению источников поступления типографской бумаги. На 16 номере закончился выпуск нелегального «Бюллетеня» одесских меншовиков. И все же в декабре 1921 г. меньшевикам удалось подпольно выпустить свой сборник в Одессе под названием «Под «бережной» охраной», рассказывающий о несправедливых репрессиях против РСДРП. В декабре 1921 г. одесские меньшевики, по решению своего ЦК, ушли в глубокое подполье [13. 5].

После мартовских арестов 1921 г. одесские меньшевики четко структурировались, разделившись на группы: «левых» меньшевиков (лидеры: экономист А. Суховой-Сухов, Штульман), которые не стремились к перевороту, но считали необходимым критиковать власть; меньшевиков «центра» (лидеры: Богданов, Ходоров), которые думали демократизировать Советы и профсоюзы, и наиболее многочисленную фракцию «правых» меньшевиков (лидеры: Трахтенберг, Серпер, Штучабский, Рис), которые были ориентированы на безкомпромиссную борьбу за установление власти Учредительного собрания. «Правая» часть Одесского комитета РСДРП (м), которая поддерживала зарубежную редакцию «Социалистического вестника», допускала поддержку антибольшевистского переворота, народного восстания. В то же время меньшевики негативно относились к идеи государственной независимости Украины, к украинизации. Эта фракция конфликтовала с ЦК меньшевиков, ЦК грозила распустить одесскую организацию за независимость и «правый» радикализм [14. 74 – 76].

Среди одесских меньшевиков было много активистов, интеллигентов, членов РСДРП (м) с дореволюционным (10 – 20-летним стажем, вступивших в 1917 г. – 85% одесских меньшевиков, работавших в РСДРП(м) в 1922 г.) стажем, до 30% членов одесской организации составляли рабочие. Пользуясь влиянием в профсоюзах, меньшевики имели влияние на профессиональных «дореволюционных» рабочих. Организация РСДРП(м) в Одессе сохранила свой «костяк» – до 200 человек, 60% из которых были рабочими. Члены РСДРП в 1922 г. стали организовывать кружки среди безработных. Нелегальный «Бюллетень» Одесского комитета меньшевиков вновь появился в октябре 1922 г., что само по себе говорит об активизации меньшевиков Одессы [14. 25].

В мае 1921 г. силами 20 студентов-меньшевиков в Одессе была создана молодежная организация РСДРП(м) – Соцмол (Социал-демократический союз рабочей молодежи). За первые полгода существования Соцмол Одессы вырос до 150 чел. Одесская организация Соцмола стала наиболее значительной в УССР (имела группы в институтах, на заводах, на электростанции, 4 кружка), курировала более слабые организации Соцмола в Николаеве и Херсоне. В 1921 – 1922 гг. одесский Соцмол, вместе с местным комитетом РСДРП(м), напечатал 10 номере литографического журналу социал-демократической молодежи «Пролетарская молодежь», печатал прокламации, листовки, занимался транспортировкой из-за границы журнала РСДРП(м) «Социалистический вестник». Нелегальную литературу Соцмол и РСДРП(м) печатали в Одессе для всей Украины. В 1921 г. в Одессе был создан отдел ЧК по борьбе с организациями молодежи социалистических партий [15].

До октября 1921 г. меньшевики Одессы пользовались некоторой легальностью в городе (РСДРП (м) формально не была запрещена, в 1921 г. РСДРП (м) собрала 28 мандатов Советов 2-го созыва), организация имела свой клуб им. Карла Маркса, партийную библиотеку, проводили легальные партийные собрания, выступали на рабочих собраниях, безпартийных кон-

ференциях. Одесская организация меньшевиков была союзной с «правым» Бундом, совместно с ним печатаются листовки. В январе 1922 г. последовало новое решение Политбюро ЦК РКП(б)У о запрете меньшевикам работать в профсоюзах. В марте 1922 г. меньшевицкие центры в УССР были снова разгромлены и 48 меньшевиков высланы в Туркестан [7. 45].

В 1921 г. изменяется тактика меньшевиков относительно режима. Меньшевики надеялись, что переход к НЭПу и экономическая либерализация неминуемо приведет к политической демократизации. В то же время переход к НЭПу рассматривался меньшевиками как банкротство власти. В отношении экономической и социальной политики властей меньшевики заняли непримиримую позицию, требуя демократизации, политических свобод, независимости Советов, кооперации и профсоюзов. С февраля 1922 г. одесские меньшевики «ожили», начали издавать листовки по поводу страховой компании, беспартийной конференции в Одессе, пролетарских праздников. Эта партия казалась одесским чекистам партией «с широко разветвленной организацией и опытными работниками». Усилилось влияние РСДРП(м) в связи с голодом и экономическими провалами власти. Особенностью Одесской организации РСДРП(м) была налаженная связь с зарубежными центрами РСДРП(м), откуда приходила контрабандная литература и распоряжения. В начале 1922 г. ЦК РСДРП(м) издал спец. циркуляр местным партийным организациям, предлагая активизировать прием молодежи в РСДРП(м). Следуя этому циркуляру, Одесская организация Соцмола усилила пропагандистскую работу в вузах и училищах Одессы [16. 12].

По данным ЧК весной 1922 г. меньшевиков в Одессе осталось примерно 250 человек. Чекистские сводки за декабрь 1922 г. указывают уже цифру в 306 человек. Хотя во время перерегистрации меньшевиков и своей партийной конференции в 1922 г. меньшевики сами указали явно заниженную цифру в 181 член партии (очевидно не включив Соцмол — более 100 членов). Несмотря на аресты, высылки и другие

репрессии численность РСДРП(м) в Одессе в 1922 г. выросла. Одесские меньшевики формировали вокруг своих центров массу сочувствующих партии рабочих, студентов, интеллигентов, в пять — шесть раз превышающую количество членов РСДРП(м). В этих «сочувствующих» (несколько тысяч человек) была сила партии. Влиянием одесские меньшевики пользовались в швейном объединении «Игла», в профсоюзе печатников (свой бюллетень меньшевики распространяли в 7-й советской типографии), в союзе кожевников (4-й кожзавод), в среде рабочих табачной 1-й фабрики и пищевиков, среди грузчиков порта, в железнодорожных мастерских, на заводе медхирургических инструментов, у служащих одесского Внешторга. Хотя меньшевики, на всей территории УССР (к 1922), были вытеснены из Советов, профсоюзов, коопераций, перешли на нелегальное положение, они искали возможности направлять оппозиционную стихию рабочих [17].

Как сообщали сводки чекистов, в 1922 г., меньшевики решили проводить тактику «мирного завоевания масс», «приспособления», «врастания во власть». На выборах 1922 г. в Советы в УССР меньшевики «в списки» не были допущены как «нелегальная партия». Отказавшись от прямого участия в выборах, меньшевики использовали сам факт выборов для широкой агитации. Под лозунгом «Довольно коммунистам властвовать!» тайные меньшевики выступали на рабочих собраниях, предлагая вместо большевистских «заготовленных» списков выдвиженцев — беспартийных. Новая тактика РСДРП(м) касалась работы в профсоюзах. Было решено «не выпячивать себя» на собраниях, снимать свои кандидатуры на выборах, но предлагать в депутаты «критически настроенных» беспартийных или «наиболее слабых коммунистов». Агитация меньшевиков в рабочих массах имела отклик. Так на Губсъезде металлистов, что выдвигал своих делегатов в Одесский Совет, были выбраны — 1 меньшевик и 43 беспартийных [18. 190].

В 1922 г. одесскую организацию РСДРП (м) возглавля-

ли: М. Патлажан, А. Дудель, А. Сухов, Б. Барденштейн. Марк Патлажан (партстаж с 1898) в 1917 г. был секретарем Союза печатников, членом Всеукраинского Бюро РСДРП(м), далее работал мединспектор на заводах Одессы. Абрам Дудель (партстаж с 1917) работал бухгалтером. Чекистские досье сохранили имена активистов: Борис Барденштейн (партстаж с 1903) — печатник, секретарь Одесской организации, инструктор Губсовпрофа; Арон Зальманов (партстаж с 1904); Матвей Левонтин (партстаж с 1901) — инженер; Михаил Захаров (партстаж с 1904) — в 1917 г. был избран председателем Союза пишевиков Одессы; Александр Рубенштейн (партстаж с 1904) — педагог ОСХИ; Гирш Васерфирер (партстаж с 1905); Иван Михайлов (партстаж с 1908) — рабочий судоремонтного завода; Александр Пономарев — рабочий — металлист, бывший эсер, руководитель ряда забастовок; Наум Темкин — бухгалтер профсоюза пишевиков; Аарон Мордкович — счетовод с Табачной фабрики; Осип Губерман — печатник; Яков Примикижко — токарь. Из 30 активных «старых» руководителей одесской РСДРП: 4 русских, 1 украинец, 27 евреев [19].

Более 130 членов (в 1922) насчитывал «Союз Социалистической молодежи» — меньшевистский «комсомол» в Одессе. В 1922 г. в Одесском Соцмоле «выдвинулись» активные лидеры: Вайсбург — «Барский», Кин, Шапиро, Сержеровский, Малониченко, Флейшмахер. В 1922 г. ЧК — ГПУ арестовало ок. 50 соцмоловцев, но эти репрессии не сломили организацию. Более серьезный удар был нанесен по Соцмолу Одессы в апреле — августе 1923 г., когда аресты «выбили» ок. 60 соцмоловцев, из которых 40 человек оказались в концлагерях, а 11 — были высланы из Одессы. В Одессе 1922 — 1923 гг. действовало 4 подпольных кружка Соцмола (2 кружка рабочих, 1 — студенческий, 1 — союзный), группы Соцмола были среди рабочих железнодорожных мастерских, студентов медицинского института, института народного образования. Летом 1922 г. меньшевики и соцмоловцы провели ряд выступлений на 1-й государственной табачной фабрике, на молодеж-

ных беспартийных конференциях [20].

В Одессе, на Внепартийной конференция рабочей молодежи выступил делегат от железнодорожников — соцмоловец Барский. Но шум, хаос, брань, которые подняли коммунисты, сорвала его выступление. В зале, где проходила конференция, произошло избиение делегатов-соцмоловцев (в том числе и женщин). Коммунисты, большинством голосов, провели свое предложение — исключить делегатов-меньшевиков из списка делегатов конференции [20. 7].

Информбюллетень ГПУ за апрель 1922 г. указывал, что меньшевиками и Соцмоллом выпущены: I№ подпольного журнала «Пролетарская молодежь», литографическая листовка к 1-му мая, обличающие политику большевиков В мае 1923 г. ГПУ сообщит, что в Одессе еще издаются газеты «на средства заграничных меньшевиков, с которыми поддерживается из России тесная связь». [21. 359].

В 1922 г. в стране ужесточилась цензура, чекисты вели регистрацию писем, цензурировали почтовую, телеграфную корреспонденцию, все произведения печати. Все население оказалось поднадзорным. Для полного контроля была задействована огромная армия сексотов (секретных сотрудников) ЧК-ГПУ. «На карандаш» берется все, что сказали, написали в записках на собраниях и в частных беседах. В донесениях присутствуют все слои населения: партийные и беспартийные, рабочие и крестьяне, учителя и врачи, профессура и студенты, служащие и безработные.

В марте 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) принял постановление о «чистке» органов Наркомата труда, хозяйственных, профсоюзных и кооперативных органов от меньшевиков и эсеров. Эта задача была возложена на специальные органы — Бюро содействия ГПУ, создаваемые в центре и на местах при всех названных учреждениях. В июне 1922 г. чекистские сводки фиксировали новое «оживление» меньшевиков среди рабочих в Харькове, Екатеринославе, Одессе. Новой пробой сил стали выборы в Одесский Совет в августе 1922 г. Из-за

действий «антисоветских» партий проведение выборов было задержано. Выборы прошли только в начале 1923 г.

По решению ЦК РСДРП(м) (сентябрь 1922) организации юга УССР полностью перешли на нелегальное положение, ушли в подполье. Пытаясь избежать репрессий, меньшевики были вынуждены перейти к новой тактике действий — сочетание глубокой подпольной деятельности, с активной работой в завкоме, в рабочих коллективах через подготовленных рабочих, не открывая членов партии и партийных организаций.

Пленум Одесского губкома КП(б)У рапортовал о том, что организации меньшевиков в Одессе окончательно разгромлены летом 1922 г. Но это было далеко не так. Следуя советским «рапортам», украинский историк А. Кокин ошибочно утверждает, что к середине 1922 г. от ЦК РСДРП и ее местных комитетов остались только считанные единицы членов РСДРП [22]. В августе 1922 г. XII-я конференция РКП (б) утвердила курс на усиление репрессий против меньшевиков и эсеров. В ответ на подпольное совещание украинских комитетов РСДРП 35 активистов РСДРП выселяются из УССР. В конце 1922 г., в связи с выездом за границу 7 активных работников и массовыми арестами, организация РСДРП в Одессе ослабла [23. 86].

Однако, еще в феврале — апреле 1923 г. по Одессе и Одесской губернии чекистами фиксируется 270 меньшевиков. В январе 1923 г. было создано Центральное организационное бюро РСДРП (м) (А. Кранихфельд, И. Рапопорт, Л. Гуревич), которое стремилось координировать деятельность меньшевиков в СССР. Меньшевики Одессы выпустили 9 и 10 №№ своего «Бюллетня», к первому мая 1923 г. выпустили листовки с критикой режима. В мае 1923 г. конференция профсоюзов Джутовой фабрики Одессы поддержала меньшевистские резолюции. Летом 1923 г. меньшевики решают организовать массовые экономические выступления в Одессе. В июне 1923 г. меньшевистские и левоэсеровские агитаторы оказались орга-

низаторами забастовки грузчиков в одесском порту. Во время забастовки эсеры и меньшевики распространяли среди рабочих 2 листовки, напечатанные на гектографе, и меньшевистский бюллетень №10. Эти события напугали власти не только в Одессе [24. 86].

В апреле 1923 г. местные структуры власти получили письмо ЦК РКП(б) «О мерах борьбы с меньшевиками», в котором от них требовалось немедленно окончательно провести «ликвидацию» всех организаций РСДРП. В июне 1923 г. появилось новое письмо ЦК РКП(б) «О борьбе с меньшевиками», а в июле — инструктивное письмо ЦК КП(б)У «О методах борьбы против меньшевиков» (на ту же тему было выпущено Инструктивное письмо Одесского губкома КП(б)У. В Постановление Политбюро ЦК КП(б)У (ноябрь 1923) рекомендовалось «обратить особое внимание» на одесских меньшевиков [25].

С февраля 1923 г. в руководстве меньшевиков Одессы, в составе законспирированного руководящего комитета (он был настолько законспирирован, что большинство членов РСДРП(м) даже не знало о его личном составе) оказался секретный агент ГПУ. Аресты членов РСДРП(м) использовались для вербовки осведомителей, четыре арестованных меньшевика стали информаторами ГПУ. С этого времени ГПУ уже знало о «тайных» планах одесских меньшевиков. В апреле 1923 г. еще существовал подпольный Главный всеукраинский комитет РСДРП(м), который выпускал от своего имени листовки (апрель — май 1923). Но в июне 1923 г. по РСДРП(м) был нанесен сильный удар — обнаружены две подпольные типографии, которые «обслуживали» меньшевиков и эсеров Одессы.

Все участники Всероссийской конференции — съезда Социал-демократического союза молодежи, который тайно собрался под Киевом, в Ирпене, были арестованы и «получили» по 3 года лагерей на Соловках. В апреле 1923 г. в Одессе было арестовано 40 меньшевиков и соцмоловцев из 100 зап-

ланированных (еще 10 членов РСДРП арестовано в Одессе в мае 1923). Среди арестованных были лидеры меньшевиков: Г. Кон (секретарь), А. Ашпиз, М. Гальперин, М. Зелингер, Д. Трахтенберг, Н. Брейтман, М. Зелигер, С. Кржижановский, Я. Ромов, С. Шапиро, Б. Гимельфарб [24. 90].

Весной 1923 г. председатель Соцмола Одессы В. Вайсбург — «Барский» был вынужден перейти на нелегальное положение. Только в середине июня 1923 г. его арестовали, в момент распространения листовок среди рабочих. Лидерство над остатками одесского Соцмола переходит к Флейшмахеру и Маловичко, за которыми чекистами ведется настоящая охота. В сентябре 1923 г. одесский Соцмол еще создавал кружок приверженцев и выпускал свои листовки на пишущей машинке, а значит — продолжал борьбу. Очередные аресты соцмоловцев прошли в сентябре 1923 г.

Новое постановление Политбюро ЦК КП(б)У «О бывших меньшевиках» рекомендовало «развить дальнейшую работу среди бывших меньшевиков, стремясь всячески вытаскивать их на активные публичные выступления (на митингах, собраниях), которые были направлены против партии меньшевиков и ее ЦК», «особое внимание нужно было обратить на Киевских и Одесских меньшевиков». Предлагалось к декабрю 1923 г. подготовить съезд бывших меньшевиков «под лозунгом официальной ликвидации меньшевистских организаций». Этим процессом руководил член ЦК КП (б) У Д. Лебедь [26].

Секретным циркуляром ЦК «о мерах борьбы с меньшевиками» (4 июня 1923) указывалось на необходимость срочного удаления меньшевиков не только из всех органов управления, но, в первую очередь, из трестов, профсоюзов, страховых органов и потребительской кооперации за их стремление превратить профсоюзы в организацию борьбы рабочих с советской властью и натравливание рабочих на администрацию и комбьячейки [27. 226].

В апреле — мае 1923 г. лидеры одесской организации

РСДРП(м) М. Патложан, А. Сухов, Сепер, Дудель вышли из партии. Выход таких авторитетных деятелей привел к разложению Одесского губернского комитета РСДРП(м). Летом 1923 г. было арестовано еще 30 меньшевиков, а в октябре был готов новый список для высылки из Одессы, в который были включены: 11 членов РСДРП(м), 26 – ПСР, 7 – сионистов, 19 – профсоюзных – рабочих активиста, организатора забастовок. ОГПУ посчитало «деятельность меньшевистских организаций, вследствие арестов, совершенно парализована. В Киеве ликвидирована I Всероссийская конференция социал-демократического союза молодежи и его городская организация» [28. 332].

В октябре 1923 г. ГПУ фиксировало только 13 меньшевиков в Одессе. А. Кокин, идя за документом, указывал, что организация РСДРП(м) в Одессе составляет 13 человек [12. 50]. Однако, по той же информации ГПУ, в ноябре 1923 г. в Одесской губернии еще действовало 80 «конспирированных» меньшевиков. Усиление Соцмола в Одессе констатировал Информационный отчет губкома [29. 158]. В октябре 1923 г. появились листовки одесских меньшевиков по поводу выборов в Советы под названием «Рабочим, против РКП», что призывали рабочих бойкотировать выборы. В ноябре фиксировалась агитация меньшевиков среди водников и табачников Одессы. В начале 1924 г. еще 30 членов вышли из РСДРП(м), 12 меньшевиков выехало из Одессы, опасаясь новых репрессий.

Выполняя решения ЦК РКП(б) и ЦК КП(б)У Одесский губотдел ГПУ и лично его руководитель Заковский решают ускорить «разложение» меньшевиков, созвав съезд бывших меньшевиков, для официального самороспуска РСДРП как партии. К этой подрывной работе против партии меньшевиков были привлечены бывшие члены РСДРП(м) со стажем, которые вынуждены были отречься от своих идеалов: М. Потажан, Васерфирер, Дудель. 25 членов РСДРП(м) согласились опубликовать заявление об их добровольном выходе из

РСДРП(м) взамен на свободу и отказ от увольнений со службы. «Чистка» и увольнения со службы, в пик безработицы в Одессе, приводили к оттоку части партийцев РСДРП(м). В одесской газете «Известия» было опубликовано еще одно заявление 25 «покаявшихся» меньшевиков о выходе из партии. Для ликвидации партии меньшевиков чекисты использовали «покаявшихся» оппозиционеров, их открытые письма в местные газеты, в которых они заявляли о своем выходе из партии, и призывали бывших единомышленников пойти по их примеру. Из таких «отщепенцев» чекисты планировали созвать съезд — губернскую конференцию, на которой будет заявлено о роспуске местной одесской меньшевистской организации. Бывшие меньшевики, А. Сухов, М. Патлажан, Верфесерер, Дудел, согласились возглавить оргкомитет по созыву конференции [28. 2 — 8].

В июле 1923 г., в докладной записке Одесского ГПУ губкома КП(б)У указывалось начать «подготовку полного разложения организации через будущий съезд бывших меньшевиков. Для достижения последней цели нами приняты меры к выявлению агентурно-информационным путем всех тех одиночек, кто одновременно вышли из РСДРП(м), возможно, полного использования таковых» [28. 10].

Чекистами было создано «Бюро по роспуску РСДРП», в которое входило в Одессе — 25 бывших меньшевиков. Предполагалось провести подобные конференции по всем губерниям УССР, а потом съезд на всеукраинском уровне. 31 декабря 1923 г. ЦК КП(б)У огласил план немедленного провидения ликвидаторского съезда РСДРП(м), указывая, что группового приема бывших меньшевиков в РКП(б) нельзя допускать. Чекисты провели решение ликвидировать одесскую организацию «в честь годовщины I-го съезда РСДРП» [31].

В начале 1924 г. ОГПУ утверждало, что «упавшая было после летних и осенних провалов организационная и издательско-пропагандистская работа меньшевиков, как в центре, так и на местах, заметно оживилась, несмотря на серьезные

удары, полученные в отдельных крупных центрах (Ростов, Ленинград, Одесса)» [28. 452]. 19 января 1924 г. была собрана Губернская конференция одесской организации бывших меньшевиков, на которой от имени 101 бывшего меньшевика (27 из которых вскоре подали заявление на прием в КП(б)У было предложено ликвидировать организацию РСДРП(м) в Одессе и выбрать делегатов от Одессы на ликвидационный Всеукраинский съезд. Крепкое ядро членов РСДРП(м) пыталось сорвать конференцию «самороспуска». Одесская организация «действительных» меньшевиков провозгласила протест по поводу этого решения и издала в феврале 1924 г. листовку с этим протестом. В феврале 1924 г. состоялся Всеукраинский съезд бывших меньшевиков, решения которого, в лице 700 делегатов, привели к роспуску губернских и уездных бюро меньшевиков. Самоликвидованы организациям РСДРП(м) было предложено все свои дела передать в Истпарт при ЦК КП(б)У. В феврале 1924 г. Одесский комитет РСДРП(м) во главе с М. Патложаном прекратил свою работу. Тогда же распустилось и губернское Бюро бывших меньшевиков, и ГПУ стало наблюдать, чтобы бывшие меньшевики «организационно не оформились». Постановлением Политбюро ЦК КП(б)У ГПУ поручалось усилить «работу по борьбе с деятельностью оставшихся меньшевиков» [21. 28].

В феврале 1924 г. меньшевистские прокламации под заглавием «Долой компартию!» появились на заводах Одессы и в порту, тогда же среди рабочих стали распространяться анонимные письма грузчиков, направленные против диктатуры большевиков [32. 3]. В марте 1924 г. появились новые меньшевистские прокламации. Тогда же ГПУ нанесла удар по одесскому Соцмолу, арестовав 24 его члена, изъяв пишущую машинку, типографские шрифты, архив. В апреле 1924 г. произошел арест рабочего-соцмоловца Шпицера, но, отдельные соцмоловцы продолжали подпольную работу до середины 1925 г. [33. 101 – 121].

Выступление безработных в мае 1924 г. в Одессе прошло

не без участия оставшихся на воле меньшевиков. Это выступление подтолкнуло новые аресты. В июле 1924 г. Политбюро ЦК КП(б)У одобрило аресты оставшихся на свободе меньшевиков, в частности руководящей верхушки, и поручило «выкидывать меньшевиков из учреждений и общественных организаций, близко соприкасающихся с рабочей массой или облегчающих им возможность связи и информации, в первую очередь, по кооперации... из страховых касс, ЦСУ и Внешторга» [34. 9 – 15].

В августе 1924 г. подпольный Одесский комитет РСДРП(м), который значился в сводках как несуществующий, вновь заявил о себе, выпустив листовки с новой платформой РСДРП(м), что была разработана с участием эмигрантов из Бюро ЦК РСДРП(м). Меньшевики Одесщины в своих листовках призвали рабочих бойкотировать выборы (1924) в Советы. Подобная активность меньшевиков привела к новым арестам в Одессе, в то же время за границу самостоятельно выехало 7 меньшевиков, которым власти разрешили получить «еврейскую визу». В сентябре 1924 г. ОГПУ сообщало: «В Москве и по Ленинграду проведены три массовые операции по изъятию активных меньшевиков. Аналогичные операции проведены и по Украине» [34. 9 – 15].

В 1922 – 1924 гг. власти даже поощряли выезд за границу, а иногда сами выслали за границу влиятельных оппозиционеров, хотя выезд из СССР запрещался практически всем гражданам страны. К концу 1924 г. ГПУ были «выловлены» еще 12 одесских меньшевиков. Политико-экономический обзор за 1924 г., созданный одесским ГПУ для губернского комитета КП(б)У, не фиксировал деятельность РСДРП(м) в Одесской губернии. В ноябре 1924 г. из 12 оставшихся на свободе активных подпольщиков-меньшевиков в Одессе трое были агентами ГПУ. Несмотря на то, что одесские меньшевики сохранили связь с подпольем РСДРП(м) Киева, Житомира и Киева и получали из «закордонных центров» контрабандные посылки с литературой (запрещенный в СССР «Социали-

стический вестник») и листовками, руководство движения – Главный комитет РСДРП(м) – полностью прекратило свою работу еще в конце 1924 г. в результате арестов и провала подпольных типографий.

К началу 1925 г. ГПУ выдает новые цифры о подполье РСДРП(м). По Одесской губернии числится уже 116 активных меньшевиков и 10 активных членов организации Соцмола [35. 90]. Но восстановление организации РСДРП(м) не входило в планы ГПУ. Окончательный распад одесской меньшевистской организации фиксируется весной 1925 г. Последней группой одесских меньшевиков были «остатки подполья», арестованные ГПУ в ходе «всесоюзной акции изъятия» 11 марта 1925 г. В мае 1925 г. ОГПУ сообщала: «В Одессе произведена ликвидация группы меньшевистской молодежи, арестовано 18 человек, изъята литература и часть техники по печатанию литературы». На начало 1927 г. чекисты указывают на меньшевистскую группу в Одессе в количестве 8 чел. – «интеллигентов, тесно связанных между собой» и зарегистрированных бывших «раскаившихся» меньшевиков в количестве 130 чел. Меньшевики «будировали» трамвайщиков во время «волянки». В октябре 1927 г., по мнению чекистов, в Одессе еще существовала «неактивная» группа меньшевиков [28].

Одесская губернская организация РСДРП(м) имела возможность возглавить рабочее оппозиционное движение на юге Украины, но она не вполне воспользовалась своим положением в силу непоследовательности, внутренней фракционности, неизжитых надежд на легализацию оппозиции.

Литература:

1. Бажан О. Одеська область у дзеркалі радянських спецслужб // Лукомор'я. – Одеса, 2009. – №3.
2. Государственный архив Одесской области (далее ГАОО). – ФР. – 3829. – Оп.1 . – Д.11.
3. Мовчан О. М. Українські профспілки в компартійно-радянській системі влади (20-ті рр.). – К., 2004.

4. ГАОО. – ФП.– 3. – Оп.1. – Д. 893.
5. Ветров Р. І., Донченко С. П. Політичні партії України в першій чверті ХХ ст.. (1900-1925 рр.). – Дніпропетровськ – Дніпродзержинськ, 2001.
6. Істрія Одеси. – Одеса, 2002.
7. Гарви П. А. Дни красного террора в Одессе // Социалистический вестник. 1960. № 1.
8. Кокін С. А. Політичні репресії проти есерів і меншовиків в Україні 1920 р. // Політична історія України. – 1994. – Вип. 3. – С. 10-19. – 56: ГАОО.– ФП.–39. –Оп.1. –Д. 3.
9. Ленин В. И. ППС. – Т. 45.
10. Павлов Д. Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов 1917 – середина 1950-х годов. – М., 1999.
11. Кокін С. А., Мовчан О. М. Ліквідація більшовиками права есерівської і меншовицької опозиції в Україні в 1920 – 1924 рр. – К., 1993.
13. ГАОО. – ФП. – 39. – Оп. 1. – Д. 3. – л.5.
14. Там же. – ФП. – 3. – Оп.1. – Д. 584.
15. Центральный Государственный архив общественных организаций Украины. – Ф.-1. – Оп. 20. -Д. 608. – л. 127; ГАОО. – ФП. 3. – Оп.1. – Д. 390. – л. 91 -101.
16. Социалистический вестник. – 1922. -21 сентября.
17. ГАОО. – ФП.– 3. – Оп.1. – Д. 605. – л.л.20 – 32; Звіт про піврічну діяльність за січень-липень 1922 року ГПУ УРСР // 3 архівів ВУЧК – ГПУ – НКВД – КГБ. – 1998. – №1-2, -С. 115.
18. ГАОО. – ФП.-3. – Оп.1. – Д. 393.
19. Там же. – Ф.П – 39. – Оп.1. – Д. 4. –л.л. 10-20;. – ФП. – 3. – Оп.1. – Д. 389. – л. 108.
20. Там же. – Ф. – 3. – Оп.1. –Д. 839. – л. 150.
21. Реабілітовані історією. Одеська область. – Кн. 1. – Одеса, 2010.
22. Гонтар А. В. Городские Советы Украины: история становления и развития (20-е – 30-е гг.). – Одесса, 1990. – С.89; Кокін С. Указ соч. – С.39
23. Центральный государственный архив общественных организаций Украины (далее ЦГАООУ). – Ф.-1. – Оп. 16. -Д. 7.
24. ГООА.– ФП. – 3.– Оп.1. – Д. 584. – л 12.
25. Там же. – ФП. – 3. – Оп.1. – Д. 605; – Д. 839. – л. 150.

26. ЦГАООУ. – Ф.-1, – Оп.16. – Д.1. лл. 7 – 15; ГАОО. –ФП. – 3. – Оп.1. – Д. 839. – л.149.
27. Борисова Л. В. Трудовые отношения в советской России (1918 – 1924). – М., 2006. – с. 534; ГАОО. –ФП. – 7. – Д. 1037. – л. 25 – 36.
28. ГАОО. – ФП. – 3. – Оп.1. – Д. 583. – лл. 49 – 55; – Д. 605. – лл. 15 – 19; ФП. – 7. – Оп. 1. – Д. 1034. – л. 153; – Д. 1037. – л. 26; «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922-1934). – М., 2001 // lost-empire.ru/index.php.
29. ГАОО. ФП. – 3. – Оп.1. – Д. 584.
30. Там же. – ФП. – 38. – Оп.1. – Д. 5.
31. Там же. – ФП. – 3. – Оп.1. – Д. 588. – л. 20; – Ф. – 39. – Оп.1. – Д. 5 – лл. 43 –46.
32. Там же. – ФП. – 99. – Оп. 1. – Д. 284.
33. Там же. – ФП.-3. – Оп. 1. – Д. 198; – Д. 203. – л. 100.
34. Там же. – ФП. – 3. – Оп. 1. – Д. 104. – л. 101; – Д. 884. – л. 15; – ФП. – 39. – Оп.1. – Д. 2, – лл. 4, 41.
35. Там же. – ФП. – 3. – Оп.1. – Д. 589. – л. 36; . – Д. 1299. – л. 12.

Олег Бажан (Київ)

*кандидат історичних наук,
старший науковий співробітник
Інституту історії НАН України*

**«ВЕЛИКИЙ ТЕРОР» НА ОДЕЩИНІ: СОЦІАЛЬНІ,
ЕТНІЧНІ ТА РЕГІОНАЛЬНІ АСПЕКТИ**

В 2012 р. виповнюється 75 років з початку «Великого терору» в СРСР, відправною точкою якого став лютнево-березневий пленум ЦК ВКП(б) 1937 р. Сталінські репресії 1937-1938 рр. на підставі «спущених з гори» цифр планових завдань на виявлення та знищення «ворогів народу» з неймовірною інтенсивністю здійснювалися на території Одеської області. Аналіз документального масиву з Галузевого державного архіву Служби безпеки України дозволяє нам зробити висновки про те, що показники політичних репресій 1937-1938 рр. в Одеській області були одними з найбільш високих в Українській РСР. Каральна діяльність органів НКВС багато в чому визначалась діяльністю потужного морського порту на Чорному морі, прикордонним статусом Одеської області (наявність іноземних представництв, фірм). Окрім «концентрації» на Одещині значного числа представників старої генерації, політичної еліти та діячів культури дорадянського часу, на кількісні та відсоткові показники репресій періоду «великої чистки» в регіоні впливала прискіплива увага органів держбезпеки напередодні Другої світової війни до фабрично-заводського потенціалу Одещини (особи, які працювали на підприємствах оборонної промисловості, складали вагомий відсоток від загалу репресованих).

На масштаби політичних репресій в добу «Великого терору» впливала поліетнічність Одеської області. Згідно звітності органів держбезпеки на січень 1938 р. показник арештів в ході так званої «німецької операції» (15.0236 осіб) був другим по УРСР (2320 осіб). Переважаюча більшість заарештованих (всього 3.929) у період реалізації «грецької операції» (грудень 1937 р.) теж при-

пала на Одещину. Основний удар по «осередкам румунської розвідки» в 1937 р., на думку співробітників статистичного відділу УДБ НКВС УРСР, теж припав на Одеську область.

Увазі читачів пропонується інформаційно-звітні та статистичні матеріали та інші документи радянських органів державної безпеки періоду 1937-1938 р., коли репресії в УРСР набули масового характеру. Більшість документів оприлюднюються вперше з метою введення в науковий обіг нових документальних масивів для формування цілісного уявлення про масові репресивні операції, здійснені органами НКВС у часи «Великого терору» на Одещині.

№ 1

**Доповідна записка начальника УНКВС Одеської області
М. Федорова наркомун внутрішніх справ УРСР І. Леп-
левському про виявлення контрреволюційних
організацій на території Одеської області**

27 серпня 1937 р.

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УССР
КОМИССАРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 2-го РАНГА
тов. ЛЕПЛЕВСКОМУ

О вскрытых контрреволюционных формированиях в результате операции по кулачеству и прочему к-р элементу

Следствием по делам арестованных, в соответствии с приказом Наркома Внутренних Дел СССР Генерального Комиссара Государственной Безопасности товарища ЕЖОВА № 00447, кулаков и активно действующего контрреволюционного элемента вскрыты следующие контрреволюционные формирования:

1) Повст[анческая] организация¹

В Зельцком районе вскрыта контрреволюционная фашистская повстанческая организация², ставившая своей зада-

---

¹ Виділене курсивом вписано червоним олівцем від руки.

² Підкреслено червоним олівцем.

чей — подготовку контрреволюционных кадров для вооруженного восстания в тылу Красной Армии в случае войны Германии против СССР, а конечная цель организации — установление фашистского строя на Украине по типу гитлеровского, с присоединением Украины к Германии.

Организация была заложена в 1933 году германским разведчиком ПОПЕРОМ,³ приехавшим в Советский Союз из Германии с целью насаждения контрреволюционных повстанческих организаций на Одещине⁴, который в 1934 году, как подозрительный по шпионажу, водворен в Германию.

По этому вопросу сознавшийся участник организации ШТРАЙФЕЛЬ Иосиф, в прошлом раскулаченный кулак, секретарь религиозной общины, на допросе заявил:

«... ПОПЕР заявил, что он приехал из Германии для проведения работы по объединению немцев для борьбы с Советской властью и тут же мне предложил оказать ему практическую помощь в части проведения этой работы.

ПОПЕР мне сказал, что на меня возлагается очень большая и ответственная работа по созданию крепкой контрреволюционной организации из лиц, готовых в любую минуту активно выступить для поддержания Германии...».

Приняв поручение ПОПЕРА, ШТРАЙФЕЛЬ Иосиф и его брат Мартын — кулак, раскулаченный, находившийся на нелегальном положении, вовлекли в организацию по селам Страсбург и Баден, Зельцкого района — 19 участников организации из кулаков и бывших активных повстанцев.

Участники организации арестованы. Следствие продолжаем⁵.

2) *Немецкая фашистская организация*⁶

---

³ Підкреслено червоним олівцем.

⁴ Так у тексті

⁵ Підкреслено червоним олівцем.

⁶ Виділене курсивом вписано червоним олівцем від руки.

По показаниям арестованного по операции раскулаченного кулака МИЛЛЕРА Игната устанавливается наличие контрреволюционной фашистской повстанческой организации в селе Зельцах, того же района, Одесской области.

МИЛЛЕР показал, что эта организация им заложена по заданию германского консула в Одессе⁷.

Задачи организации, как об этом показывает МИЛЛЕР, аналогичны задачам организации, заложенной разведчиком ПОПЕРОМ.

Говоря о составе участников организации, МИЛЛЕР назвал до 70-ти человек немцев-кулаков и бывших активных повстанцев, завербованных как лично им, так и другими участниками организации⁸.

Часть лиц, названных МИЛЛЕРОМ, нам известна, как разведывательные связи резидента германской политической разведки БЕРНЕРА Эмиля, арестованного нами и осужденного в 1935 году.

По этому делу арестовано 20 человек⁹, при чем 3 из них полностью подтвердили показания МИЛЛЕРА.

В поселке Люстдорф, Одесского района, арестован разрабатываемый 3-м Отделом УГБ, как подозреваемый в связи с германской разведкой, ФОЛЬМЕР Яков Яковлевич.

На следствии ФОЛЬМЕР показал, что он в мае месяце 1936 года привлечен к разведывательной и диверсионной деятельности германско-подданным БАЙНБАХОМ, выехавшим в Германию в 1936 году.

БАЙНБАХ перед ФОЛЬМЕРОМ поставил следующие задачи:

1. Собирать сведения о военном оборонительном строительстве УНР в Люстдорфе.
2. Заложить диверсионную ячейку для проведения ряда

---

⁷ Виділене курсивом вписано червоним олівцем від руки.

⁸ Підкреслено червоним олівцем.

⁹ Підкреслено червоним олівцем.

диверсионных актов.

3. Во время войны Германии с СССР создать вооруженные повстанческие отряды для борьбы с Советской властью.

В соответствии с заданиями БАЙНБАХА, ФОЛЬМЕР приступил к созданию контрреволюционной диверсионной организации, завербовав в организацию в 1936 году РЕЙХЕРТА В.Ф., РЕЗЕРА Ф.Э., ШМИДТА П.Я.

РЕЙХЕРТ, РЕЗЕР и ШМИДТ арестованы. Сознались в принадлежности к контрреволюционной шпионско-диверсионной организации, заложенной в Люстдорфе – ФОЛЬМЕРОМ Яковом и показали о ряде диверсионных и шпионских заданий, полученных им от последнего.

Следствие по делу продолжаем.

Фрунзевским Райотделением НКВД арестован кулак-немец ГЕЙЦ, показаниями которого устанавливается наличие контрреволюционной фашистской организации, заложенной по заданию германского консула в Одессе немцем-кулаком, бывшим жителем Красно-Окнянского района МАССР – МОЦЕМ.

МОЦ, действуя по заданиям германского консула, еще в 1932 году вовлек в организацию кулака МЕРКЕЛЯ. В 1932 году МОЦ и МЕРКЕЛЬ были арестованы и высланы за контрреволюционную деятельность.

Возвратившись в 1937 году из ссылки, МЕРКЕЛЬ возобновил свою контрреволюционную деятельность и продолжал вербовку в организацию. В частности, им был завербован кулак-нелегал АЛЕШИН, который в свою очередь завербовал в организацию 6 человек.

Выявленные участники организации арестованы.

3) Укр[аинская] повст[анческая] организация¹⁰

В Бобринецком районе вскрыта контрреволюционная повстанческая националистическая организация¹¹, которая ставила своей задачей свержение Советской власти и установле-

---

¹⁰ Підкреслено червоним олівцем.

¹¹ Виділене курсивом вписано червоним олівцем від руки.

ние на Украине самостоятельного украинского государства.

Организация, как об этом показывает арестованный кулак КРИВОНОСОВ Дмитрий, создана проживающим в г. Харькове раскулаченным кулаком, бывшим офицером царской армии, арестовывавшимся по процессу СВУ — АНДРУЩЕНКО Михаилом¹².

По этому поводу КРИВОНОСОВ показывает: «... В марте месяце 1937 года АНДРУЩЕНКО, приехав в село Дубравки, встретил меня на улице и, узнав, что я был осужден и только в декабре 1935 года освобожден из тюрьмы, начал в очень резкой форме отзываться о существующем строе. Здесь же он мне сказал, что существует большая организация, которая проводит работу для свержения Советской власти и установления своего украинского государства, что есть уже много украинцев, которые готовы в нужный момент выступить против Советской власти...».

Далее, АНДРУЩЕНКО, объясняя КРИВОНОСОВУ цель и задачи организации, заявил: «... Как только будет война, Германия без особого труда завоеует Украину, а нам, украинцам, надо здесь в это время поднять восстание против Советской власти, помочь немцам и тогда наше дело будет обеспечено...»

Согласившись на участие в организации, КРИВОНОСОВ получил задание вовлекать в организацию и участвовать в вооруженном восстании новых лиц, подбирая их из числа «обиженных Соввластью»¹³.

Выполняя это задание, КРИВОНОСОВ завербовал по Дубровскому сельсовету — 10 участников организации из числа бывших кулаков и петлюровцев¹⁴.

Участники организации арестованы¹⁵. Приняты меры к установке и аресту АНДРУЩЕНКО.

---

¹² Підкреслено червоним олівцем.

¹³ Підкреслено червоним олівцем.

¹⁴ Підкреслено червоним олівцем.

¹⁵ Підкреслено червоним олівцем.

В Добровеличковском районе арестован священник ВОЖАКОВ.

На допросе ВОЖАКОВ сознался в участии в повстанческо-диверсионной группе, созданной по заданию киевского польского консульства. ВОЖАКОВ показал, что участники этой группы проводили вербовку людей для вооруженного выступления в тылу РККА с началом войны, собирали сведения о тракторном парке, экономическом и политическом состоянии села. Все эти сведения передавались через его, ВОЖАКОВА, в польское консульство, с которым он лично был связан.

Эти показания ВОЖАКОВА подтверждены сознавшимися участниками группы КЛЕМПЕРГОМ и ХУДОЙ.

По делу пока арестовано 5 участников группы.

Голопристанским Райотделением НКВД арестован бывший пристав города Берислава, врангелевский контрразведчик – КОЖУХОВ Константин Николаевич, обыском в квартире которого было обнаружено 400 граммов мышьяка.

Допрошенный КОЖУХОВ показал, что он, будучи враждебно настроенным к Советской власти и озлобленным против районного руководства, решил совершить террористический акт над местными представителями власти. С этой целью он приобрел мышьяк, который намерен был бросить в колодезь с питьевой водой.

«... Начиная с 1923 года, некоторые руководящие районные работники меня начали преследовать за мою прошлую деятельность, разоблачая меня как бывшего человека. Все это побудило меня стать на вражеский путь по отношению к Советской власти и я решил совершить террористический акт над людьми, которые меня преследуют и разоблачают. Я приобрел мышьяк для того, чтобы совершить террористический акт, бросив мышьяк в омпы, откуда берут воду представители районного руководства...».

КОЖУХОВ также сознался, что он еще в 1916 году, по предложению бывшего херсонского губернатора, расстрелянного царским правительством как германского шпиона, зани-

мался собиранием шпионских сведений в пользу Германии. Так как КОЖУХОВ откровенных показаний по вопросу о приобретении мышьяка не дает, выдвигая ряд неправдоподобных версий, мы следствие по делу продолжаем, одновременно выявляем шпионскую работу КОЖУХОВА в данное время и лиц, связанных с ним по шпионско-диверсионной работе.

Ново-Украинским Райотделением НКВД арестован активно проявляющий себя механик Ново-Украинской МТС — БРАУЭР Генрих Эдуардович.

На первичном допросе БРАУЭР показал, что он в 1917 году, будучи осужден германским военно-полевым судом к 18-ти годам каторги за шпионаж в пользу Франции, в ноябре месяце 1918 года был завербован германской разведкой и переброшен для шпионской разведывательной работы в СССР.

Весь период пребывания на территории СССР он занимался шпионажем, будучи связан в этих целях с проживающим в г. Ленинграде неким МАХАЕМ, работником книгоиздательства ОТТО Фридрихом и проживающим в Москве КЛЕРКОМ Фрицем, с которыми он имел несколько личных встреч, получал от них инструктаж и передавал сведения шпионского характера.

В шпионских целях, по указанию КЛЕРКА, он также связался с военнослужащим авиашколы в г. Кирово — ТЕРНОВСКИМ Петром Васильевичем, от которого получил сведения о наличии имеющихся в г. Кирово самолетов и их мощности, переслав эти сведения КЛЕРКУ.

Следствие продолжаем. Устанавливаем всех лиц, связанных с БРАУЭРОМ по шпионской работе в целях их ареста.

3-м Отделом УГБ УНКВД была арестована, как активно контрреволюционно проявляющая себя некая БРУСНИКОВА, которая на следствии заявила, что ее посещали и находились в ее квартире агенты румынской сигуранции.

БРУСНИКОВА также указала на ряд лиц, проживающих в г. Одессе и связанных с румынской разведкой.

Независимо от приведенных выше вскрытых контррево-

люционных формирований, мною дано указание начальникам городских и районных отделений НКВД, а также начальникам межрайонных оперативных групп усилить следственную проработку арестованных кулаков с тем, чтобы в ближайшее время добиться вскрытия организованного активно действующего контрреволюционного подполья в области.

О результатах дальнейшей работы буду информировать.

На документі резолюція: «т. Миллеру. Хр[анить] отдельно, все докл[адные] зап[иски] по операции. З1.8. [...]».¹⁶

НАЧАЛЬНИК УНКВД ПО ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

ПОЛКОВНИК

Н. Федоров

ГДА СБ України. — Ф. 16. — Оп. 30. — Спр. 43. — Арк. 91-101.

Копія. Машинопис.

№2

Довідка про розкриття і ліквідацію антирадянської об'єднаної сіоністської організації на Україні

4 березня 1938 року

Секретно¹⁷

С П Р А В К А

Вскрыта и ликвидируется антисоветская объединенная сионистская организация на Украине.

Во главе организации стояли:

Объединенный союзный ЦК сионистов в составе: КОФМАНА-ВЫГОДСКОГО, ЛОКШИНА, АЛЬТШУЛЕРА (эmissаров всемирного сионистского объединения «Вельтфербанда»), ЕВЗЕРИКИНА, ВИГДЕРЗОНА, СМЕЛЯНСКОГО и ЭЛЬКАНОВИЧА;

подпольный украинский центр в составе: МАЙЗЕЛЯ, ЛЬВОВИЧА, КОГАНА;

Одесский областной центр в составе: ВАЙНШТЕЙНА, БЕККЕРА, ГУРОВИЧА, КУНЦОВИЧА.

---

¹⁶ Підкреслено червоним олівцем.

¹⁷ Написано синім олівцем від руки. Підпис нерозбірливий.

Ликвидировано 15 местных сионистских комитетов с общим количеством участников в 607 человек.

Состав объединенной организации входило 6 шпионских групп, работавших по заданиям английской, румынской и польской разведок.

НАЧ IV ОТДЕЛА УТБ НКВД УССР

МАЙОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Х А Т Е Н Е В Е Р¹⁸

«4» марта 1938 года.

ГДА СБ України. — Ф. 16. — Оп. 31. — Спр. 81. — Арх. 91.

Підписана копія. Машинопис.

№3

Из записка наркома внутрішніх справ УРСР В. Успенського щодо ліквідації РОВСовських організацій в Україні

14 березня 1938 р.

ЗАПИСКА ПО ПРОВОДУ №1733¹⁹

МОСКВА НКВД СССР

тов. ЕЖОВУ Н.И.

тов. ФРИНОВСКОМУ

тов. МИНАЕВУ

Операция по ликвидации РОВСовских организаций на Украине продолжается. Всего по состоянию на 13 марта арестовано 2730 участников РОВСа.

Из них: генералов — 4, в том числе служивших в белых армиях — 1; полковников — 69, в том числе служивших в белых армиях — 31; капитанов и штабс-капитанов — 164, в том числе служивших в белых армиях — 111; поручиков — 1050, в том числе служивших в белых армиях — 767; прапорщиков — 279, в том числе служивших в белых армиях — 208.

Остальные помещики, дворяне, высшие царские чиновники и другие.

---

¹⁸ Написано олівцем «Секретно»

¹⁹ Документ підписаний (підпис нерозбірливий)

Вскрывается широкое подполье РОВСа, насажденное на Украине зарубежными центрами РОВСа еще с 1923-1924 гг.

Организаторами РОВСовского подполья на Украине были, переброшенные нелегально зарубежными центрами РОВСа, его эмиссары.

Организаторы РОВСа вели работу по созданию повстанческих и диверсионных отрядов на Украине. Они были связаны со многими иностранными разведками и вели по их заданию широкую шпионскую работу.

Докладываю следственные данные:

<...>5. Вскрыта РОВСовская организация в Одессе, созданная в 1921 году офицерами белой и царской армий, агентами английской и французской разведок — ДМИТРИЕВИЧЕМ и БАКИЧЕМ, возглавлявшими тогда югославскую миссию «Красного Креста» на Украине.

Арестованный участник РОВСа бывший поручик царской армии ЧЕРНОГУРЧЕВИЧ показал, что организация провела большую шпионскую и диверсионную работу в «Совторгфлоте» в Одесском порту.

Работу организации направлял БАКИЧ с 1922 года, проживавший в Стамбуле, через греков ФОРСАКИДИСА (устанавливается) и БУРГАЗЛИ (выдворен в 1933 году за границу, как шпион).

ЧЕРНОГУРЧЕВИЧ дал показания о существовании в Одессе диверсионно-шпионской резидентуры германской разведки, возглавляемой офицером царской армии ГРЕНХОЛЬДОМ (арестован).

ГРЕНХОЛЬД связан с бывшим секретарем одесского германского консульства, крупным немецким агентом ГАНОМ, выдворенным из СССР и поселившимся в г. Стамбуле.

Установлено, что для связи с резидентурой к ГРЕНХОЛЬДУ из СТАМБУЛА регулярно приезжали курьеры.

ЧЕРНОГУРЧЕВИЧ показал, что организация подготавливала диверсионные акты на заводах и водопроводе.

Участник РОВСовской организации в Одессе бывший бе-

лый офицер реэмигрант ЮРКЕВИЧ показал, что, находясь в эмиграции в Париже, он в 1927 году был завербован в РОВС белым офицером МАНГО и вскоре переброшен в СССР для организации повстанческих формирований. ЮРКЕВИЧ получил от РОВСа явку в Одессе к белому офицеру ВЕРКОПУ-ЛО (устанавливается), совместно с которым вел работу по созданию военно-офицерской организации.

Член РОВСа, арестованный бывший дворянин ГРАБОВСКИЙ сознался, что в организацию он был завербован в 1933 году профессором медицинского института в Одессе ФИЛАТОВЫМ (не арестован).

ГРАБОВСКИЙ указал, что этот ФИЛАТОВ был привлечен для антисоветской работы, во время своего пребывания в Берлине в 1933 году, фашистом, бароном ШТРЕЙКНОСОМ.

Участник Одесской организации РОВСа капитан врангелевской армии ЗАЙЦЕВ Алексей сознался, что находясь в Париже в эмиграции, по заданию генерала КУТЕПОВА проник на должность секретаря Парижского отдела «Союз возвращения на родину», через который перебрал в СССР группу РОВСовских агентов.

В 1931 году ЗАЙЦЕВ прибыл в СССР для создания РОВ-Совских формирований.<...>

Операция по разгрому РОВСовских организаций продолжается. Берем упор на вскрытие РОВСовских центров на Украине и более детально прорабатываем связи участников РОВСа за кордоном.

**НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УССР
КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 3
РАНГА**

Успенский

«14» марта 1938 г. т *Исх. 492/СН*

г. Киев

ГДА СБ України. – Ф. 16. – Оп. 31. – Спр. 75 (1951 р.). – Арк. 1-10.

Завірена копія. Машинопис.

Довідка
про кількість троцькістів, правих та українських націоналістів, діючих в Україні в окремих областях.

Березень 1938 р.

С П Р А В К А
О КОЛИЧЕСТВЕ ПРОХОДЯЩИХ ПО ПРЯМЫМ И КОСВЕННЫМ ПОКАЗАНИЯМ ТРОЦКИСТОВ, ПРАВЫХ И УКРАИНСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ – НА УКРАИНЕ.

НАИМЕНОВАНИЕ ОБЛАСТЕЙ	Троцкисты	Правые	Украинские националисты	ВСЕГО
По центральному аппарату	248	132	487	867
Харьковская область	51	110	350	511
Донецкая область	180	78	109	367
Днепропетровская	130	39	93	262
Черниговская область	27	16	230	273
Полтавская область	16	24	336	376
Киевская область	83	77	100	260
Одесская область	49	24	164	237
Винницкая область	25	16	82	123
Каменец – Подольская область	13	15	123	151
Николаевская область	73	9	17	99
Житомирская область	23	6	5	34
МАССР	7	4	3	14
ИТОГО:	925	550	2099	3574

*ГДА СБ України. – Ф. 16. – Оп. 31. – Спр. 17 (1951 р.). – Арк. 308.
Копія. Машинпис.*

№5

Записка наркома внутрішніх справ УРСР Успенського
Ежову щодо діяльності бундовського підпілля

4 квітня 1938 року

ЗАПИСКА ПО ПРОВОДУ

М О С К В А НКВД С С С Р

тов. ЕЖОВУ Н.И.

тов. ФРИНОВСКОМУ

тов. КАРУЦКОМУ

Показаниями ряда арестованных нами бундовцев устанавливается, что антисоветское бундовское подполье продолжает действовать как на Украине, так и в РСФСР и Белоруссии.

Арестованные: КИПЕР — кадровый бундовец, бывший заведующий евсекцией ЦК КП(б) У, до ареста — зам. зав. пропагитотдела Днепропетровского Обкома КП(б) У; МЕЛАМЕД — бывший председатель Центрального бюро партии «Бунд» в Литве, до ареста — член КП(б) У, профессор, заведующий кафедрой диалектического материализма Одесского госуниверситета и КАГАН — видный бундовский деятель, профессор в Харьковском институте гигиены труда, — показали, что бундовское подполье проводит антисоветскую и разведывательную деятельность в Советском Союзе по директивам ЦК польского «Бунда», в состав которого входят: ЭРЛИХ, ПАТ, АЛЬТЕР и ХМУК[Н]ЕР.

ЦК польского «Бунда», установив по заданию II-го интернационала блок с ППС, проводит совместно с ППС антисоветскую работу против СССР, направляя на территорию Советского Союза своих эмиссаров с разведывательными заданиями.

По директиве ЦК польского «Бунда», в СССР, в 1925 году, был создан союзный ЦК «Бунда», в который вошли:

ЛИТВАКОВ — видный деятель «Бунда» в России, в течение ряда лет редактор центральной еврейской газеты «Эмес» в Москве;

ВАЙНШТЕЙН — бывший член ЦК «Бунда», работник

Главарбитража в Москве;

ЛЕВИТАН — крупный бундовский деятель, бывший заведующий кафедрой института еврейской культуры в Киеве (затребован из лагеря);

НОВАКОВСКИЙ — кадровый бундовец, бывший работник советского полпредства в Лондоне (устанавливаем);

РАФЕС — быв. член ЦК «Бунда» и член бюро старейшин Центральной рады на Украине (устанавливаем);

ФРУМКИНА (Эстер) — бывший член ЦК «Бунда», директор комуниверситета нацменьшинств Запада в Москве;

МЕРЕЖИН — крупный работник «Бунда», сотрудник Комзета в Москве.

В руководство этих центров входили:

На Украине — ЛЕВИТАН (затребован из лагеря), КИПЕР, МЕЛАМЕД, КАГАН и МАЦ — кадровый бундовец, бывший работник ЦИК УССР (арестованы).

В Белоруссии — крупные деятели «Бунда», пробравшиеся в ВКП(б) ОШЕРОВИЧ и ДУНЕЦ (арестованы).

В Биробиджане — ЛИБЕРБЕРГ (осужден), ЛЕВИН Янкель, ГУБЕРМАН и КАЗАКЕВИЧ (устанавливаем).

На Украине были сконструированы подпольные бундовские комитеты, из руководства которых пока известны:

В Харькове — СУДАРСКИЙ — бывший секретарь Калининдорфского райкома КП(б)У, руководитель ОЗЕТ'а на Украине, ГУЛЬКО — редактор еврейской газеты «Дер — Штерн».

В Киеве — ЛЕВИТАН, МАЦ и ГОРОХОВ — директор института еврейской культуры (осужден).

В Одессе — МЕЛАМЕД, РАБИЧЕВ, ТУНКЕЛЬРОЙТ и АБРАМ (все арестованы).

В Днепропетровске — КИПЕР, КОГАН — бывший работник ЦК КП(б)У и ЦИНМАН — работник обкома КП(б)У (даны указания об аресте).

В Молдавии — кадровый бундовец — ШАБШЕВИЧ (устанавливаем).

Показаниями КИПЕРА и МЕЛАМЕДА установлено, что они, как и другие руководители бундовского подполья в СССР, по заданиям ЦК польского «Бунда», являвшегося по существу руководящим органом для подпольных бундовских организаций в СССР, с двурушническими целями вступили в КП(б)У и проводили активную работу по внедрению своей агентуры в ряды ВКП(б). Участникам антисоветских подпольных бундовских организаций удалось занять руководящее положение в некоторых партийных и советских органах.

КИПЕР показал, что по договоренности, состоявшейся еще в 1921 году между ним, ВАЙНШТЕЙНОМ, ЛИТВАКОВЫМ, ФРУМКИНОЙ, РАФЕСОМ и НОВАКОВСКИМ, он пробрался в аппарат ЦК КП(б)У и, используя свое положение заведующего евсекцией ЦК КП(б)У, внедрил в партийный аппарат участников антисоветской бундовской организации.

КИПЕРОМ были продвинуты и назначены заведующими евсекциями окружкомов КП(б)У следующие кадровые бундовцы: АБРАМ, РАБИЧЕВ (арестованы), ЛИТВАКОВА (умерла), МГИЛЕВСКИЙ, РУБИНШТЕЙН, АЛЕК, ГУБЕРМАН (устанавливаем) и ряд других членов организации.

КИПЕР и МЕЛАМЕД показали, что после ликвидации еврейских секций, по решению союзного ЦК «Бунда», центр антисоветской бундовской работы на Украине был перенесен в т.н. институт еврейской культуры, находившийся в Киеве.

Институт еврейской культуры во главе с ЛИБЕРБЕРГОМ и ГОРОХОВЫМ, являлся по существу очагом разведывательной и антисоветской работы в пользу Польши. ЛИБЕРБЕРГ и ГОРОХОВ были связаны с польской дефензивой, через участника бундовской организации, польского шпиона ЭРИКА (осужден).

КИПЕР и МЕЛАМЕД дали показания о том, что в 1935 году из Польши приезжал специальный эмиссар ЦК польского «Бунда», крупный польский агент Яков ПАТ, который передал членам союзного ЦК ЛИТВАКОВУ и ЛЕВИТАНУ директивы об усилении антисоветской разведывательной работы в СССР.

Связь с ЦК польского «Бунда» постоянно осуществлялась через члена подпольного союзного ЦК «Бунда» — НОВАКОВСКОГО.

Следствием также устанавливается, что участников бундовского подполья в СССР в шпионских целях использовывала и германская разведка.

МЕЛАМЕД показал, что один из руководителей одесской бундовской организации АБРАМ — секретарь Сталинодорфского райкома КП(б)У, являлся резидентом немецкой разведки, и что он, МЕЛАМЕД, с 1936 года, по его заданиям, проводил шпионскую работу.

В качестве канала связи с иностранными разведывательными органами, руководители бундовского подполья МЕРЕЖИН и СУДАРСКИЙ использовали представителей еврейских буржуазных «филантропических», а по существу шпионских организаций «Агро-Джойнт», «Орт» и др.

КИПЕР, МЕЛАМЕД и КАГАН показали, что бундовское подполье на Украине в своей антисоветской деятельности блокировалось с троцкистами и меньшевиками. В 1932 году КИПЕР по поручению украинского бундовского центра установил организационную связь с представителем украинской меньшевистской организации СЕМКОВСКИМ (осужден) и в последующем контактировал с ним вопросы развертывания антисоветской работы.

Блок с троцкистами осуществлял член украинского бундовского центра МАЦ, находившийся в организационной связи с одним из руководителей троцкистского подполья на Украине — КОЦЮБИНСКИМ (осужден).

Как показал КИПЕР, в 1932 году бундовское подполье в СССР по директиве ЦК польского «Бунда», переданной через ЛИБЕРБЕРГА и ЛЕВИТАНА стало на позиции террора против руководителей ВКП(б) и подрывной деятельности в народном хозяйстве СССР.

Показаниями КИПЕРА, МЕЛАМЕДА, КАГАНА и других участников бундовского антисоветского подполья установле-

но, что ими проведена значительная подрывная работа по линии Наркомзема, Наркомпроса и ОЗЕТ'а.

Операцию по бундовскому антисоветскому подполью продолжаем.

**НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УССР
КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
3 РАНГА УСПЕНСКИЙ**

«4» апреля 1938 года

№ 789/Сн. Верно: Опер. Уполн. IV отд. УГБ НКВД УССР
мл. лейтенант госбезоп.¹

ГДА СБ України. — Ф. 16. — Оп. 31. — Спр. 59. — Арк. 108-116.

Завірена копія. Машинопис.

№ 6

Із записки наркома внутрішніх справ УРСР В. Успенського

щодо операції по знищенню РОВСовсько-есерівського та меншовицького підпілля в Україні

7 квітня 1938 р.

ЗАПИСКА ПО ПРОВОДУ № 2220²

МОСКВА НКВД СССР

тов. ЕЖОВУ Н.И.

тов. ФРИНОВСКОМУ

тов. ЗАКОВСКОМУ

тов. НИКОЛАЕВУ

тов. ЦЕСАРСКОМУ

Одновременно с разгромом антисоветского украинского националистического подполья, нами была развернута работа по вскрытию формирований российской контрреволюции на Украине, издавна сложившихся из остатков разбитых российских антисоветских партий и белогвардейских армий.

Еще ранее из следственных материалов по делам правотроцкистских организаций, было установлено, что правотроцкистский центр на Украине и его организации в областях, в своих планах вооруженного восстания рассчитывали исполь-

зывать в качестве вооруженной силы белогвардейские офицерские кадры.

Это целиком подтверждается и следственными материалами, полученными нами за последнее время, по делам ликвидированных подпольных ЦК русских эсеров, ЦК русских меньшевиков, РОВСовских организаций, а также по делам отдельных участников право-троцкистского подполья.

Так, арестованные КАРЕЛИН, АРНАУТОВ и ЗАЛУЖНЫЙ, являвшиеся членами объединенного подпольного ЦК русских эсеров на Украине, проводившего антисоветскую работу в контакте и по указанию право-троцкистского центра, — показали, что подпольные эсеровские организации на Украине давно сомкнулись с РОВСовскими военно-офицерскими организациями и что те и другие готовились к вооруженному выступлению против Советской власти в общем плане право-троцкистского центра.

Об этом же дали показания арестованные члены подпольного ЦК русских меньшевиков Украины БОРОВИЧ и КИСЛЯНСКИЙ, также действовавшие по указаниям право-троцкистского центра и в контакте с подпольным ЦК русских эсеров.

В связи с этими данными, на основе Ваших указаний, была развернута широкая операция по разгрому РОВСовско-эсеровского и меньшевистского антисоветского подполья на Украине.

Теми материалами следствия, которыми мы уже располагаем, устанавливается, что на Украине действовало объединенное антисоветское подполье русских эсеров и РОВСовцев, с которыми контактировало свою антисоветскую работу подполье русских меньшевиков.

В вопросах создания повстанческих кадров, подготовки диверсии и организации террора, центры этих подпольных организаций действовали согласовано.

На местах антисоветская работа проводилась в контакте между областными подпольными комитетами русских эсеров и меньшевиков и областными военно-повстанческими штабами РОВСа.<...>

Среди арестованных с февраля месяца 1938 года командных кадров ровсовско-эсеровского подполья имеется: бывших генералов — 9, из них 4 служили в белых армиях; бывших полковников и подполковников — 18, из них 57 служили в белых армиях; капитанов и штабс-капитанов — 204, из них 150 служили в белых армиях; поручиков и подпоручиков — 1.611, из них 1.170 служили в белых армиях.

Среди арестованных участников ровсовско-эсеровского подполья 117 офицеров являются эмиссарами зарубежных центров РОВСа, переброшенными в СССР из-за границы для повстанческой, диверсионной, террористической и шпионской работы.

Приводим данные о ликвидированных ровсовско-эсеровских и меньшевистских формированиях в областях Украины:
ОДЕССКАЯ ОБЛАСТЬ.

Ликвидированы:

Подпольный областной комитет эсеров, в который входили:
АРНАУТОВ — до ареста педагог средней школы;

ДЯДЮШКИН — до ареста служащий ст. Одесса— сортировочная;

БОЛЬШАКОВ — до ареста рабочий Одесского кожзавода (все арестованы) и АБРАМЕНКО (разыскивается). Областной военно-повстанческий штаб РОВСа, возглавлявшийся проживавшим нелегально в Одессе, переброшенным из-за кордона, эмиссаром РОВСа генералом СОРОКИНЫМ.

В состав штаба входили: бывший генерал белой армии ЛЯЛИН, оставленный командованием деникинской армии для подпольной работы на Украине; бывший генерал БЕЛИМ-КОЛОСОВСКИЙ, находившийся на нелегальном положении; эмиссар РОВСа — бывший полковник белой армии КУДРЯВЦЕВ, нелегально переброшенный из-за кордона в 1924 году; бывший полковник белой армии БОЛДЫРЕВ; бывшие полковники царской армии ШИРОКОВ и ЧЕРНОГЛЗОВ. (Все арестованы).

Подпольный областной комитет меньшевиков, в который

входили: СУХОВ, до ареста профессор Госуниверситета;

ГРОДСКИЙ, до ареста профессор Госуниверситета и КОРОТКОВ. (Все арестованы).

Арестованный СОРОКИН показал, что в 1925 году перед переброской его из Болгарии, он там получил явку к генералам ЛЯЛИНУ и БЕЛИМ-КОЛОСОВСКОМУ и полковникам БОЛДЫРЕВУ и КУДРЯЦЕВУ.

Прибыв в Одессу, СОРОКИН организовал областной военно-повстанческий штаб РОВСа, который приступил к формированию повстанческих отрядов и диверсионных групп.

В последующем СОРОКИН связался с руководителем Одесского подпольного областного комитета эсеров АРТНАУТОВЫМ и по согласованию с ним объединил ровсовские и эсеровские повстанческие отряды под командованием бывших белых офицеров.

СОРОКИН показывает, что ровсовско-эсеровская организация в Одессе была связана с центром РОВСа в Москве, через бывшего офицера СИМОНОВА, работавшего в генеральном штабе РККА.

В своих показаниях СОРОКИН говорит, о том, что в 1932 году к нему из-за кордона приезжал специальный курьер РОВСа, капитан белой армии СЕРГЕЕВ, передавший ему директиву начальника 3 отдела РОВСа — генерала АБРАМОВА, требовавшего активизации повстанческой и диверсионной работы. Об этих же требованиях закордонных центров РОВСа, показывает арестованный — бывший полковник ЧЕРНОГЛАЗОВ, также получивший директивы из-за кордона, через находящегося во Франции его сына, активного ровсовца, ЧЕРНОГЛАЗОВА Всеволода.

Арестованный бывший офицер ПЕТРОКОНИН показывает, что Одесский областной военно-повстанческий штаб РОВСа был связан с представителем РОВСа в Стамбуле ХОРЖАВИНЫМ. Эта связь осуществлялась через сотрудника турецкого консульства в Одессе, с которым был связан он — ПЕТРОКОНИН.

Ровсовцы и эсеры создавали повстанческие формирования также и в селах, населенных болгарами. В частности, АРНАУТОВ имел директиву возглавить болгарские повстанческие формирования из Софии (Болгария) от бывшего секретаря царского посольства в Болгарии ГРЕКОВА, с которым он поддерживал связь.

Многие участники ровсовско-эсеровских организаций, наряду с повстанческо-диверсионной работой, занимались также шпионажем для иностранных разведок.

Арестованные АРНАУТОВ и БОЛЬШАКОВ сознались в том, что они являются агентами германского консульства, передавали шпионские материалы сотруднику германского консульства в Одессе через врача БЕЛОДЕДА (устанавливается).

О своей шпионской деятельности для германской разведки показывают арестованные — бывший белый офицер ЧЕРНОГОРЧЕВИЧ и бывший жандармский полковник ГРЕНХОЛЬМ-ГРИЦЕВИЧ, являющийся агентом германской разведки с 1905 года.

Оба они были связаны с сотрудником германского консульства в Одессе ГАННОМ. После выдворения ГАННА из СССР, он поселился в Стамбуле и поддерживал связь с ЧЕРНОГОРЧЕВИЧЕМ и ГРЕНХОЛЬМ-ГРИЦЕВИЧЕМ через курьера ЛУКИДИСА, грека, плавающего на греческом пароходе.

Арестованный БЕЛИМ-КОЛОСОВСКИЙ показывает о том, что о всей эсеровско-ровсовской работе в Одессе и других областях Украины он информировал германское консульство в Одессе.

Сознались также в шпионаже: бывший полковник белой армии СТАВРАКИ — для греческой разведки; бывший полковник царской армии ВУИЧ — для японской разведки и бывший капитан белой армии — КАРДАШ — для финляндской разведки.

Всего в Одесской области по ликвидированным ровсовско-эсеровским повстанческим, диверсионным и террористи-

ческим формированиям арестовано 695 участников.

<...> Ровско-эсеровские повстанческие и диверсионные формирования и группы ликвидированы также в — Николаевской, Житомирской, Винницкой, Полтавской и Черниговской областях.

Всего с февраля 1938 года на Украине ликвидировано около 200 эсеровско-ровсовских повстанческих и диверсионных формирований и террористических групп и арестовано по ним 5264 участников.

Разгром рововско-эсеровского подполья продолжаем.

**НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УССР
КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
3 РАНГА Успенский**

«7» апреля 1938 г. г. Киев

Исх. 834/СН

*ГДА СБ України. — Ф. 16. — Оп. 31. — Спр. 75 (1951 р.).
— Арк. 99-133.*

Завірена копія. Машинопис.

№7

**Из записки наркома внутрішніх справ УРСР
В. Успенського стосовно ліквідації японської агентури
1 червня 1938 р.**

**СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ЗАПИСКА ПО ПРОВОДУ № 3257
М О С К В А НКВД СССР³**

тов. ЕЖОВУ Н.И.
тов. ФРИНОВСКОМУ.
тов. НИКОЛАЕВУ.

Проводящимся следствием по ряду вскрытых диверсионно-шпионских резидентур японской разведки устанавливается:

Японская разведка в течение многих лет создавала на Украине обширную сеть шпионско-диверсионных резидентур, расставленных в оборонной промышленности, на транспорте

и в частях РККА Киевского и Харьковского военных округов и действовавших в соответствии с наступательными планами японского, германского и польского генеральных штабов.

Основными каналами проникновения японской агентуры на Украину, как это установлено следствием, являлись:

1) существовавшее в Одессе до ноября 1937 года японское консульство.

Работавшие в этом консульстве офицеры японской разведки ХИРОТА, МИТАНИ и СУДЗУКИ, — создали широкую сеть шпионских и диверсионных резидентур.

Японское консульство в Одессе выполняло также функции по координации работы японской разведки на Украине с немецкой и польской разведками.

2) Китайцы и корейцы, завербованные японской разведкой и нелегально перебрасываемые из Китая и Маньчжурии. Эта агентура оседала на Дальнем Востоке, ассимилировалась, и затем переезжала для шпионской и диверсионной работы на Украину, где действовала под прикрытием, специально создаваемых по указанию японской разведки, корейских рисовых колхозов, китайских прачечных, артелей по изготовлению игрушек и артелей грузчиков. Следствием установлено также, что китайцы — агенты японской разведки широко использовали систему «Утильсырьё», проникая туда в качестве сборщиков.

Часть агентуры из числа китайцев и корейцев японцы забрасывали через европейские страны по каналам политэмиграции. Эта агентура внедрялась в братские компартии, инсценировала провалы и бежала в Советский Союз.

3) Русские, проживавшие в Китае и Маньчжурии, в том числе и служащие КВЖД, выезжавшие по разным причинам в СССР.

<...> Следствием устанавливается, что японское консульство проводило большую работу по насаждению диверсионно-шпионских резидентур на побережье Черного моря.

<...> Арестованный главврач Одесской поликлиники ШЛЕЗИНГЕР Анисим показал, что в 1929 году был завербо-

ван секретарем японского консульства в Одессе НАГУЧИ для разведывательной работы в пользу японцев.

ШЛЕЗИНГЕР, по указанию японцев, собирал шпионские материалы о противовоздушной обороне и мобилизационных мероприятиях на побережье Черного моря. Имел поручение японского разведчика МИТАНИ создать шпионско-диверсионную резидентуру в Николаеве.

ШЛЕЗИНГЕР для шпионской работы завербовал работника Одесского облотдела НКВД РАБИНОВИЧА, управделами Одесского отделения «Интурист» ГИМЕЛЬФАРБА и свою жену БЕРЕЖНУЮ (арестованы).

Арестованные ЗАРНИЦКИЙ и ДАЛИС сознались в участии в шпионской резидентуре японской разведки, возглавлявшейся бывшим. зав. Одесским горздравотделом ХЕЙФЕЦОМ (осужден) и показали, что участники резидентуры, по указанию МИТАНИ, подготавливали на военное время бактериологические диверсионные акты.

В 1936 году ЗАРНИЦКИЙ, работая врачом в санатории ЦИК УССР, по заданию МИТАНИ провел пробный диверсионный акт, путем отравления пищи, в результате которого заболело 70 человек.

ЗАРНИЦКИЙ и ДАЛИС дали показания об участии в резидентуре врачей ЛАНДИ и ЛЯХОВИЦЕРА (устанавливаются) и бывшего офицера СОКОЛОВА (арестован).

На побережье Черного моря для организации шпионско-диверсионных резидентур направлялась также агентура японцев, перебрасываемая из-за кордона.

Так, арестованный СИ-И-СЕН, он же МОРОЗОВ Сергей Иванович, аспирант государственного университета в Одессе, бывший член китайской компартии с 1924 года, показывает, что являлся агентом японской разведки с 1922 года и по заданию японцев проводил провокаторскую деятельность в революционных организациях Китая.

По указанию японской разведки, СИ-И-СЕН в 1923 году переехал в Германию, откуда в 1924 году во Францию, где

проник в Компартию Франции. В 1925 году, якобы, опасаясь репрессий французской полиции, бежал в СССР.

Прибыв в Москву, СИ-И-СЕН проник в коммунистический университет народов Востока, где создал из числа китайских студентов шпионскую группу, в которую завербовал 12 человек. Все они впоследствии Коминтерном были направлены в Китай на руководящую работу в китайскую компартию и китайскую Красную армию.

В 1934 году СИ-И-СЕН получил задание японцев переехать для организации шпионско-диверсионных резидентур на побережье Черного моря. СИ-И-СЕН через Профинтерн добился назначения в интерклуб моряков в Батум, затем в Одессу, где создал шпионскую резидентуру, собиравшую материалы о береговой обороне побережья Черного моря.

СИ-ИСЕН – МОРОЗОВ назвал японскую агентуру в Москве из числа корейцев: КИМ-ТИН-ША и ПАКА – аспирантом КУТВ, лично завербованных им китайцев: ЛУ-И, ТАЙ-ЧАН-ДЕ, ЛУИ-ПЕ-ТЯН, ЛИ-Ю-КАЙ, ВАН-ТИН-И, ЛО-ГАН, ЛИ-У-ЯН, ВОН-ВАН-ЮН, СУН-СИ-КЬЮБ, ЕН-ЧО-СЕН, БУАН-ТУН-ЮН И ВУАН-ТУН-КАН, а также прибывших совместно с ним из Франции агентов японской разведки, впоследствии направленных в Китай: ЛО-СИ-ВАН, ВАН-СИ-ЛА, МУ-ФУ-КИН, ТАН-ХИ-ЕН и ВАН-ЕН-ДА. <...>

НР 1276/сн

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УССР
КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 3
РАНГА

Успенский.

«I» июня 1938 года г. Киев

ГДА СБ Украины. – Ф. 16. – Оп. 31. – Спр. 8 (1951 р.).
– Арк. 258-275.

Завірена копія. Машинопис.

№ 8

Записка наркома внутрішніх справ УРСР В. Успенського щодо оперативно-слідчої роботи по розгрому німецько-фаши-

стського підпілля, створеного німецьким генеральним штабом в Україні

22 липня 1938 року

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ЗАПИСКА ПО ПРОВОДУ № 4284⁴
МОСКВА НКВД СССР

тов. Е Ж О В У Н.И
тов. ФРИНОВСКОМУ
тов. НИКОЛАЕВУ

Докладываю дальнейшие результаты оперативно-следственной работы по разгрому немецкого фашистского подполья, созданного германским генеральным штабом на Украине.

В Одесской области вскрыт немецкий областной национал-социалистский центр, работой которого руководил германский разведчик РЕШ Антон – представитель германской концессии в Одессе «Решсборсырье» (выехал в Германию в 1932 году).

В состав областного немецкого национал-социалистского центра входили:

ВЕРНЕР Рудольф – доцент Одесского физико-математического института (арестован);

БИРТ – работник Облнаробраза (арестован);

ДОРНГОФ Кондрат – работник немецкой школы, бывший белый, бывший эсер (арестован);

РЕММЕЛЬ Густав – бывший заведующий нацменотделом Одесского Облисполкома, бывший член ЦИК»а УССР, бывший белый (осужден).

Одесский национал-социалистский центр возглавил остатки созданных в период гражданской войны повстанческих отрядов «Зельбшцц», националистических союзов «Сонемкол» и «Национальный союз немцев Украины» и развернул широкую работу по формированию шпионско-диверсионных и штурмовых отрядов в промышленности и национально-немецких колониях.

Нами ликвидированы созданные этим центром антисоветские формирования:

В гор. Одессе штурмовой отряд в составе 30 штурмовиков, под руководством кулака ИЙСЕНА Эльберга (арестован);

В Спартаковском и Цебриковском районах 6 штурмовых отрядов, в составе 558 штурмовиков, под руководством инспектора Наробраза ШИЦЛЕ Ивана, учителя немецкой школы ИЕССЕ Людвиг и кулака ШЕРА Матвея (арестован).

В Карл-Либкнехтовском районе 3 штурмовых отряда, в составе 95 штурмовиков, под руководством бывших участников «Зельбшун» — ГОХГАЛТЕРА Готлиба, ГЕРДТА Генриха и ШАРДТА Петра (арестован).

В Зельцском районе 3 штурмовых отряда, в составе 115 штурмовиков, под руководством культуротника, троцкиста ГОЛУБКОВА и учителя немецкой школы АРНОЛЬДА Ивана (арестованы).

Все активные участники штурмовых отрядов арестованы.

Национал-социалистский центр также проводил работу по созданию шпионско-диверсионных групп в промышленности.

Такие группы вскрыты и ликвидированы на следующих заводах и предприятиях: На Одесских заводах им. Ленина, А.Марти, «Большевик», во главе с агентом германской разведки — бывшим управдомами германского консульства в Киеве КРАВЧЕНКО (арестован). На Одесском заводе им. «Октябрьской Революции» и Мясокомбинате, во главе с агентом германской разведки ШУМИЛОВЫМ Владимиром (арестован).

Как устанавливается следствием, национал-фашистским центром в Одессе создавались также террористические группы для террора против руководства ВКП(б) и Советского правительства.

Террористические группы по поручению национал-социалистского центра создавал участник организации — доцент физико-математического института ВЕРНЕР Рудольф (арестован).

Так, ВЕРНЕРОМ был создан в Одесском медицинском институте штурмовой террористический отряд, называвший-

ся «Гитлер-Югенд», в составе 14 штурмовиков из числа студентов немсектора института. Во главе отряда стоял студент, германский подданный – ГУТО Бруно (арестован). Отрядом был разработан план террористических актов против членов Политбюро ЦК ВКП(б). Отряд был разделен на боевые группы, которые должны были осуществлять террористические акты. Оружие для террористических актов участники боевых групп должны были получить из германского посольства в Москве, через руководителя отряда ГУТО Бруно (арестован).

<...> Дальнейший разгром немецкого фашистского подполья и шпионско-диверсионных резидентур германского генерального штаба – продолжаем.

О результатах буду докладывать.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УССР
КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 3
РАНГА

Успенский

№ 1959/Сп « 22 » июля 1938 г.

ГДА СБ України. – Ф. 16. – Оп. 31. – Спр. 15. – Арк.258-270.

Оригінал. Машинопис.

*Дмитрий Урсу,
доктор исторических наук,
профессор кафедры новой и новейшей истории
Одесского национального
университета им. И.И. Мечникова*

**ГЕНЕТИКА В ОДЕССЕ:
СТО ЛЕТ БОРЬБЫ, ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ**

*«Так отворите же архивы!
Избавьте нас от небыллиц,
Чтоб стали ясными мотивы
Событий и деянья лиц».*
Д. Самойлов

Сто лет назад в Одессе произошли два тесно связанных между собой события, которые имели огромные последствия для развития биологической науки не только в Украине, но и далеко за ее пределами. Нарушителем спокойствия в южном городе стал молодой приват-доцент Императорского Новороссийского университета А.А. Сапегин, недавно вернувшийся из годичной зарубежной командировки. С началом 1912-1913 учебного года он стал читать на естественном отделении физико-математического факультета новый курс о законах наследственности в растительном мире. Весной того же года, стремясь претворить теоретические знания в практику, он с тремя помощниками на окраине города вспахал землю и посеял разные сорта пшеницы. Селекционную работу по выведению новых сортов Сапегин начал на небольшом опытном участке.

Так в Одессу пришла новая биологическая наука, получившая незадолго до этого (1906 г., У. Бетсон) название генетика. Вспаханное Сапегиним Одесское опытное поле (такое официальное название этого крохотного учреждения), пройдя ряд трансформаций, со временем превратилось в широко известный Всесоюзный селекционно-генетический институт им. Т.Д. Лысенко. Его руководитель с тем же именем

сначала очаровал товарища Сталина и покориł Кремль, затем Москву, Ленинград, Киев, всю страну, стал на десятилетия монополистом во всех отраслях биологической науки. Одесса превратилась в питомник лысенковщины — уникального идейно-политического и научного феномена XX века, споры о котором не утихают до сих пор.

Социальная история генетики в последние годы привлекает все большее внимание ученых [1]. Однако диалектика отношений «центр-регионы» остается в тени, а Одесса как крупный центр генетической науки упоминается лишь мимоходом. Что касается немногочисленных публикаций по истории Селекционно-генетического института и кафедры генетики Одесского национального университета [2], то они выполнены непрофессионально, без использования документальной базы, содержат фактические ошибки, в значительной мере тенденциозные по оценкам и выводам. Так, период монополии Лысенко замалчивается, а о ее тяжелых последствиях для биологической науки и сельского хозяйства не сказано ни слова.

Настоящая публикация имеет своей целью дать связанное и строго объективное изложение основных этапов развития генетики за 1912-2012 гг. в научных учреждениях Одессы: в Селекционно-генетическом институте и его предшественниках, на биологическом факультете университета, в сельскохозяйственном институте. На основе новых, впервые вводимых в научный оборот архивных документов будут показаны основные персонажи научного процесса, борение идей и кипение страстей, фатальные последствия вмешательства политики в теоретические дискуссии, достижения, просчеты и поражения одесских генетиков.

Время с 1912 по 2012 год может быть разделено на четыре неравных периода:

1. Начальный период классической генетики (1912-1933);
2. Установление монополии Лысенко (1934-1964);
3. Возрождение классической генетики (1965-1991);
4. Современный период (1992-2012).

Содержание каждого этапа и его обоснование будут даны в соответствующих разделах, однако предварительно следует сделать несколько замечаний. Во-первых, предлагаемая периодизация, хотя и учитывает развитие генетики в мире и стране, вальтна лишь для особых условий Одессы. Во-вторых, период лысенковщины в масштабах центра страны прошел два этапа: захват Лысенко командных высот в биологической науке (1934-1948) и установление его монополии (1948-1965). Ликвидация его наследия в Одессе, в отличие от других регионов, затянулась на целое десятилетие. В-третьих, первые три из предложенных выше периодов характерны доминированием одного крупного ученого (лжеученого, если речь идет о Лысенко): в первый период генетика в Одессе развивалась под знаком академика А.А. Сапегина, второй – трижды академика Т.Д. Лысенко, третий период – дважды академика А.А. Созинова. Даже отсутствие Лысенко в Одессе (начиная с 1939 г.) не ослабило его контроля над событиями и процессами в городе, где у власти оставались его единомышленники и куда он часто приезжал. Время покажет, можно ли дать имя В.М.Соколова, директора Селекционно-генетического института с 1993 г., или другого ученого нынешнему, последнему периоду одесской генетики.

1. Начальный период классической генетики

Этот этап развития генетической науки в Одессе был начат, как сказано выше, теоретическими изысканиями и практически-ми трудами А.А. Сапегина. На протяжении более 20 лет он оставался организатором и главным исполнителем разнообразных мероприятий, имеющих целью создание в Одессе научных учреждений генетико-селекционного направления, подготовкой для них квалифицированных кадров. Так что начальный этап развития генетики смело можно назвать сапегинским.

Будучи ботаником по образованию, специалистом по мхам, Сапегин стал генетиком, пробыв год в научных лабораториях Берлина и Праги. По его собственным словам, он «попал в свою тарелку» с весны 1911 г., когда начал заниматься цито-

логией и генетикой. Большое влияние на этот поворот оказали берлинский профессор Э.Баур, генетик по специальности, и его пражский коллега Б.Немец — цитолог и генетик, автор многих работ по вопросам наследственности у растений. В декабре 1911 г. Сапегин защитил магистерскую диссертацию, вскоре стал приват-доцентом, а с началом учебного года предложил студентам-естественникам новаторский курс лекций на тему «Законы наследственности и методика отбора сельскохозяйственных растений». В качестве пособия он рекомендовал собственный учебник «Законы наследственности как основа селекции в сельском хозяйстве» [З. 9-10, 32]. Через год курс лекций молодого преподавателя стал называться проще «Генетика и селекция», а среди рекомендованных пособий названы книги по менделизму Пеннета и Богданова.

«Генетика привела Сапегина к селекции, а селекция заставила войти поглубже в агрономию», — так афористично ученый характеризует собственную эволюцию в написанной от третьего лица автобиографии. Еще до начала преподавания основ генетики в университете, весной 1912 г., Сапегин заложил первые эксперименты по выведению новых сортов зерновых. Он был назначен руководителем селекционного отдела Одесского опытного поля, имея в своем распоряжении годовой бюджет в 600 руб. и 400 кв. сажень земли (1 кв. сажень равняется 4,55 кв. метров). «Дело селекции на строго научных основах генетики было совершенно ново в те часы, встречалось недоверчиво и недружелюбно. Необходимо было популяризировать эту идею, для чего выходят «Законы наследственности», «Вехи селекции», «Этапы менделизма» и др. Но еще большим новатором был Андрей Афанасьевич в деле уточнения методики полевого опыта. Можно определенно сказать, что проф. Сапегин не только перенес на русскую почву западноевропейскую методику опытного исследования, но разработал ее применительно к нашей агрономической практике, ввел целый ряд своих, новых положений, конкретизировал ее, упростил и тем продвинул в широкие круги опытников

метод математического анализа опытных данных» [4, 7-8].

Возглавляемый Сапегиним селекционный отдел в 1918 г. был преобразован в Одесскую сельскохозяйственную селекционную станцию. Итоги работы по выведению новых сортов за десять лет он подвел в вышедшей в 1922 г. брошюре. В ней с нескрываемой гордостью сообщается, что в тяжелейших условиях империалистической и гражданской войн, послевоенной разрухи одесские селекционеры, используя в полной мере теоретические основы классической генетики, сумели вывести ряд ценных сортов озимой и яровой пшеницы. В частности, путем скрещивания чистых линий из местных сортов была выделена Кооператорка, которая давала по пару более 200 пуд. с десятины, что намного выше прежних сортов. Даже в засушливом 1921 г. было получено по 90 пуд. Хорошо также себя показали новые озимые сорта Земка и Степнячка, яровые — Черноуска и Гирка [5, 19-22].

Кроме высокой урожайности у Кооператорки были и другие достоинства. Мука, выработанная из зерна этого сорта, обладала превосходными хлебопекарными качествами, так что зерно охотно покупали за границей. Другое преимущество — высокая засухоустойчивость, поэтому Кооператорку широко сеяли в южных районах страны — до 5 млн. га, намного больше, чем ее соперницы. Даже после войны, когда были выведены новые сорта, она все еще занимала до 1,5 млн. га [8]. А в районах Средней Азии и Казахстана популярность этой долгожительницы длилась до середины 1970-х гг.

Параллельно с научно-исследовательской и практической работой по селекции зерновых Сапегин продолжает изыскания в области теоретических проблем классической генетики, а также ведет большую педагогическую нагрузку в Одесском сельскохозяйственном институте (ОСХИ), открытом в 1918 г. при его активном участии. В тяжелые, по разным причинам, 1919 и 1921 гг. он был ректором. В его характеристике записано: «Особенность педагогической деятельности профессора Сапегина заключалась во внедрении математических ме-

тодов и генетического анализа в область биологических исследований. Желая сделать свои методы доступными более широкой аудитории, он публикует ряд учебников: «Основы теории и методики селекции сельскохозяйственных растений» (1913), «Определение точности полевого опыта с помощью элементов вариационной статистики» (1921), «Вариационная статистика» (1922, два издания на русском языке, 1926 — издание на украинском языке), «Общая методика селекции» (1925, на русском и украинском языках) [4. 8]. На агрономическом факультете ОСХИ он занимает должность профессора генетики и агрономии, читает лекции [6. 328]. В октябре 1921 года по решению Наркомпроса УССР была создана образцовая научно-исследовательская кафедра, в составе которой секцией селекции руководил Сапегин [7. 105]. Позже, в 1923 г., эта кафедра выведена из состава ОСХИ и подчинена непосредственно Наркомпросу; теперь Сапегин заведует кафедрой и непосредственно ведет в ней секцию генетики. С октября 1926 г. секция развернута в самостоятельную научно-исследовательскую кафедру генетики, которая в своей практической деятельности опирается на материальную базу Одесской краевой сельскохозяйственной опытной станции [4. 4].

Благодаря тесному сотрудничеству науки и практики на станции с каждым годом расширяется набор культур, с которыми ведется селекционная работа: с 1924 г. изучается подсолнечник, с 1925 — суданская трава и картофель; с 1926 — хлопчатник, с 1927 — арахис, различные овощи. Руководитель кафедры генетики и опытной станции профессор Сапегин, после долгого перерыва, получает возможность совершать заграничные поездки: в 1925 г. он побывал в Швеции, в 1927 г. в составе советской делегации участвовал в работе V Международного генетического конгресса в Берлине, где выступил с докладом «Филогенетические исследования пшеницы». Спустя два года он посетил научно-исследовательские учреждения Германии и Чехословакии [9. 7]. Поездки Сапегина за рубеж способствовали, с одной стороны, росту между-

народного авторитета одесских генетиков и селекционеров, а с другой — позволили им быть в курсе новейших достижений мировой науки.

К концу 1920-х гг. авторитет Андрея Афанасьевича в научном мире и у агрономов-практиков был так высок, что когда Наркомат земледелия решил объединить все агрономические учреждения Одессы и открыть здесь Украинский генетико-селекционный институт, то лучшую кандидатуру на пост директора найти было нельзя. УГСИ был открыт 10 октября 1928 г. на основе тех материальных и интеллектуальных богатств, которые накопила генетическая наука в Одессе с 1912 г. В названии института слово «генетика» поставлено на первое место: это соответствовало концепции Сапегина, утверждавшего, что именно наука о наследовании является теоретической базой селекции. Когда институт был по настоянию Лысенко в 1934 г. переименован, то слово «генетика» поставили на второе место, и это имело глубокий смысл. Заниматься здесь стали, прежде всего, и главным образом селекцией с применением традиционных приемов, а генетика отодвинута в сторону, а вскоре — вообще ликвидирована.

Возглавив новый институт, Сапегин активно занялся его обустройством, стремясь сделать максимально эффективным, где теория и практика сельскохозяйственной науки гармонично бы сочетались, дополняя друг друга. Структурно УГСИ был поделен на несколько отделов: селекции, генетики, физиологии, защиты растений, техноаналитики. Среди первых сотрудников оказались люди, которых как ученых вырастил Сапегин, но которые предали его в тяжелую минуту (М.А. Олшанский, А.И. Воробьев, И.Д. Колесник, И.Е. Глущенко, А.М. Фаворов). В первые годы существования УГСИ заботой директора и местной власти укреплялась его материально-техническая база: строились производственные и жилые здания, лаборатории, теплицы, закупалось оборудование [10. 356].

Признанием заслуг Андрея Афанасьевича в научной, педагогической и селекционной деятельности стало его избрание

в 1929 г. в действительные члены Всеукраинской Академии наук. Вместе с ним этой чести были удостоены еще два одессита — историк М.Е. Слабченко и биолог Д.К. Третьяков. Судьбы всех трех новых академиков удивительным образом совпадают. Слабченко и Сапегин были вскоре по надуманным предложениям арестованы. С Третьяковым Сапегина роднит то, что оба подверглись шельмованию со стороны лжеученых, правда, в разное время: Сапегин раньше, а с Третьяковым расправились два десятилетия позже.

Получив заказанную за рубежом новую аппаратуру, Сапегин одним из первых в стране начал эксперименты по облучению рентгеновскими лучами семян озимой и яровой пшеницы, других растений (1929-1933). Он получил большое количество генных мутаций, о которых доложил на прошедшем в Одессе I Всеукраинском генетическо-селекционном съезде [11. 91]. На методологическом семинаре, прошедшем в 1932 г. в Одессе, Сапегина видел будущий знаменитый генетик академик Дубинин. Он вспоминает, как хозяин с гордостью продемонстрировал гостям рентгеновскую установку и экспериментальные поля, где выращивались радиомутанты пшеницы: «Это был первый в мире рентгеновский аппарат, поставленный на службу селекции растений. На полях института росли первые в мире искусственно полученные для селекции формы растений с унаследованными отклонениями». Затем Дубинин продолжает: «Вспоминаю самого Сапегина — радостного, возбужденного новым, открытым им миром искусственно создаваемых форм пшеницы» [12. 54].

Следует, однако, иметь в виду, что к этому времени Сапегин уже не был полновластным руководителем УГСИ: с 1931 г. до своего вынужденного отъезда из Одессы он работал заместителем директора по научной части. Директором был назначен член партии, агроном Ф.С. Степаненко, все больше подпадавший под влияние нового сотрудника Т.Д. Лысенко, занимавшего с октября 1929 года должность старшего специалиста лаборатории морфологии растений. Позиции Сапегина

в Наркомате земледелия и в своем коллективе подорвали два неприятных обстоятельства, от него никак не зависящих. Первое из них состояло в том, что в результате сильных морозов в суровые зимы 1927-1928 и 1928-1929 гг. выведенные Сапегиним сорта пшеницы почти полностью погибли. Другое обстоятельство — его кратковременный арест во время совещания в Харькове по указанию всесильного наркома земледелия СССР Я.А. Яковлева (Эпштейна), обвинившего заслуженного ученого во вредительстве и саботаже. Отсутствие достоверной информации и противоречия в специальной литературе не позволяют даже точно датировать этот арест.

Появление Лысенко в Одессе и его деятельность вызвали в коллективе УГСИ неоднозначные мнения и оценки. Новый директор института Степаненко в мае 1931 г. писал своему знакомому в Москву об успехах Лысенко в продвижении яровизации, чудодейственного способа повышения урожайности зерновых: «Последние достижения тов. Лысенко сулят нам такие перспективы для практического применения, какие нельзя было предполагать еще несколько месяцев назад... Лысенко заставляет кукурузу вызревать на две-три недели раньше, воздействуя темнотой на чуть начавшие прорасти семена. Вследствие этого открывается возможность перенести кукурузу на далекий север... С хлопком получены такие же блестящие данные... Через месяц-полтора ожидай сообщение о том, что кукуруза выбросит метелки вместе с началом цветения ранних яровых, а хлопок вступит в бутонизацию недели на две раньше обычного». Директор института неспроста расписывал успехи Лысенко: они добивались получения дополнительных денег на его эксперименты. Примечательно заключение к письму: «Лысенко очень осторожен, скромн. Работает буквально и день, и ночь» [13, 92].

Иное впечатление произвел Лысенко на молодого ассистента Н.К. Шкварникова, ставшего впоследствии крупным ученым-генетиком. В 1928-1929 гг. он под руководством Сапегина проводил опыты по мутагенезу у картофеля. Позднее

Шкварников вспоминал: «Лысенко поразил меня своей примитивностью... Если Лысенко отличался чем-то от других, то в первую очередь лицемерием, невежеством, необразованностью» [14]. Как это иногда бывает в жизни при оценке сложных психологических типов, оба мнения — и Степаненко, и Шкварникова — подтверждаются как наблюдениями других людей, так и реальными фактами. Лысенко, вне сомнения, был человеком больших способностей, сильной воли, необычайного трудолюбия, целеустремленный и смелый. В то же время это был талантливый артист, редкий притворщик и лицедей: где надо, действовал грубо, бесцеремонно, цинично и агрессивно; в других случаях становился мягким, льстивым, скромным, умел войти в доверие к большим и малым начальникам. Это был глубоко безнравственный человек, подлый и коварный. О справедливости таких оценок говорит вся его биография, начиная с первых шагов стремительной карьеры, увенчанной высочайшими — и незаслуженными — наградами.

А начинал он ее в Одессе, будучи очень осторожным, скромным, необычайно трудолюбивым — день и ночь проводил в поле, у своих опытных делянок. Не забывал, однако, напомнить о себе руководителю наркомата земледелия Яковлеву и президенту ВАСХНИЛ Вавилову. В феврале 1931 г. Лысенко сделал доклад о яровизации на заседании президиума академии по приглашению ее президента. Весной следующего года Вавилов сам едет в Одессу посмотреть на агрономические чудеса талантливого молодого ученого. Правда, у него нет солидных публикаций, нет реальных результатов, но он так увлеченно говорит о будущих достижениях, что не верить ему невозможно. И Вавилов начинает ходатайствовать о том, чтобы малообразованного агронома без всяких научных заслуг, кроме двух-трех убогих публикаций (в соавторстве с Долгушиным) избрали действительным членом ВУАН.

По мере роста популярности Лысенко меняется обстановка в коллективе УГСИ: директор Степаненко полностью на его стороне, а отношения с научным руководителем Сапегин-

ным обостряются. Отсутствие документальных источников не позволяет проследить все перипетии этой борьбы, имевшей характер не только столкновения личностей, но прежде всего принципиальных идей. Ясно одно — Сапегин не был борцом, он не цеплялся за свое кресло. Когда в 1933 г. возник Институт генетики АН СССР, его директор Вавилов пожелал иметь Сапегина своим заместителем, Сапегин это приглашение принял и уехал из Одессы. На этом сапегинский период одесской генетики закончился.

2. Лысенковщина в Одессе

В Одессе Лысенко провел почти десять лет, за которые из скромного специалиста отдела физиологии развития, не имевшего никаких званий и степеней, превратился в знаменитого ученого, действительного члена двух академий — украинской и сельскохозяйственной (всесоюзной он станет в 1939 г. вместе со Сталиным). После изгнания Сапегина он становится научным руководителем института, изменившего статус и название — отныне это Всесоюзный селекционно-генетический институт (ВСГИ), а пост научного руководителя выше директорского. Правда, это длилось недолго: с 1936 г. он занимает обе должности. Несогласные покидают Одессу, их место занимают лично преданные новому вождю беспринципные молодые люди — Долгушин, Презент, Авакян. В 1935 г. в Одессе под патронатом Лысенко проходит выездная сессия ВАСХ-НИИ, членом которой он недавно стал. Новый академик выступает с докладом, в котором пытается опровергнуть один из постулатов генетики касательно селекционной работы с чистыми линиями растений (инцухта). Он уже не скромный и осторожный новичок; это опасный и беспардонный полемист, смело нападающий на признанных авторитетов передовой в мире советской генетики.

Его наглость объясняется просто: еще в феврале того же года новое светило биологии получило индульгенцию на прошлые и будущие грехи от «верховного папы», сидящего в Кремле. На съезде колхозников Сталин прервал горячую демагоги-

ческую речь Лысенко против вредителей в науке словами: «Браво, товарищ Лысенко, браво!». От этого одобрения до вершины карьеры всего один шаг — меньше чем через три года он стал президентом ВАСХНИЛ и затем переехал в Москву. Полученный в Одессе опыт уничтожения классической генетики и продвижения своей путаной, псевдонаучной «мичуринской биологии» теперь ему пригодился для установления своей диктатуры в масштабах всей страны.

Параллельно с захватом командных высот в биологической и сельскохозяйственной науке Лысенко проводит кампании по внедрению в производство своих сомнительных открытий. Когда осенью 1929 г. он переехал в Одессу, то в кармане у него уже лежала крапленая козырная карта, которую разыграл с таким блеском, что ему могли бы позавидовать самые знаменитые шулера. Называлась эта карта Яровизацией и заключалась она, если быть кратким, в следующем. Если семена озимых культур перед посевом выдержать 5-15 дней при низкой температуре (или в темноте, как Лысенко считал поначалу), с едва проклюнувшимися ростками, то растения будут развиваться много быстрее и дадут более высокий урожай. Несколько позже, не проведя необходимых испытаний, Лысенко перенес яровизацию и на яровые культуры, сделал из нее некое универсальное средство повышения урожайности во всех регионах страны. Напрасно серьезные ученые, в том числе Сапегин, объясняли ему, что прием яровизации известен уже сто лет и давно заброшен, ожидаемых результатов не дает. Заручившись поддержкой наркома Яковлева, Лысенко с присущим ему упрямством и размахом стал пропагандировать яровизацию как «новый и перспективный прием колхозной агротехники».

Наглядное представление о демагогических методах внедрения своих начинаний, где элементарные агрономические знания перемешаны с хлестаковщиной и очковтирательством, дает брошюра Лысенко и Степаненко, изданная большим тиражом на украинском языке. Авторы начинают с явного обмана:

«В борьбе за высокие и устойчивые урожаи много колхозов и совхозов в 1932, 1933, 1934 и 1935 гг. применяли яровизацию и в огромном количестве случаев имели повышение урожайности». Но уже в следующем предложении от агротехники авторы переходят к политике: по адресу сомневающихся, критиков и оппонентов выдвигаются обвинения в пособничестве «классовому врагу»: «Введение нового агроприема — яровизации — вызвало бешеное сопротивление классового врага. Он пытался, используя новизну этого приема и неосведомленность с ним широких колхозных масс, сорвать его применение и этим помешать делу повышения урожайности». Далее авторы, жонглируя цифрами, которые невозможно проверить, утверждают, что в 1935 г. яровизация яровых хлебов (пшеницы, ячменя, овса) применялась на площади в 2,1 млн. га и что это якобы дало прибавки урожая в 2,5 млн. центнеров. И все эти великие достижения получены благодаря открытию тов. Т.Д. Лысенко, доложенного им в январе 1929 г. на Всесоюзном генетическом съезде в Ленинграде. В заключение авторы обещают в ближайшее время подготовить инструкцию по яровизации картофеля и хлопчатника [15. 3-9, 14-20].

Серьезные ученые, однако, проведя эксперименты с яровизацией по строгой научной методике, доказали, что она не дает прибавки урожая. Так, акад. П.Н. Константинов приво-дил такие цифры: урожай пшеницы при посеве яровизированными семенами дал 9,6 ц с гектара, а на контрольной делянке, где садили неяровизированными, было получено 9,56 ц. Разницу в 4 кг можно не принимать в расчет, так как она находится в пределах статистической погрешности [16, 245-246]. Как жестокий, но справедливый приговор выдумкам Лысенко звучат слова современных украинских ученых: «Яровизация — бредовая идея Лысенко, [она] нанесла огромный вред производству» [17].

Сплошным обманом закончилось данное Лысенко в начале 1933 г. обещание вывести за 2,5 года новый высокоурожайный сорт пшеницы. «В настоящее время (написано в 1937

г. — Д.У.) мы имеем уже три сорта. Они прошли 2-летние полевые сортоиспытания...Еще в 1935 году бросилось в глаза хорошее их поведение» [18, 8]. А вот заключение трех видных специалистов — академиков П.Н. Константинова и П.И. Лисицына, доктора наук Трайчо Костова, которые летом 1936 г. посетили Одессу и побывали на полях Селекционно-генетического института: «Не было государственного сортоиспытания... зерно слишком мучнистое... сорт дает плохой сбор... поражается головней» [19. 293]. Новый сорт, если он был, оказался хуже прежнего.

Жертвами невежественных экспериментов «народного академика», как лъстиво звала Лысенко партийная пропаганда, кроме зерновых, стали в 30-е годы еще два растения — картофель и хлопчатник. По разным причинам и та, и другая культуры были в большом дефиците. Лысенко вновь стал соблазнять власть имущих своими прожектами быстро и без затрат увеличить их производство. По картофелю он предложил садить его, против обыкновения, не ранней весной, а летом. В документах Одесского обкома партии хранится любопытное письмо директора ВСГИ Лысенко от 11 октября 1936 г. Оно адресовано следующим образом — Секретарю Одесского обкома партии т. Вегеру Е.И. — и начинается словами: «Дорогой Евгений Ильич! Опыт трехлетней посадки картофеля в колхозах Одесской области блестяще оправдал это агромероприятие. В прошлом году летние посадки применялись в 600 колхозах Одесской области, в этом же 1936 году — в большинстве колхозов Одесской области. Теперь уже вопрос стоит не о проверке этого мероприятия, а о принятии мер для более полного внедрения его в колхозах и совхозах юга УССР с тем, чтобы во много раз увеличить получение валовой продукции картофеля на юге».

Далее Лысенко, надев маску рачительного хозяина, заботящегося о будущем урожае, просит главного одесского партийца не забирать выращенный летний картофель в счет госпоставок. Он объясняет: «Я знаю, что недавно прошедший Пле-

нум Обкома (с заглавных букв! — Д.У.) в своем постановлении принял решение о значительном (до 100 тыс. га) расширении в 1937 г. площадей в Одесской области под летние посадки картофеля. Моя просьба заключается в том, чтобы были приняты все меры для наилучшего хранения урожая от летних посадок картофеля, как семенного материала для весенних и летних посадок 1937 г.». Затем автор письма подробно советует Вегеру, как сделать, чтобы урожай этого года остался на месте и как его перераспределить между колхозами [20. 59-60]. Перед читателем, таким образом, предстает государственно мыслящий человек, вежливо, но твердо защищающий интересы общества от хищных заготовителей, которые равнодушно смешивают ценный «лысенковский» картофель со старым урожаем. Стилистика и пафос этого послания сродни тем письмам, которые через десяток лет Лысенко будет писать Сталину. Нет, впрочем, уверенности в том, что малообразованный агроном писал их сам, ведь у него — и в Одессе, и в Москве — был личный писарь, он же — придворный философ, по фамилии Презент.

С хлопчатником Лысенко имел меньше забот, чем с зерновыми и картофелем, так как им занимался ближайший помощник М.А. Ольшанский. Последний, только что закончив аспирантуру ВСГИ, был по настоянию Лысенко назначен заведующим отделом хлопчатника. А сам отдел появился как следствие постановления ЦК КП(б)У от 15 февраля 1932 г., которое предусматривало внедрение этой культуры в южные районы республики и, соответственно, расширение научно-исследовательской работы, начатой еще Сапегиным. Постановление предусматривало также переселение крестьян-хлопкоробов из республик Средней Азии и Казахстана [21. 17-18]. В начале следующего года началась контракция в колхозах выращенного с большими трудностями хлопка-сырца [21. 98]. Между тем, Ольшанский, пользуясь покровительством Лысенко, продолжает карьерный рост. В 1936 г. он «изобретает» чеканку хлопчатника, прием, хорошо известный в хлопкосеющих районах. После

отъезда шефа в Москву, он исполняет обязанности директора ВСГИ (1938-1941). Накануне войны Ольшанский получает Сталинскую премию за выведенный новый сорт хлопчатника Одесский-1. В представлении Селекционно-генетического института об Ольшанском сказано: «Овладел мичуринской теорией наследования», а о его детище следующее: «Сорт скороспелый, высокоурожайный, волокно лучшего качества» [22, 64]. Чем закончилась «хлопковая» авантюра на Одессине, с цифрами в руке будет показано ниже.

В апреле 1935 г., вскоре после публичной похвалы Сталина, в Одесском обкоме партии была составлена обстоятельная докладная записка «О состоянии и работе Селекционно-генетического института», содержащая ряд неизвестных фактов из его истории. Кроме того, она проливает дополнительный свет на пути и приемы установления культа личности Лысенко в масштабах региона. Поэтому целесообразно на этом документе остановиться подробнее. Первое, что бросается в глаза, это тенденциозность докладной: ее цель — прославление Лысенко и охаивание его предшественника. Начинается она с утверждения, что институт в первые годы существования (1928-1932) «<...> не выполнял задач по созданию новых селекционных сортов, отвечающих требованиям социалистического сельскохозяйственного производства. Выведенные же сорта озимых пшениц (Кооператорка, Земка, Степнячка) оказались непригодными для района первоначального назначения. Такие же неудовлетворительные результаты были получены по важнейшим культурам как хлопчатник, подсолнечник и картофель». Далее автор (или авторы, так как документ редактировал приближенный к Лысенко человек, скорее всего, Презент) всю вину взваливает на Сапегина и «буржуазную генетику»: «Причиной отставания селекционной работы являлась неверная методика исследований, базировавшаяся на теоретических положениях агробиологической науки, исходившей из формальных установок <...>. Бывший же научный руководитель акад. Сапегин, продолжая традиции бур-

жуазной агробиологической науки, способствовал малой эффективности работы института».

В обкомовской записке пишется о приходе в ВСГИ Лысенко и о тех «великих преобразованиях», которые он инициировал: здесь и яровизация с фантастической цифрой в 5 млн. пудов дополнительного урожая, и летняя посадка картофеля, имеющая будто бы «громаднейшее значение», и прочие научные подвиги. Это та пустая риторика и произвольные цифры, которые потом будут повторяться три десятилетия. Особый интерес историка вызывает другое, а именно: в стенах Селекционно-генетического института были мужественные люди, сопротивляющиеся натиску невежества и обмана. «Все время шла <...> классовая борьба против группы специалистов, которые отстаивали традиционные установки буржуазной науки <...>. Имело место как глухое сопротивление, так и недооценка общего для агробиологической науки теоретического значения работ Лысенко. Некоторые специалисты относились враждебно к теории развития (Брокерт, Сапегин), выступая против перестройки селекции на новых основах. Рупором этой группы являлись и отдельные коммунисты (Письманко) и комсомольцы (Краевой)» [23. 16-24]. За исключением Сапегина, биография которого в общих чертах известна, мы ничего не можем сказать о Брокерте, Письманко, Краевом и других, которые защищали подлинную науку в условиях наступления лысенковского мракобесия.

Когда настал 1937 г., то Лысенко, несмотря на весь свой авторитет в Одессе, не смог (или не захотел) защитить от репрессий своих сотрудников. В Селекционно-генетическом институте были разоблачены «шпионы» — болгарский Данчев и румынский Бабак, заведующий отделом селекции картофеля [25. 48]. Зато всесильный академик, депутат и лауреат очень заботился о собственном материальном благополучии: когда городские власти попытались «уплотнить» особняк, где он проживал с семьей, то сразу возмутился и написал в обком. Оттуда немедленно последовал окрик: жилье освободить и «ценного для

Одессы» деятеля впредь не беспокоить [25, 48].

Своих сотрудников он не защитил, но немедленно включился в спасение своего наперсника Презента, известного как человека непорядочного, нечистоплотного. Из Ленинградского университета он был изгнан за аморальность, в Одессе продолжал свои проделки. Об этом говорит найденный в архиве документ — сопроводительное письмо, посланное в январе 1938 г. в отдел науки ЦК КП(б)У. В нем сообщалось, что в Киев отсылается выписка из протокола закрытого партийного собрания ВСГИ, на котором рассматривали «вопрос Презента» [26, 48]. Как и в чем оконфузился Презент, узнать невозможно, так как текст выписки в деле отсутствует. И несмотря на этот проступок (в этом нет никакого сомнения), в конце того же года Одесский обком, уже без «дорогого» и «уважаемого» Вегера, горячо поддержал Лысенко и его верного оруженосца Презента, наводившего марксистский глянec на теоретически беспомощные писания шефа, на выборах в действительные члены АН СССР. В представлении обкома этот «философствующий биолог» указан как редактор издававшегося в Одессе журнала «Яровизация» [26, 188].

О работе Селекционно-генетического института в последний мирный год перед войной (1940-й) можно судить по обширному, в 93 листа, отчету о научно-исследовательской деятельности отдела генетики, подписанному его заведующим В.Ф. Хитринским. Отдел разрабатывает две темы, которые после войны будут повторяться в течение десятилетий: направленное изменение природы растений путем воспитания и вегетативная гибридизация как метод селекции. Есть и третья тема — биологические закономерности оплодотворения культурных растений для улучшения методики семеноводства и селекции самоопылителей. Отдел работает на прочной теоретической базе учения Мичурина и Лысенко, отвергая буржуазную генетику, стоящую на позициях менделизма-морганизма. Достижениями отдела являются работы А.А. Авакяна с озимой пшеницей и И.Е. Глуценко с гибридами ржи [27, 1-54].

Подводя итоги довоенному десятилетию нельзя не согласиться с мнением Ю.М. Сиволапа и С.С. Малюты, которые недавно написали горькие слова: «В период с 1935 по 1940 год в отечественной биологии произошли события, которые невозможно представить даже в кошмарном сне» [17, 359]. Справедливость этого общего вывода подтверждается конкретными фактами по одному региону — Одесскому. Если в центрах биологической научной мысли — Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве после признания в 1939 г. партией двух научных течений, в равной мере стоящих на позициях материализма, временно установилось некое динамическое равновесие, то в Одессе полностью — и на долгие годы — победила лысенковщина.

В первый год после освобождения Одессы ВСГИ залечивает нанесенные войной раны, но в научной работе все идет по-старому. Главная тема исследований — «воспитание растений»; Ольшанский, как и прежде, принуждает колхозников сеять не то, что родит, а проклинаемый всеми хлопок — им занято 6 тыс. га лучших земель. Урожай из-за неблагоприятной погоды крайне низкий [28, 3-27]. Всего в институте работают 170 человек, из них 30 научных сотрудников и столько же научно-технических [29, 35]. В августе 1945 г. ВСГИ посетил руководитель партии и правительства УССР Н.С. Хрущев. Он дал указание в первую очередь работать над выведением новых сортов таких стратегических культур как хлопчатник и каучуконос тау-сагыз, а также дыни. Уже через два года плантация тау-сагыза выросла до 50 га, а хлопчатник занял многие тысячи гектар. Что касается дынь, то это был, скорее всего, каприз их любителя, не более, так как Украина всегда славилась своими дынями [30, 207-208].

Драматические события, связанные с попыткой освободиться от диктата лысенковщины, произошли в 1947 г. в Одесском сельскохозяйственном институте (ОСХИ). Здесь кафедру селекции и семеноводства с августа 1946 года занимал доцент Ю.П. Мирюта, избранный по конкурсу из четы-

рех кандидатов. Один из них, А.И. Воробьев, работал в селекционно-генетическом институте и был известен как прихвостень Лысенко. Во время заседания ученого совета выступавшие отмечали, что Мирюта создавал эту кафедру, имеет солидные публикации по профилю специальности, до войны заведовал кафедрой генетики Горьковского университета. Большинство голосов заведующим был избран Мирюта [31. 5-8]. В январе следующего года во время приема в партию Мирюту спросили с подвохом, как он относится к формальной генетике. Он ответил: «Партия одинакова и к тому и к другому направлениям, так как и формальная генетика и мичуринская теория в равной степени отражают реальную действительность» [32, 3]. В коллективе не было секретом, что Мирюта поддерживал деловые связи с такими выдающимися учеными как И.И. Шмальгаузен и С.С. Четвериков, последовательными сторонниками классической генетики, ездил на генетическую конференцию в МГУ. Знали и то, что Мирюта относится критически к учению Лысенко.

В институте началась травля Мирюты, которая не обошлась без закулисных интриг руководства ВСГИ и лично Лысенко, приехавшего осенью 1947 г. в Одессу. Его сообщники получили приказ уничтожить бунтовщика и изгнать его из Одессы. Открытое столкновение произошло на партсобрании в августе, когда обсуждалось письмо ЦК по делу Ключевой и Роскина, а также газетные статьи против Жебрака. Мирюта в своей речи заявил о том, что не только Жебрак, но и академик Лысенко стоят на идеалистических позициях. Собравшиеся осудили смелый поступок коллеги и потребовали от него «исправить свою политическую линию». На следующем собрании, 10 сентября, директор (ректор) института Вербин в своем докладе сказал следующее: «У нас есть такие, как Жебрак. Вот возьмем товарища Мирюту, он является ярким сторонником Жебрака, а мы воспитанием товарища Мирюты занимаемся очень много и долго и в конце концов товарищ Мирюта должен пересмотреть свои позиции, иначе

ему в институте у нас на педагогической работе не будет места». На эту угрозу Мирюта ответил: «Мне говорят одно, что я не могу критиковать профессора (так в тексте. — Д.У.) Лысенко и лишь потому, что он занимает такой высокий пост. А я считаю, что Лысенко в некоторых научных вопросах стоит на неправильных позициях, и я от своих взглядов не отказываюсь, хочу быть честным перед партией» [32. 62-65].

«Дело Мирюты» в сельскохозяйственном институте вызвало беспокойство в обкоме партии, в министерстве. В архиве отложилось несколько документов на сей счет, вот один из них, носящий заголовок «Информация о проведенной в ОСХИ дискуссии о внутривидовой конкуренции». Здесь о Мирюте сказано: «Мирюта Ю.П. противопоставил учению Лысенко свою «теорию» о «внутренних противоречиях в организме, как решающем факторе жизни растений» <...>. Все без исключения выступавшие осудили «теорию» тов. Мирюты, считая ее научно необоснованной, реакционной, являющейся ярким примером формальной генетики. Собрание рекомендовало тов. Мирюте пересмотреть ошибочные взгляды на вопросы генетики и исправить свои ошибки <...>. В настоящее время (документ не датирован. — Д.У.) тов. Мирюта оставил работу в институте и работает в Харькове, в Институте генетики АН УССР. Позицию формальной генетики занимал только тов. Мирюта, остальные работники института разделяют точку зрения советской генетики» [33. 56]. В информации не сказано, что опальный доцент был уволен на основании решения партийного бюро, перед которым его принудили сделать научный доклад «О теоретических основах гетерозиса у сельскохозяйственных растений» (Текст, к большому сожалению, не сохранился). В протоколе заседания нет и выступлений участников обсуждения, лишь краткое постановление: «Заведующий кафедрой селекции и семеноводства тов. Ю.П. Мирюта открыто и неоднократно объявлял себя сторонником формальной генетики. Снять с заведывания кафедрой. Оставить тов. Мирюту на должности доцента на другой кафедре» [34, 81-

8Юб.]. Только после этого Мирюта покинул Одессу и переехал в Харьков.

Примерно в то время, как в ОСХИ расправлялись с единственным ученым, осмелившимся открыто защищать подлинную науку от невежества, в свою вотчину прибыл главный «мичуринец», сам Трофим Денисович — трижды академик и трижды лауреат Сталинской премии. 22 сентября 1947 г. он обошел опытные поля ВСГИ, затем встретился с его сотрудниками и устроил им такую порку, что она им запомнилась на долгие годы. Первым «на ковер» был вызван заведующий отделом люцерны Венгровский: «Где семена люцерны для обеспечения посева в колхозах? В 1945 году вы ничего не сдали государству, то же самое в 1946 и 1947 годах. Почему в поле одна лебеда, а люцерны не видно? Неужели такую паршивую люцерну нельзя было без науки иметь? Десять человек работали четыре года — работали зря». В институте плохо идут летние посадки картофеля, выведение новых сортов ржи и кукурузы, были названы виновные персонально — Фаворов, Мусийко. Директора Родионова, кстати сказать, бывшего подсобного рабочего с начальным образованием, президент ВАСХНИЛ укорял за низкую культуру земледелия в подсобном хозяйстве: «Все эти прививки помидор на дерезе, дерезы на паслен и т.д., все это не нужно <...>. Когда все поле в бурьянах, то совершенно напрасно заниматься этими прививочками и никому не интересно на них смотреть. Это же просто страшно. Вам показывают прививочки, а кругом бурьян» [35, 9-25].

Гнев Лысенко справедлив и понятен: еще весной из Одессы заведующий отделом пшеницы Кириченко сообщил тяжелую новость: «Озимь погибла». Вскоре пришла новая неприятность: «Тау-сагыз пожирает проволочник» [35. 33, 36]. В Одессу президент, кроме инспекции своего родового гнезда, приехал проверить как идет внедрение двух новых культур — кахетинской (ветвистой) пшеницы и каучуконоса тау-сагыз. Пшеницу, на которую он возлагал большие надежды с тем, чтобы новый сорт назвать Сталинским, поручил своему ближайшему

протеже Ольшанскому. Но вот незадача: 30 июля руководители ВСГИ сообщают пренеприятное известие — результаты обмолота ветвистой пшеницы оказались плачевными. На одном поле в 0,51 га получено всего 264,5 кг, на другом, в совхозе «Дачном», с 0,84 га посевов собрано 427,5 кг, причем зерно щуплое, с повышенной влажностью [35, 30, 38]. Было от чего придти в бешенство! Тем не менее, Лысенко и его команда и впредь будут с жаром пропагандировать ветвистую пшеницу, о которой давно было известно, что урожайность и качество зерна у нее ниже, чем у обычной. Но историю агрономии Лысенко, Ольшанский, Родионов, Кириченко «не проходили».

Примерно такая же история приключилась с другими новыми для Одесщины культурами — хлопчатником и тау-сагызом. О последнем Лысенко с воодушевлением говорил еще в феврале 1946 г. на предвыборном митинге в Одессе: «Этот каучуконос очень важный именно для нашей местности. Он лучше других, за него очень много платят. Если его выращивать и сдавать, вы бы имели для восстановления жилья много стройматериалов» [35, 82]. А в тот приезд в Одессу, о котором сказано выше, президент подписал 22 сентября 1947 года приказ по ВАСХНИЛ, где всю ответственность за работу с каучуконосом возложил на директора Селекционно-генетического института Родионова. Приказ заканчивается примечательной фразой: «Планы и отчеты представлять непосредственно мне. Лысенко» [36, 51].

Пребывая осенью 1947 г. в Одессе, за хозяйственными заботами Лысенко не забывал и о борьбе с «проклятыми вейсманистами-морганистами». По его инициативе и, по всей вероятности, прямом его и Презента участия верхушка ВСГИ написала открытое письмо министру высшего образования Кафтанову. Письмо подписали Родионов, Ольшанский, Мусийко, Воробьев, Кириченко, Гаркавий. Они гневно клеймят представителей формальной генетики, требуют убрать из преподавания в сельскохозяйственных и педагогических институтов эту «буржуазную лженауку» [35, 61-65].

Заключая сюжет о связях Лысенко с Селекционно-генетическим институтом в первые послевоенные годы, можно прийти к выводу, что уже в 1947 г. генетика в Одессе была уничтожена, а ее последний представитель Ю.П. Мирюта изгнан. Когда в августе следующего года по всей стране пошел погром этой науки, в Одессе было спокойно: провинция в этом позорном деле оказалась на шаг впереди столиц — Москвы и Киева.

На августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. одесситы дружно выступили в поддержку своего главаря (Ольшанский, Авакян, Долгушин). Местная газета «Черноморська коммуна» этому событию посвятила целую полосу под общим заголовком «Мичуринское учение обогащает социалистическое сельское хозяйство» (17.08.1948). Здесь помещены статьи ведущих деятелей Селекционно-генетического института Мусийко, Фаворова, Хитринского, Ольшанского (Долгушин вернется из Москвы в 1951 г.). В их статьях не найти ничего нового, важного; все это пустая трескотня и самореклама. Только Ольшанский вспомнил забавное приключение 1941 г.: тогда, оказывается, имела место «грандиозная победа над долгоносиком», лютым врагом свекловичных плантаций. А «героем» стал Лысенко, предложивший использовать кур для уничтожения вредителей. Его начинание поддержал Хрущев, тогдашний партийный руководитель УССР. «Он был душой организации», — подбострастно пишет Ольшанский. Бросив все свои дела, колхозники вывели на поле боя 10 миллионов пеструшек и петухов и тем самым победили супостата. Лет пять до этого события тысячи крестьян, вооружившихся ножницами тоже по рекомендации Лысенко, кастрировали колоски пшеницы, чтобы не допустить близкородственного смешения...

Спустя месяц после московской сессии ВАСХНИЛ в Киеве было собрано более тысячи человек на Республиканское совещание научных работников и практиков-мичуринцев, чтобы обсудить итоги прошедшей в Москве сессии. С основным докладом выступил акад. Ольшанский, в прениях говорили одес-

ситы: Мусийко и Хитринский (из ВСГИ), Иванченко (заведующий кафедрой дарвинизма ОГУ, только что назначенный ректором) и Савчук (прежний ректор, а теперь министр просвещения). Доклад Олышанского не содержит ни одной новой идеи по сравнению с теми, что в Москве высказал Лысенко. Но он примечателен местным колоритом: лысенковщина во всей своей красе докатилась, наконец, и до Киева, стоявшего раньше в отличие от Одессы, Москвы и Ленинграда, как-то в стороне от борьбы двух течений в биологической науке. Внимание привлекает лишь упоминание об Одессе в контексте разоблачения классической генетики: «Морганисты обнаглели до того, что на протяжении трех послевоенных лет вейсманистскую генетику пропагандировали с кафедр Одесского университета и Одесского сельскохозяйственного института. Эта пропаганда велась в городе, где плодотворно работает очаг мичуринской науки, детище Т.Д. Лысенко — Всесоюзный селекционно-генетический институт». Новоиспеченный академик трижды упоминает Мирюгу как «воинствующего менделиста-морганиста», который будто бы в своих лекциях никогда имени Мичурина не называл [37]. Такие сомнительные комплименты Селекционно-генетическому институту как «очагу мичуринской науки» и «детищу Лысенко» многого стоят.

Сразу после сессии ВАСХНИЛ, доклады на котором правил лично Сталин, последовали решения ЦК КПСС и ЦК компартии Украины, затем, по иерархической лестнице вниз, подобное же постановление принимает Одесский обком партии. 10 сентября 1948 г. вопрос обсудило бюро обкома и принято постановление, в котором сказано, что вскрытые на сессии ВАСХНИЛ и на Республиканском совещании недостатки имеют место и в работе биологических учреждений города Одессы. Этот вывод конкретизировался следующим образом: «Особо нетерпимым является положение, создавшееся в сельскохозяйственном институте, где вследствие проморганистских антимиичуринских позиций, занятых директором института проф. Вербиным, в институте свила гнездо вейсманистская генетика в наиболее реакционном ее вы-

ражении (доцент Мирюта). Хотя под давлением общественности Мирюта и был отстранен от преподавания, однако изменений в деле улучшения пропаганды идей Мичурина-Вильямса-Лысенко не наступило». Бюро потребовало «обеспечить перестройку преподавания биологических дисциплин и направление всей научно-исследовательской работы в духе безраздельного господства мичуринской агробиологии», а директора ОСХИ освободить от работы [38. 74-75].

Постановление партийных органов разного уровня, как и решения сессии ВАСХНИЛ и Республиканского совещания, обсуждались в парторганизациях и на ученых советах научных и учебных заведений города, формально их одобрили Одесский медицинский институт, Одесский университет, Украинский НИИ глазных болезней, Украинский НИИ виноградарства и виноделия. В последнем, например, ученый совет собрался еще 20 августа и заслушал доклад о сессии ВАСХНИЛ, с которым выступил известный лысенковец из ВСГИ Воробьев. В прениях первым взял слово заведующий отделом селекции и генетики, который честно признался в том, что существующий с 1927 г. отдел не вывел в практику ни одного нового сорта винограда. Виноваты в этом формальные генетики, которые не дали ему «правильной теоретической базы»: «Теперь же у нас есть учение Лысенко, с которым мы быстро пойдем вперед» [39. 115].

Особенно бурно прошло обсуждение принятых в Москве и Киеве документов в ОСХИ. Сюда на партсобрание 9 сентября пожаловал наместник Лысенко на Украине Олышанский. Он обрушился с злобными нападками не только на давно уволенного Мирюту, но и на сидевшего в зале директора института Вербина: «<...> В стенах вуза излагался морганизм и в самом реакционном виде <...>. Мичуринская же генетика совсем не читалась». Собрание решило просить обком и ЦК уволить Вербина [40. 76-99]. Вскоре были уволены ряд профессоров ОСХИ, среди них В.М. Жеденов, которого обвинили «в весьма тяжких отступлениях от генеральной линии со-

ветской биологической науки — в автономизме, преформизме, идеализме». Его покарали и за то, что он «в идейно-теоретическом отношении слепо шел за И.И. Шмальгаузенем», который рекомендовал его статью к публикации в журнале АН СССР. Лишились работы также профессора С.М. Москвичев, заведующий кафедрой агрохимии, И.Е. Петровский, проректор института [41. 161-162, 181-182]. Вскоре Ольшанский был назначен заведующим кафедрой селекции и семеноводства ОСХИ, а доцентом его кафедры и деканом агрономического факультета стал его коллега из Селекционно-генетического института. «Укрепили», как тогда выражались, мичуринцами и биологический факультет ОГУ: туда перевели заведующей кафедрой и проректором проф. Тульчинскую, ветеринара по профессии, и сотрудника Селекционно-генетического института Воробьева, для которого спустя год открыли новую кафедру.

Не забывали в ОСХИ и Мирюту, вслед ему постоянно шли проклятия, новые разоблачения. Так, на партсобрании 23 марта 1949 г., обсуждавшем задачи борьбы с безродным космополитизмом, секретарь партбюро так о нем отозвался: «Отщепенец-морганист, выучившийся на советских хлебах, привозил к нам статьи одного из белогвардейцев, окопавшихся в США» [43, 47]. Речь идет о выдающемся украинском генетике Ф.Г. Добржанском (1900-1975), в 1927 г. стажировавшемся в Колумбийском университете у Моргана и оставшимся в США. То, что Мирюта, в отличие от дремучих одесских псевдоученых, не знавших иностранных языков, читал и распространял публикации Добржанского, говорит об его эрудиции и гражданской смелости.

В Селекционно-генетическом институте обсуждение итогов августовской сессии ВАСХНИЛ прошло чисто формально; здесь все было тихо, инквизиторы поэтому «генетических ведьм» не искали. Научная работа шла по накатанному Мичуриным и Лысенко старому пути. Правда, в планах исчезла яровизация, как будто ее не внедряли палочным методом на милли-

онах гектаров. Эта кампания закончилась, но продолжались другие маниловские затеи — хлопок, каучуконос, цитрусовые, гнездовая посадка лесополос. Творческая фантазия главного мичуринца, получившего после 1948 г. диктаторскую власть, была неиссякаемой. Все внедрялось, как и прежде, — без подготовки, без расчетов, без экспериментальной проверки. Делалось на одном голом энтузиазме и рабском труде селян. Темы научных работ ВСГИ, получившего к 50-летию Лысенко его имя, прежние: направленное изменение природы растений путем воспитания, вегетативная гибридизация (вспомним слова Лысенко: «прививочки, прививочки»). Директор института Родионов и после этой критики продолжал свое: «прививка гибрида томата и паслена на томат и дерезу». Единственное реальное достижение института после 1948 г. — выведенные Кириченко сорта пшеницы Одесская-3 (заняла около 3 млн. га) и Одесская-12, но они были районированы только в Одесской области.

Что касается хлопчатника, которым по-прежнему занимается Ольшанский, в 1945-1951 гг. заместитель директора ВСГИ, то его продвижение встречает непреодолимые природные препятствия. Документация института полна сообщениями о провалах: посеяно 7 тыс. га, на следующий год 5,8 тыс. га, результат один: всходы плохие, уход неудовлетворительный, урожай погиб или очень слабый [44. 89-90]. Примерно с таким же успехом внедряется на Одессчине тау-сагыз.

Но вот грянула очередная всенародная компания под названием «Сталинский план преобразования природы», включающий, среди других мероприятий, посадку полезащитных лесополос. Лысенко и теперь проявляет расторопность, инициативу и ... безрассудство: лесополосы надо засадить дубом, причем в каждое гнездо класть по несколько желудей. В Одессу летит депеша: Родионов и Ольшанский спешно заносят в план НИР на 1949 г. задание президента ВАСХНИЛ и уже засадили гнездовым способом 150 га дуба [44. 4-5]. Результаты будут не скоро, но легко предвидеть неудачу этого предприятия. В том

же году проводится совещание по селекции и семеноводству кукурузы. Ольшанский и Мусийко рекомендуют основным методом селекции межсортовую гибридизацию, а для посевов — семена второй и третьей репродукции, шаг, который ученые считают «абсолютно бессмысленным» [19. 346].

В Одесском университете, наконец, открыта кафедра генетики накануне нового 1949-1950 учебного года. Заведующим стал старый знакомый Воробьев, который когда-то провалился в ОСХИ. Он же стал деканом биологического факультета. Очевидно, что эти должности — награда за шумное празднование осенью 1948 г. 50-летнего юбилея Лысенко. Вскоре ректор университета Иванченко и Воробьев получают еще один незаслуженный приз — станут докторами наук, скоро и беззаботно, ведь в ВАК теперь экспертным советом по биологии командует их одесский приятель — Долгушин. Неважно, что обе диссертации являются, в сущности, компиляциями и напшигованы пространными цитатами из творений Лысенко. Главное, что оба они — преданные ученики «гения агробиологии», о чем всенародно объявили на его юбилее [45. 231-233].

Кафедра, которую создали специально «под» Воробьева, карликовая: в нарушении всех норм вузовской жизни она состоит из двух человек — самого заведующего и вчерашнего выпускника. Студентов на кафедре чуть больше, чем преподавателей: шесть на III курсе и семь — на IV курсе; они слушают курс селекции (о генетике речи нет). Учебника по предмету нет, но используют, само собой разумеется, сочинения Мичурина и Лысенко, а также «Хрестоматию по генетике» 1949 г. издания (все остальные учебные пособия запрещены). Воробьев надеется в ближайшее время выпустить свойopus «Основы мичуринской генетики», который печатается в Москве с благословения всемогущего Лысенко [46. 38-46, 63]. После выхода он будет раскритикован в пух и прах специалистами. Таким образом, «мичуринцы» ОГУ ничем принципиально не отличаются от тех, что трудятся в ВСГИ, только их научные темы еще более экзотичные. Ректор Иванченко, на-

пример, с 1939 г. никак не выведет сорт томатов методом вегетативной гибридизации («прививочки, прививочки», это и о нем сказано). Бывший ректор Савчук после недолгого пребывания в Киеве на посту министра, вернулся в Одессу и пытается внедрить тутового шелкопряда в дубовые лесополосы. Чем занимался Воробьев, документы умалчивают. Другие биологи трудятся над интродукцией джута, цитрусовых, крымсагыза, хлопчатника [47. 2-23; 48, 104, 120]. О реальных достижениях университетских селекционеров не сообщается.

Но лучше обстоят дела в Сельскохозяйственном институте, где Вербин сохранил директорский пост ценой предательства науки. Здесь лысенковцы подхватывают и широко пропагандируют антинаучные бредни Бошняна и Лепешинской. Так, в апреле 1950 г. перед несколькими сотнями биологов города и студентами проф. Тульчинская докладывает «о новейших достижениях в советской науке о природе вирусов и микробов по работам Бошняна». В резолюции, призывающей «одобрить, изучать и развивать» его идеи, шарлатанство этого неуча названо «крупнейшим научным открытием, базирующемся на диалектико-материалистической методологии» [49. 134-157]. Ольшанский, который только числится заведующим кафедрой селекции и семеноводства, руководит в ОСХИ научной темой «Новые культуры: генетика, селекция и семеноводство». Новые культуры — это все тот же злополучный хлопчатник, а также вегетативные гибриды томатов и рис [50, 72-73]. Рис, действительно, для Одесщины новая культура, им занимается непосредственно проф. С.Я. Розен. В институте открыта лаборатория рисосеяния, а в Беляевском районе засеяно 10 га земли без затопления, но с периодическим поливом. Имеется план увеличить в ближайшее время площадь посева вдвое [51. 78-80]. О прежних увлечениях — яровизации, летних посевах картофеля — теперь, на рубеже 40-х и 50-х годов, — в документах ВСГИ, ОГУ, ОСХИ нет ни слова. Эти кампании, забравшие так много сил, средств и труда, начисто забыты.

Зато продолжается вакханалия невежества в теоретичес-

ких вопросах. После августа 48 Лысенко и его присные (Ольшанский, Долгушин) совершили «переворот» в биологической науке, якобы открыв новый закон видообразования. Выступая в конце 1949 г. в ОСХИ, Ольшанский стал рассказывать басни о порождении ржи пшеницей скачком. Когда его попросили объяснить подробнее этот неизвестный ранее феномен, он заюлил как карась на сковороде: «Речь идет о десятке семян ржи, найденных в колосьях пшеницы, их химический состав не определен, но по внешнему виду найденные семена похожи на рожь» [52. 3]. Да что Ольшанский, «сам» Лысенко неоднократно и публично утверждал, что кукушки порождают пеночек, а Долгушин «открыл» образование ржи из овса. Другие мичуринцы доказывали, что сосна происходит от ели, граб скачкообразно превращается в лещину (или наоборот) и прочие фантазии. Подобные рассказы вызвали изумление и возмущение серьезных ученых. В частности, выдающийся зоолог, профессор ОГУ И.М. Пузанов, который до войны вместе с Мирютой преподавал на биологическом факультете Горьковского университета, напечатал в журнале Московского общества испытателей природы статью «Сальтомуляции и метаморфозы». На основе анализа огромного количества фактов он доказал, что в публикациях Лысенко и его сторонников возрождаются средневековые предрассудки, такие утверждения «лежат за пределами науки» [53. 66-68].

Между тем в стране происходили эпохальные перемены: умер Сталин, в определенной мере обновляются системы власти, хозяйствования, управления наукой. Новый руководитель партии не питал к Лысенко такого безграничного доверия, как прежний; монополия лысенковцев в агробиологических науках заколебалась. Наступление трудных времен в Одессе почувствовали с началом 1956 г. Эффект разорвавшейся бомбы вызвало сообщение Долгушина, вернувшегося с пленума Госкомиссии по сортоиспытаниям: выведенный Ольшанским еще до войны сорт хлопчатника Одесский-1 снят с изучения и районирования, а ветвистая пшеница по отрицательным ре-

зультатам исследований прошлых лет не включена в план. Это известие — тяжелый удар по руководству ВСГИ, но оно позволяет себе маленькую, но приятную диверсию против «центра»: закупленные в США гибридные семена кукурузы объявлены на карантин, так как они якобы заражены опасной болезнью. В мае члены ученого совета снова в шоке: приехавшие из Харькова с совещания по селекции сельскохозяйственных культур директор Кириченко и его заместитель Долгушин сообщают: «На совещании отмечено антимичуринское (на деле — антилысенковское. — Д.У.) выступление Козубенко, призывавшего вести селекцию главным образом путем инцухта»; двое других выступавших, Максимчук и Бабаджанян, требовали начать ревизию учения Лысенко [54. 32, 55, 132, 147-148]. Вскоре Совет министров УССР окончательно похоронил длившуюся целых 25 лет «хлопковую эпопею» в южных районах республики и освободил колхозы и совхозы от обязательных поставок хлопка-сырца.

Однако главный удар одесситы испытали в начале апреля того же года. Еще 30 марта местная газета сообщила, что в Днепропетровске начало работу Всесоюзное совещание по производству гибридных семян кукурузы. В своем докладе министр сельского хозяйства В.В.Мацкевич в укор селекционерам привел слова Хрущева на недавно прошедшем съезде партии о том, что такие семена приходится закупать в США, и от себя добавил: «Переход на посев кукурузы гибридными семенами может дать дополнительно миллионы центнеров зерна» [55]. На совещании выступил, среди других, и А.С. Мусийко, заведующий отделом кукурузы Селекционно-генетического института; по существу, сказать ему было нечего, так как порочный путь отказа от гибридизации на основе чистых линий (инцухта) не дал никаких ощутимых результатов.

Участники совещания в Днепропетровске после его окончания приехали в Одессу и, по всей вероятности, побывали в ВСГИ, однако сказать что-либо определенное об этом нет возможности из-за отсутствия документальных источников. Из-

вестно другое: 6 апреля министр Мацкевич прочитал в Одесском технологическом институте им. Сталина (ныне Академия пищевых технологий) лекцию на тему «О поездке советской сельскохозяйственной делегации в США» [56]. На следующий день со студентами и преподавателями Одесского университета встретился президент ВАСХНИЛ Т.Д. Лысенко. Автор этих строк, тогда студент исторического факультета, присутствовал на этом незабываемом мероприятии. В президиуме сидели подчеркнуто нейтральный ректор Лебедев, известные «мичуринцы» Воробьев и Савчук, ярый враг лысенковщины Пузанов, другие профессора-биологи. По воспоминаниям современников, Лысенко всегда говорил крикливо, взволнованно и сердито [57]. В этот раз он был на себя не похож: с землистым осунувшимся лицом, с еле слышным сиплым голосом, с какими-то мужицкими, крестьянскими словечками в бессвязной речи... Из зала шел поток записок с неприятными для оратора вопросами — и о кукушках из гнезда пеночек, и о ветвистой пшенице с урожаем в 100 центнеров с гектара, и о фальсификациях Лепешинской, и о многом другом. Лысенко отвечал вяло, нудно, неубедительно. Почему у всегда агрессивного «народного академика» в тот день было такое подавленное настроение, никто не знал. Но не прошло и трех дней, как в той же газете одесситы могли прочитать на второй странице лаконичное сообщение: «В Совете Министров ССР. Совет Министров удовлетворил просьбу Т.Д. Лысенко об освобождении его от обязанностей президента ВАСХНИЛ, Президентом утвержден тов. Лобанов П.П.». Казалось, что закончилась целая эпоха, эпоха необыкновенная, ведь культ личности Сталина и культ личности Лысенко утвердились синхронно; вместе им и пасть...

Кто так думал, сильно ошибался. Сопротивление начавшимся переменам из центра страны переместилось на места, в регионы. Бастионом лысенковщины оставался ВСГИ в Одессе. Летом сюда прибыл десант из самых приближенных к Лысенко людей. Он состоял из Ольшанского, вице-президен-

та ВАСХНИЛ, и двух академиков – Презента и Глущенко. О чем они говорили за закрытыми дверями, неведомо, но их одесские единомышленники воспрянули духом. Осенью 1956 г. на ученом совете старый лысенковец Хитринский утверждает: «Метод гнездовой посадки леса себя оправдал» [54, 268]. Губенко, выводящий вместе с Ольшанским вот уже 30 лет «одесский хлопок», остается оптимистом: «Мы путем воспитания создадим вскоре более холодостойкие формы хлопчатника». Есть успехи в вегетативной гибридизации – получены два новых сорта от скрещивания горького перца с салатным [58, 56-57, 61-62].

Но в коллективе Селекционно-генетического института были и другие люди, люди, мыслящие критически, искренне поддержавшие решения XX съезда партии. На партсобрании, где обсуждался доклад Хрущева «О культе личности Сталина» сотрудник института М.В. Безруков прямо сказал: «Элементы культа личности были и в биологической науке. Например, частое восхваление заслуг академика Т.Д. Лысенко, что имело место и в нашем институте. Необходимо с этим покончить». Смелчаку поспешил дать отпор все тот же Губенко: «Тов. Безруков неправильно понимает вопрос о культе личности в биологической науке. Учение Лысенко является правильным учением» [59, 18].

На этот раз, однако, партийные органы Одессы, прежде покрывавшие очковтирателей из ВСГИ и защищавшие их, подготовили о его работе объективную справку. Комиссия обкома партии в документе под названием «О работе Селекционно-генетического института в 1957 году» отметила ряд серьезных недостатков. Вначале несколько цифр: в институте функционируют 10 отделов и 2 лаборатории, в которых трудятся 36 научных работников (3 академика ВАСХНИЛ, 2 доктора наук и 15 кандидатов), 21 технико-лабораторных сотрудника и 116 рабочих, всего более 160 человек. Институт имеет 291 га опытной земли и два семеноводческих совхоза с общей площадью 2300 га пахотной земли. Но эти материальные и людские ре-

сурсь, отмечается в обкомовской справке, используются мало-эффективно: новых высокоурожайных сортов зерновых сельское хозяйство за последние годы не получило. Техническая оснащенность многих отделов и лабораторий неудовлетворительна; в отделе генетики, например, нет наиболее совершенных приборов для анализов, нет камер искусственного климата, не используется метод меченых атомов. В итоговых выводах комиссия, среди прочего, предлагает разгрузить Кириченко от директорской должности с тем, чтобы он занимался только селекционной работой [58. 256-262]. Что и было вскоре сделано, причем дало пользу и уволенному, и всему коллективу: отличный селекционер не всегда хороший руководитель большого и сложного научного организма.

Директором стал А.С. Мусийко, человек Ольшанского и Лысенко. Ему не суждено было возглавить перестройку в ВСГИ, потому что она захлебнулась, еще не начавшись. Дело в том, что уже с 1959 г. начинается «второе восшествие» Лысенко во власть. Нет, очевидно, необходимости рассказывать об этом подробно (литература по этой проблеме обильная). Достаточно сказать, что Лысенко сумел и Хрущеву, как прежде Сталину, доказать свою правоту и незаменимость. К руководству сельским хозяйством страны и агробиологической наукой пришел тандем Лысенко-Ольшанский (декабрь 1960 — декабрь 1964). Можно сказать, что время после 1956 г. и до падения Хрущева в конце 1964 г. — это «золотой век» в истории ВСГИ: никогда прежде его селекционеры не получали так много званий, наград, премий. Достаточно привести несколько фамилий: селекционер пшеницы Ф.Г. Кириченко стал академиком ВАСХНИЛ в 1956 г., героем труда — в 1958 г. и получил Ленинскую премию на следующий год; селекционер ячменя П.Ф. Гаркавый и селекционер кукурузы А.С. Мусийко получили Ленинскую премию в 1963 г.

С последним получился большой скандал: семена гибридной кукурузы, начиная с 1956 г., страна закупала за границей, селекционеров за это Хрущев неоднократно ругал, а тут

... премия за давно известные приемы гибридизации кукурузы. Комитет по премиям отказал поэтому в награде Мусийко, но вмешался лично Хрущев и решение пришлось пересмотреть [16. 298]. Кстати, можно заметить, что награды на Мусийко, как и ранее на Кириченко, посылались, когда они были директорами института. Пресловутый «административный рекурс», безусловно, здесь сыграл свою роль.

«Второе издание» лысенковщины длилось около семи лет. Она не получила того размаха и той разрушительной силы, что имела в годы сталинизма. Ведь в стране произошли большие перемены, а за рубежом в полную силу проявляла свою невиданную мощь «зеленая революция», творившая чудеса с повышением урожайности зерновых культур [19. 336]. Но главным в быстром крахе лысенковщины был не внешний фактор, а растущее внутреннее сопротивление обскурантизму со стороны научной общественности. Еще в 1948 г. письмо Сталину написал ученый-биолог академик П.Н. Константинов. С фактами в руке он показал бесплодность всех агротехнических предложений Лысенко: яровизации, посевов по стерне в Сибири, летних посадок картофеля. Он разоблачил как лживое фанфаронство обещание вывести новые сорта пшеницы за 2-2,5 года: «Обещанных сортов нет и не будет» [60. 113-119]. Ответом на письмо Константинова стала августовская сессия ВАСХНИЛ и провозглашение Лысенко корифеем биологической науки.

Позже к новому руководителю партии Хрущеву с подобными разоблачительными письмами обращались многие ученые как биологи, так и физики, химики, математики. С 1953 по 1958 годы несколько аргументированных посланий написал профессор А.А. Любищев. Каждое из них — это обвинительное заключение Лысенко: ему присущи такие пороки: «крайняя примитивность, отсталость, полное нежелание осознать свои ошибки <...>, многочисленные практические ошибки, приносящие значительные убытки нашему сельскому хозяйству <...>». Как результат, Любищев отмечает, «порочность всего стиля работы Лысенко», его учение — это «комбинация

невежества с вандализмом». Любищев приводит расчеты потерь от внедрения несостоятельных предложений Лысенко: по пшенице 2,35 млрд. пудов, по кукурузе недобор около 600 млн. пудов, полный провал по хлопку в новых районах, по цитрусовым. Цифры просто ужасающие, но Хрущев тоже не ответил на обращения обеспокоенного ситуацией в сельском хозяйстве ученого [61. 46-47, 111-112].

Напротив, при активной поддержке властей летом 1962 года в Одессе с большой помпой был отмечен 50-летний юбилей Селекционно-генетического института. Юбилейный сборник научных трудов открывает статья директора А.С. Мусийко, фальсифицирующая трудную историю ВСГИ за полстолетия. В ней сквозь зубы упомянуты и противники Лысенко начала 30-х годов (А.А.Сапегин, П.Г.Брокерт, Л.А.Сапегин), но львиная часть текста состоит из славословий сподручных Лысенко — Ольшанского, Воробьева, Авакяна, Долгушина, Глущенко, Презента, Фаворова, восхваления их «открытий» и «достижений». Названы и те одесские селекционеры, которые многого добились в выведении новых сортов зерновых, но лишь на словах применяли лысенковскую методика, — Кириченко и Гаркавий. Все эти пышные торжества, пустые речи и поздравления происходили в условиях засухи, обещавшей стране сильнейший недобор зерна. Точнее сказать, засуха стала суровым экзаменом для столь расхваленных пропагандой новых сортов зерновых на засухоустойчивость, в том числе и тех, что были выведены в Одессе. Этого экзамена ни селекционеры, ни их сорта не выдержали. Засуха показала кризисное состояние советского сельского хозяйства в целом, что в немалой степени было обусловлено отставанием селекционно-генетической работы. Награды одесским селекционерам были розданы большие, но когда пришло стихийное бедствие, их сорта испытания не выдержали. Через год СССР начал в массовом количестве закупать зерно за границей, что явилось ярким показателем неудовлетворительной работы всей аграрной отрасли экономики.

Крах лысенковщины и персонально Лысенко как новатора, ученого и организатора масштабных аграрных экспериментов, нанесших огромный урон стране, как нельзя лучше выразился в символическом жесте снятия его имени с вывески на здании Селекционно-генетического института. В начале 1965 г., когда произошло это событие, на партийном собрании был задан вопрос: «Почему товарищ Синица (первый секретарь обкома партии. — Д.У.) позволил снять вывеску «имени Т.Д. Лысенко», я не понимаю» [62. 35]. Вопросавшему никто не ответил. Он один не понимал хода событий, всем остальным было ясно, что пора окончательно попрощаться с лысенковщиной.

В заключение следует рассмотреть два вопроса, без выяснения которых история генетики в Одессе останется не до конца ясной. Первый из них таков: во что обошлась стране лысенковская авантюра с выдуманной им псевдонаукой под названием «мичуринская агробиология»? Все критиковавшие его ученые останавливались на научных, организационных и моральных последствиях лысенковщины, лишь А.А. Любичев попытался их выразить в цифрах недобора урожая. Мы предлагаем подойти к этому вопросу с другой стороны — с анализа статистики закупок СССР продовольствия за рубежом. Это как раз те миллионы тонн зерна, мяса, масла, сахара, в которых нуждался советский народ, однако разрушенное лысенковскими экспериментами сельское хозяйство их обеспечить не могло. Этот дефицит в силах была заполнить только «зеленая революция», начнись она одновременно с передовыми странами, где процветала селекция на основе классической генетики. В СССР же академиков ВАСХНИЛ, героев труда, лауреатов разных премий становилось все больше, в том числе и в Одессе, а сбор зерна и производство продуктов животноводства на душу населения падало. Отсюда и необходимость массированного импорта продовольствия.

Состояние советской аграрной сферы наглядно видно на примере внедрения гибридной кукурузы, выведенной методом

близкородственного скрещивания (инцухта), против которого постоянно выступали Лысенко, Долгушин и Ольшанский. К 1963 г., когда Мусийко со скандалом получил свою премию, в США уже более 25 лет выращивалась гибридная кукуруза, дававшая невиданные урожаи. Как показал В.Ф.Чешко, отставание советского сельского хозяйства в 1950-1960-е гг. увеличилось на 20 лет. Это происходило в то время, когда благодаря новым сортам, выведенным с применением приемов генетики, урожайность зерновых во многих странах увеличилась в два-три раза. В Мексике, например, утроился, в США удвоился [63. 283-290].

«Зеленая революция» обошла границы СССР, и за это теперь приходилось расплачиваться золотом, потому что на мировом рынке продовольствие можно было купить только за свободно конвертируемую валюту. Чтобы ее иметь, надо было продавать золото. Первая закупка зерна имела место в 1963 г. На эти цели Политбюро ЦК КПСС выделило 372,2 т. золота (больше трети золотого запаса страны). Через два года, уже при Брежневем, снова продали или, точнее сказать, — проели, еще 335,3 т. золота [64. 370]. Итого в два приема СССР «отдал» менделистам и морганистам, 710 т. драгоценного металла, зато спас население от очередного голодомора, подготовленного лысенкощиной. К этому потерянному сказочному богатству следует добавить еще 1665 т., проданных за 1984-1991 гг. [65]. Получается астрономическая цифра в 2 400 т. золота, обогатившая канадско-американских фермеров. Конечно, не все полученные деньги ушли на покупку продовольствия, но нужно иметь в виду, что СССР товаров широкого потребления не покупал, а поправка Вэнника-Джексона запрещала продавать ему оборудование и технологии «двойного назначения».

Сколько СССР в 1963-1991 гг. закупил зерна за рубежом, еще никто не подсчитывал, хотя статистика, с пропусками за ряд лет, известна. Заполнив недостающие данные методом экстраполяции и признавая недостаточную надежность полу-

ченной суммы, берем на себя смелость ее обнародовать. За указанные выше годы СССР закупил за границей примерно 540 млн. т. зерна как пищевого, так и фуражного [66]. Это те миллионы тонн, которые недодала народу колхозно-совхозная система земледелия с ее «мичуринской» селекцией новых сортов на основе принципа «воспитания растений».

Поражаясь этой невероятной потере (540 млн. т!), нельзя не вспомнить, что до 1914 г. Российская империя вывозила зерновые в большом количестве в Европу. Без русского экспорта (в значительной мере с территории Украины) европейцы не могли обойтись, хотя имели более высокую урожайность — Дания, например, 30,2 ц/га, Бельгия — 24,5 ц/га. За тридцатилетие (1880-1909) урожайность зерновых в разных регионах Украины поднялась от 23,5% до 42,5%. Еще примечательней другой показатель, подсчитанный А.П.Реентом: излишек зерна в Украине за эти же годы увеличился в 2,4 раза [67. 7-23]. Украинское сельское хозяйство, как часть общеимперского, обладало в те годы большими экспортными возможностями.

Таковы итоги хозяйствования лысенковщины в цифрах и в самом сжатом изложении. Современники и потомки оценили личность и деятельность Лысенко в широком диапазоне — от гения и героя до злодея, фанатика и шарлатана. Мы уже приводили мнение А.А. Любишева о том, что лысенковщина есть «комбинация невежества с вандализмом». Продолжим его мысли: «За материализм [Лысенко] выдавал то, что не является ни материализмом, ни идеализмом, а является сплошным невежеством в философии и полным шарлатанством в науке» [61. 58]. Вот мнение В.П. Эфроимсона: «Лысенковщина была совершенно наглой, нахальной авантюрой, построенной на бесчисленных фальсификациях, очковтирательстве... Лысенко — никакой он не гений. И не фанатик... Он был, безусловно, умным человеком и великим «придворным» [68]. В Одессе высказана экзотическая мысль о том, что Лысенко «был волшебником», что он «творил чудеса». Представители этой паранауки, которой дали название «эниобио-

логия», антропологизируют явления природы и доказывают, что Лысенко обладал сверхъестественными способностями, «чувствовал душу растений», «с ними беседовал, общался, они ему открывались» и что именно поэтому ни один ученый не мог повторить опыты кудесника [69, 50-58]. Не все приняли эту галиматью за шутку. Так, Ф.Моргун, известный агроном, партийный деятель и плодовитый публицист, земляк Лысенко, выпустил апологетическую книжку. В ней он не только соглашается с открытиями одесских параученых, но и характеризует Лысенко такими словами: «Великий украинец», «Селекционер от Бога» и без тени иронии заявляет: «Достижения Лысенко избавили народ от голода» [70]. О каких достижениях говорится, мы уже видели.

Выше приведены конкретные факты, во что обошлась стране лысенковщина и как «волшебник» спасал народ от голодомора. Никаких достижений не было и не могло быть по одной, главной, причине: «Все методы и приемы Т. Лысенко, все без исключения, не утвердились ни в одном колхозе, ни на одном гектаре земли, ни в одном научном учреждении, ни в нашей стране, ни за рубежом» [71]. Эти слова акад. Г.Гуляева звучат как приговор, они понятны без комментариев.

Так кто же он, академик Лысенко, этот загадочный человек, и сегодня вызывающий ожесточенные споры? Нет, он не был ни гением, ни злодеем, еще меньше он был спасителем народа от голода или фанатиком. Беспристрастный анализ фактов, извлеченных из документальных источников, позволяет сделать вывод: Лысенко был вредителем в том смысле этого слова, как его понимали Сталин и генеральный прокурор Вышинский. Да, вредитель, который, хотя и неумышленно, нанес СССР и советскому народу колоссальный ущерб, какой не могли нанести и миллион разоблаченных НКВД вредителей. Он в сговоре со своими сообщниками путем преступного обмана уничтожил на корню 540 миллионов тонн зерновых хлебов, на возмещение которых государство вынуждено было потратить, чтобы не допустить в стране голода, несколь-

ко тысяч тонн золота. Причем вредительство Лысенко не ограничилось годами его жизни (он умер в 1976 г., превратившись из агронома в зоотехника), оно продолжало наносить ущерб науке до краха КПСС и развала СССР. Этим двум событиям деяния Лысенко тоже способствовали, серьезно ослабив продовольственную безопасность страны в условиях противостояния с Западом.

Тайна необыкновенной карьеры Лысенко кроется как в особенностях его личности, так и в том социально-культурном окружении, в котором он формировался профессионально. В подходе к такому сложному человеческому типу неоценимую помощь может оказать книга выдающегося немецкого психиатра К.Леонгарда «Акцентуированная личность». Лысенко — яркий образец такой личности: у него была гипертрофированная, болезненная убежденность в правоте своих агрономических идей. Он не был психически больным, мыслил и поступал рационально, с особой изощренностью преодолевал жизненные препятствия, но его сознание находилось в пограничной зоне. Своим «открытиям» и «изобретениям» он придавал неоправданно большое значение, с редкой силой убеждения добивался от окружающих их осуществления. Идеи таких людей, по утверждению Леонгарда, не только ошибочны, но и односторонни, они не понимают и не признают диалектику. Внешне их жизнь может идти весьма успешно (такою и была жизнь Лысенко), но синдром сверхценной идеи разрушает эту личность. Она становится нечувствительной к общественному мнению, к критике коллег, циничной по отношению к моральным устоям общества. Повторим этот вывод: Лысенко не был больным в строго медицинском смысле слова, но он не был и вполне здоровым. Это была личность с большими отклонениями в психике.

По своей природе Лысенко был патологическим лжецом с высоким самомнением и сильной волей: в свои выдумки он верил сам и это помогало убеждать других. Многие мемуаристы говорят о его гипнотических способностях. Можно ска-

зять, что это был Великий Мистификатор. Не получив солидного образования (всего три года обучения на заочном отделении института), невежественный и примитивный в культурном отношении, он верил в простые решения сложных вопросов, что вполне соответствовало идеологии того времени. Великие катастрофы эпохи сталинизма — уничтожение трудового крестьянства во время коллективизации, голодоморы, массовый террор 1937-1938 гг., кровопролитная война, идеологические кампании 1946-1953 гг., — все это создало благоприятный социально-политический контекст для экспериментов Лысенко. Обеспечение продовольственной безопасности СССР в условиях «холодной войны» быстро и без больших затрат было одной из главных задач и Сталина, и Хрущева. Отсюда их слепая вера в обещанные Лысенко чудеса, отрицательное отношение к его критикам.

Лысенко родился не только шизоидом, но и предназначенным к работе на земле. Это было его призвание: все, кто его знал, признают, что он любил землю и растения, с великой охотой трудился в поле с утра до вечера. Профессиональный и интеллектуальный уровень Лысенко — колхозный агроном, и не более. Ученым он никогда не был, только успешно, как великий артист, им притворялся. Это — вторая его жизненная трагедия: хороший сельский агроном стал президентом одной академии, членом двух других, директором разных научных учреждений и прочая, и прочая. Человек не на своем месте — отсюда его агрессивность, ярость, упрямство. При Сталине он ходил по острию бритвы, постоянно рискуя жизнью, в любой момент мог быть разоблачен как обманщик и вредитель.

Лысенко всю жизнь проповедовал ползучий эмпиризм, узкий практицизм, выступал против фундаментальных исследований. Однако он не был и селекционером-практиком наподобие Мичурина. Где его триста новых сортов культурных растений? Нет ни одного. Мичуриным, ставшим в 30-е годы национальным героем, Лысенко лишь прикрывал свою бесплодную демагогию. Его собственные наработки, как показано выше с

цифрами в руке, имели отрицательный практический эффект. Лысенковщина не укрепила, а в конечном счете, подорвала продовольственную безопасность страны. Она вызвала моральное разложение биологической науки и сформировала нравственных уродов среди научной элиты, подорвала веру миллионов колхозников в идеалы партии. Все, что говорил и делал Лысенко, готовило крах КПСС и гибель Советского государства. Лысенковщина — общественный и научный феномен, который по масштабам, длительности и разрушительным последствиям не имеет в истории науки себе равных. Она началась в Одессе, здесь же и закончилась много позже других регионов страны. Об этом речь пойдет в следующей статье.

Литература:

1. Генетика і селекція в Україні на межі тисячоліть. У 4-х т./ Гол.ред. В.В.Моргун. — К., 2001; Кунах В.А. Розвиток генетики в національній академії наук: До 90-річчя від часу заснування УАН. — К., 2009; Романець О.В. Періодизація розвитку генетики в Україні// Наука та наукознавство. — 2011. — №2; Kremenzov N. Stalinist Science. — Princeton, 1997.
2. Берченко Б.Э., Созинов А.А. Страницы из истории института // Научные труды Всесоюзного селекционно-генетического института им. Т.Д.Лысенко. Вып. 3. — Одесса, 1958; Мусийко А.С. Пятьдесят лет // Научные труды Всесоюзного селекционно-генетического института им. Т.Д. Лысенко. Юбилейный выпуск. — Одесса, 1962; Лыфенко С.Ф. Селекционно-генетический институт: Очерки из истории. — Одесса, 2002; Генетика в Одеському національному університеті ім. І.І. Мечникова (1865-2005) / За ред.. В.М. Тоцького. — Одеса, 2005.
3. Обзорение преподавания в Императорском Новороссийском университете на 1912-1913 академ. год. — Одесса, 1912.
4. Государственный архив Одесской области (далее — ГАОО). — Ф. Р-39. — Оп.1. — Д. 27.
5. Сапегин А.А. Для чего учреждена, как работает, чего достигла Одесская сельскохозяйственная селекционная станция, 1912-1922. Изд.2. — Одесса, 1922.
6. ГАОО. — Ф.Р-1395. — Оп.1. — Д.39.
7. Там же. — Д. 51.

8. Электронный ресурс: www.sgi.od.ua/rus/nas/histori/
9. Андрей Афанасьевич Сапегин (1883-1946): Биобибл. указатель/ Составители А.Л. Драголи, С.Г. Кушнир. — Одесса, 1976.
10. Берченко Б.Э., Созинов А.А. Страницы из истории института.
11. Голда Д.М. Андрій Панасович Сапегін (до 100-річчя з дня народження) // Укр. ботан. журнал. — 1984. — № 2.
12. Дубінін М.П. Внесок академіка А.О. Сапегіна у генетику і цитологію // Укр. ботан. журнал. — 1974. — № 2.
13. Цит. по: Поповский М.А. Дело академика Вавилова / Вступ. статья А.Д.Сахарова. — М., 1990. Письмо Степаненко найдено в архиве Всесоюзного института растениеводства (ВИР), директором которого был акад. Н.И.Вавилов. Адресат неизвестен.
14. Глазко В., Шумный В. Век генетики, судьба генетика // Зеркало недели. — 2000. — 16 сент. Харьковський учений В.Ф. Чешко утверждає, що ворожда між Лысенко і Сапегініним почалась після того, як заступник директора виявив в звітах нового співробітника статистическі недостоверності, говоря попросту, приписки, чем Лысенко впоследствии занимался постоянно (В.Ф.Чешко. Наука и государство: методологический анализ социальной истории науки (Генетика и селекция в России и Украине в советский период). — Х., 1997. — С. 111.
15. Лысенко Т.Д., Степаненко Ф.С. Яровизация сельскогосподарських рослин (з інструкцією по яровизації колоскових хлібів). Вид. 3. — Київ-Харків, 1936.
16. Медведев Ж. Взлет и падение Лысенко: История биологических дискуссий в СССР (1929-1966). — М., 1993.
17. Сиволап Ю.М., Малота С.С. Еще раз о лысенковщине // Вісник Українського товариства генетиків і селекціонерів. — 2000. — № 2.
18. Лысенко Т.Д. Переделка природы растений. — М., 1937.
19. Глазко В.И., Чешко В.Ф. Август-48: Уроки прошлого. — М., 2009.
20. ГАОО. — Ф.П-11. — Оп. 1. — Д. 632. «Дорогой» и «уважаемый» Е.И. Вегер через год после получения письма Лысенко был расстрелян как «руководитель антисоветской террористической и шпионско-диверсионной вредительской правотроцкистской организации в Одесской области».
21. ГАОО. — Ф.П-11. — Оп. 21. — Д. 98. Документация по хлопку хранилась в совершенно секретных «особых папках».
22. ГАОО. — Ф.Р-7881. — Оп. 1. — Д. 41.

23. ГАОО. — Ф.П-11. — Оп. 1. — Д. 880.
24. Там же. — Д. 1239. По данным «Одесского мартиролога», Данчев Яков Михайлович и Бабак Михаил Константинович были расстреляны.
25. Там же. — Д. 967.
26. Там же. — Д. 1395. О взаимоотношениях Лысенко и Презента накануне переезда последнего в Одессу см.: Э.И. Колчинский. В поисках советского «союза» философии и биологии. — СПб, 1999. — С. 204-207. Партийное взыскание настигло Презента лишь в ноябре 1951 года: он был исключен из КПСС и снят с высокой должности в Московском университете.
27. ГАОО. — Ф.Р-7881. — Оп. 1. — Д. 2. Годовой отчет отдела генетики ВСГИ довоенного периода сохранился лишь за 1940 год. Остальная документация погибла.
28. Там же. — Д. 8.
29. Там же. — Д. 19.
30. Там же. — Д. 31.
31. ГАОО. — Ф.Р-4787. — Оп. 3. — Д. 37. Во время голосования Мирюта получил 17 голосов, а Воробьев только 2.
32. ГАОО. — Ф.П-8491. — Оп. 1. — Д. 13.
33. ГАОО. — Ф.Р-4727. — Оп. 3. — Д. 43.
34. ГАОО. — Ф.П-8491. — Оп. 1. — Д. 14.
35. ГАОО. — Ф.Р-7881. — Оп. 1. — Д. 25. В письме Сталину от 27 октября 1949 года Лысенко нагло соврал вождю: «Ветвистая пшеница может давать очень высокие урожаи порядка 50-100-150 центнеров с гектара». Причем, плут, знал, что в Одессе она дала только 4,7 центнера.
36. Там же. — Д. 31.
37. Ольшанський М.О. Про підсумки роботи IV сесії Всесоюзної академії сільськогосподарських наук ім. В.І. Леніна і про завдання дальшого розвитку мічуринської агробіології на Україні // Чорноморська комуна. — 1948. — 7 вересня. О киевском совещании подробнее см. в воспоминаниях: Гершензон С.М. Тропой генетики. — К., 1992. — С. 74-77.
38. ГАОО. — Ф.П-11. — Оп. 12. — Д. 784. Как ни странно, Вербин сохранял свой пост вплоть до 1959 года (см.: ЕСУ, т.4. — С. 251).
39. ГАОО. — Ф.Р-6752. — Оп. 2. — Д. 61. О том, что ситуация в Украине с виноградарством и виноделием продолжала ухудшаться, свидетельствует найденная в архиве информация на имя Хрущева, по-

сланная спустя два года после этого собрания. В ней сказано: «Ситуация в колхозах совсем плохая, в совхозах — просто плохая». Далее эти слова конкретизируются: площадь под виноградниками постоянно сокращается, винодельческая промышленность не может переработать даже то сырье, что имеется, поэтому в УССР на душу приходится по 250 граммов вина в год (Там же. — Д. 101. — Л. 1-25).

40. ГАОО. — Ф.П-8491. — Оп. 1. — Д. 20.

41. Там же. — Д. 21.

42. ГАОО. — Ф.Р.-4727. — Оп. 3. — Д. 52.

43. ГАОО. — Ф.П-8491. — Оп. 1. — Д. 28.

44. ГАОО. — Ф.Р.-7881. — Оп. 1. — Д. 54.

45. ГАОО. — Ф.Р.-1438. — Оп. 12. — Д. 18.

46. Там же. — Д. 26.

47. Там же. — Д.50. Иванченко, совершенно бесплодный как ученый, был снят с должности после проверки университета комиссией ЦК КПУ в декабре 1952 года (ГАОО. — Ф.П-11. — Оп. 14. — Д. 176. — Л. 2-72).

48. Там же. — Д. 59. Сменивший Иванченко новый ректор, С.И. Лебедев, побывав с делегацией в США, стал изучать нечто давно там известное — гибридную кукурузу.

49. ГАОО. — Ф.Р.-4727. — Оп. 3. — Д. 107.

50. Там же. — Д.108.

51. Там же. — Д.130.

52. Там же. — Оп. 5. — Д. 34. В награду за такие теоретические чудачества Ольшанский стал в марте 1951 года вице-президентом ВАСХНИЛ, разумеется, по протекции Лысенко. Позже, в начале 60-х годов, он будет недолго министром сельского хозяйства СССР и президентом ВАСХНИЛ. Мнение о нем окружающих было отрицательным. Так, вице-президент ВАСХНИЛ И.И. Синягин в своих воспоминаниях «Хлеб из Камня» писал о нем так: «Ольшанский был вообще биолог очень слабый, а агрохимик — просто нулевой» (Электронный ресурс: www.misha-sinyagin.narod.ru).

53. См. подробнее: Урсу Д.П. Иван Иванович Пузанов — видатний зоолог і мандрівник // Професори Таврійського університету, 1918-1941: Біограф. нариси. — Сімферополь, 2005. — С. 66-68.

54. ГАОО. — Ф.Р.-7881. — Оп. 1. — Д. 149.

55. Знамя коммунизма. — 1956. — 30 марта.

56. Знамя коммунизма. — 1956. — 6 апреля.

57. Делоне Н.Л. У времени в плену: Записки генетика // Электронный ресурс: www.delone/botaniklife.ru/books.
58. ГАОО. – Ф.Р.-7881. – Оп. 1. – Д. 152.
59. ГАОО. – Ф.П.-3139. – Оп. 1. – Д. 44.
60. Из истории борьбы с лысенковщиной: Документы // Известия ЦК КПСС. – 1991. – №7.
61. Любищев А.А. В защиту науки: Статьи и письма, 1953-1975. – Л., 1991.
62. ГАОО. – Ф.П.-3139. – Оп. 1. – Д. 56.
63. Чешко В.Ф. Наука и государство: Методологический анализ социальной истории науки. (Генетика и селекция в России и Украине в советский период). – Х., 1997. В пик лысенковщины 1949-1953 годы урожайность пшеницы составила 7,7 ц/га против 8,2 ц/га в 1913 году (Электронный ресурс: www.gumer.info/bibliotek-buks/econom/08.php).
64. Пихоя Р.Т. Советский Союз: история власти 1945-1991. – М., 1998.
65. Состояние государственных запасов золота. Публикуется впервые // Московские новости. – 1991. – 17 ноября.
66. Подсчитано по: Электронный ресурс: <http://www.agro-prensa.ru/index>
67. Реснт О.П. Хлібні ресурси України в добу капіталістичного розвитку (1861-1914) // Проблеми історії України XIX – поч. XX ст. Вип. 17. – К., 2010.
68. Электронный ресурс: www.big1september.ru/view-article.php .
69. Хохленко Г.Н. Сквозь призму времени // Эниология. – 2001. – №2.
70. Моргун Ф. Академик Трофим Лысенко: Каким он был в действительности. – Полтава, 2007.
71. Советская культура. – 1989. – 20 июля.

ЛИЦА ЗЕМЛЯКОВ

*Аліса Ложешник,
аспірантка кафедри історії України
ОНУ ім. І. І. Мечникова.*

**М. Р. КАНТАКУЗЕН ЯК ОТАМАН БУЗЬКОГО
КОЗАЦЬКОГО ВІЙСЬКА**

Останнім часом багато наукових робіт посвячено отаманам Південноукраїнських козачих формувань. В них автори досліджують участь Чорноморського [1], Азовського [2], Катеринославського [3] військ у військових кампаніях того часу, їхнє особисте життя. Але, на жаль, життя останнього отамана Бузького війська майже не розглядається, а якщо і висвітлюється, то досить побіжно [4]. Тому в цій статті ми дослідили діяльність М. Р. Кантакузена як отамана Бузького козацького війська.

Після усунення з посади І. К. Краснова 11 жовтня 1806 р. наказним військовим отаманом Бузького війська, а з 1808 р. повноправним отаманом було призначено великого Херсонського поміщика, полковника князя Миколу Радіоновича Кантакузена, нащадка волоських вельмож, який з 1790 року перебував на російській службі, брав участь у російсько-турецькій війні 1787 – 1791 рр. як підполковник Катеринославського козацького війська, а в 1797 р. вийшов у відставку [5]. М. Кантакузен поставився до нового призначення дуже схвально. Слід відзначити, що чин військового отамана дуже високо «цінувався» в Російській імперії. Наприклад, до М. Кантакузена навіть високі державні чиновники того часу зверталися не інакше, як «Ваша світлість» та «Пан отаман». З першого ж дня він, не шкодуючи своїх сил та здоров'я, робив все для поліпшення благоустрою свого війська, піклувався про його поповнення. Створення Бузького козацького війська викликало до себе великий потяг селян-втікачів, колишніх запорізьких козаків, всіх,

хто намагався позбутися кріпосницького ярма. Втім, прийом до нього був дуже обмеженим. Зараховувати до війська селян було категорично заборонено. Приймались лише особи іноземного походження. Тому значна частина селян-втікачів подавалася за кордон і, повертаючись, приписувалася до війська під виглядом чужинців. Прийом такого роду осіб особливо полегшувався під час військових дій, оскільки командування було зацікавлене у збільшенні кількості козаків [6.49].

Невдовзі після призначення М. Кантакузена, Дюк де Ришельє, який був у дружніх стосунках з отаманом [5.56], відправив його до Оттоманської Порти для того, щоб він вмовив болгар та інших християн переселитися звідти на бік Російської імперії. М. Кантакузен відправився за кордон разом із старшиною війська: підполковником Бицилієм, полковим осавулом Шеміотом, ротмістром Гулдирієм, сотниками Петруліном та Грибовецьким, прапорщиком Самаріном та урядниками Бузького війська Ромодановим та Боднирським. Про успішність данної кампанії свідчить сформування ним арнаутських волонтерських полків у Кишиневі: 1 і 3 – піші, 2 і 4 – кінні. Кінні полки отримували оклад і утримувалися як гусарські полки, як це було і при Рум'янцеві; а піші утримувались як Одеський грецький батальйон [7.80]. За дуже короткий строк (приблизно півтора місяці) Кантакузену вдалось зібрати до 2 тис. чоловік [8.186].

Відразу ж після створення, Нововербований полк прийняв участь в бойових діях проти турок під час російсько-турецької війни 1806 – 1812 рр. У складі Молдавської армії [9.8] вони брали участь в осаді Ізмаїла, у військових операціях Бессарібії, Молдавії і Волощини. За старанність і безмежну відданість дорученій справі Дюк де Ришельє клопотав про нагородження Кантакузена та залученої до створення волонтерських полків старшини перед генералом від кавалерії і кавалером Михельсоном [8.187].

Власний приклад отамана у бою надихав козаків на великі справи. 29 листопада 1806 р. герцог Ришельє відправив

М. Кантакузена разом із інженерним офіцером Хестером до Акерману з вимогою про здачу міста, а наступного дня герцога вже чекали в місті з великим нетерпінням [10.187].

У період наполеонівської навали загони бузьких козаків наслідуючи приклад свого отамана добровільно влилися до складу діючої армії, виявили зразки самовіданності і відваги. Відомий герой Вітчизняної війни 1812 р. Д. Давидов відзначав героїзм і мужність бузьких козаків, які під проводом Віктора Скаржинського спорядили за власний рахунок дружину в кількості 500 чоловік. Козаки лише просили зброї, у якій мали потребу. Окрім зазначеної дружини військо готувало ще 500 чоловік для поповнення її рядів у разі можливих втрат [11.602]. Успішно діяв 1-й Бузький полк і в закордонному поході, особливо у Франції при Краоні, Лаоні, Арсісі; брав участь у взятті Парижа. За це 14 січня 1816 року він був нагороджений найвищою нагородою для кавалерійських частин георгієвським штандартом (прапором) «За хоробрість» [12.97].

2-й та 3-й Бузькі полки боролися з французькою армією на Дніпрі, у складі партизанських загонів О. Фігнера та О. Сеславіна відзначились у боях під Дорогобузем, Крапівною, Борисовим. 2-й полк закінчив свій похід у Вільно [13.69-70]. Після закінчення військових дій козаки продовжували кордонну службу. Особливо відзначилися козаки у боротьбі з чужою в Одесі в 1812 р.

Але зовсім іншої точки зору відносно діяльності М. Кантакузена дотримується граф Ланжерон. Він вважає, що волонтери — це банда розбійників. До Нововербованого полку входять молдавани, греки, валахи, солдати, що раніше служили у російських військах, угорці-дезертири, серби-емігранти, російські поміщики, які поспішали перебратися на Буг. Вони за своїм положенням були нижче волонтерів, від бойових дій відмовлялись. Один турок змушував втікати 30 таких козаків. Сам же М. Кантакузен під час всієї російсько-турецької війни 1806 — 1812 рр. знаходився у Кишиневі, виправдовуючись тим, що нібито сушив сухарі для війська, залишивши його на

призволяще. Хоча військо без нього і не приймало участі в боях [14.600].

Крім в бойових походів М. Кантакузен займався і іншими, більш мирними справами. Так, 15 вересня 1811 р. він в оточенні 3 десятків козаків був присутнім на урочистому відкритті повітового училища для Бузького козачого війська у м. Вознесенську.

Отаман не був ініціатором ліквідації бузького війська, хоча таке звинувачення йому іноді і приписують. Навпаки, він, коли нависла загроза ліквідації війська, особисто їздив до Санкт-Петербургу на аудієнцію до імператора Олександра I і прохав царя зберегти військо. А у січні 1817 р. М. Кантакузен звернувся зі своїми ідеями про реконструкцію Бузького війська до Аранчєєва. Свідченням цього стали його нотатки: «Думки Бузького військового отамана про стан Бузького війська» та «Думки про перетворення Бузького козачого війська на кавалерійські полки». Впертість та рішучість, з якими М. Р. Кантакузен опирався перетворенню Бузького війська у військове поселення кавалерії, говорили передусім про власну зацікавленість отамана [14.579 – 580]. Перетворення Бузького війська на Аракчєєвських умовах позбавляло М. Кантакузена всякої надії зберегти в ньому своє положення [15. 358 – 361]. Та Аракчєєву не сподобались ідеї М. Р. Кантакузена. Очікуючи кріпацтва, козаки взяли до зброї. Хвиля протесту прокотилась по всьому військові. Роз'ярені козаки ледве не вбили наказного отамана М. Р. Кантакузена. Для придушення повстання потрібна була допомога більше ніж 10000 уланів Українських полків. Розправа була суворою: багато козаків загинуло, а ватажки (І. Бабиченко та Г. Гетьманенко) були відправлені до Сибіру. Наказом від 8 жовтня 1817 р. Бузьке козаچه військо було ліквідоване, а козаки перетворенні на військових поселенців. Микола Родіонович Кантакузен склав з себе повноваження отамана Бузького козачого війська. В 1818 р. йому присвоїли звання генерал-майора. До 1823 р. він перебував при керівнику 3-ї Бузької уланської дивізії графові Віттові, де

виконував доручення по справах військових поселень.

Микола Родіонович Кантакузен своєю звитягою та організаційними здібностями написав останні сторінки історії Бузького полку. Хоча під час його перебування на посаді отамана було дуже багато різних зловживань, але власний героїзм та відданість справі отамана надихала козаків його полку на перемоги.

Про взаємовідношення отамана М. Р. Кантакузена з полковою старшиною та його турбота про її укомплектування говорять представлені документи. Документи публікуються вперше, популярним методом, зі збереженням мовних, граматичних і стилістичних особливостей оригіналу (в тому числі граматичних помилок). Старі кириличні літери «і» та «с» замінені відповідними літерами «и» та «е». Твердий знак в кінці слів опущений. Непрочитані слова позначені трьома крапками у квадратних дужках.

Література:

1. Потто В. Чепега й Головатий — С.-Пб., 1904; Фелицын Е. Д. Кошечье, войсковые и наказные атаманы бывших Черноморского, Кавказского линейного и ныне Кубанского казачьего войска 1788 — 1888; Фелицын Е., Щербина Ф. Кубанское казачество и его атаманы. — М., 2008; Короленко П.П. Черноморцы. — СПб., 1874; Бачинський А.Д., Бачинська О.А. Козацтво на Півдні України 1775-1869. — Одеса, 1995; Шиян Р. Чорноморське військо вірних козаків в останній чверті XVIII ст. — Запоріжжя, 1996.

2. Гладкий В.О. Осип Михайлович Гладкий — кошевой атаман Задунайской Сечи. 1789 — 1866 // Русская старина, 1881. — № 2. — С. 381 — 39; Короленко П.П. Азовцы // Киевская старина. — 1891. — № 7. — С.53-74; № 9. — С. 171 — 194; Яворницький Д. І. Кошовий отаман Осип Михайлович Гладкий // Ювілейний збірник академіку М.С. Грушевському. — К., 1927. — С. 295 — 305; Маленко Л. М. Азовське козацьке військо (1828 — 1866). — Запоріжжя, 2000; Йосип Гладкий: людина і діяч // Південна Україна VIII — XIX ст. Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України ЗДУ. — Запоріжжя, 1999. — Вип. 4. — С. 240 — 252.

3. Смирный Н.Ф. Жизнь и подвиги графа Матвея Ивановича

Платова. – Ч. 1 – 2. – М., 1821; Мальшев В. Н. Генерал от кавалерии граф Матвей Иванович Платов. – СПб., 1904; Жизнеописания русских военных деятелей. – Т. 1. – С.-Пб., 1885; Сапожников А. И. Атаман Платов: Проблемы историографии // Экономические и социально-политические проблемы отечественной истории: Сборник научных трудов. – М., – С.-Пб., 1992.

4. Скальковский А. Еще о бугских казаках // Киевская старина, 1882. – № 12. – С. 598 – 602; Хиони И. А. Бугские казаки и их борьба против феодально-крепостнического гнета (посл. четв. XVIII – перв. четв. XIX вв.): Дисертация кандидата исторических наук. – Одеса, 1973; Бачинська О. Козацтво в «післякозацьку» добу української історії (кінець XVIII – XIX ст.) : наук.-попул. вид. / Олена Бачинська. – К., 2011; Дорошенко О. М. Рід Скаржинських в історії Південної України (сер. 18 – поч. 20 ст.) / Дисертація канд. іст. наук. – Одеса, 2010.

5. Хромов А. В. Реалізація місцевою владою Південної України політики уряду Російської імперії щодо козацтва у XIX ст.: Дисертация канд. іст. наук. – Одеса, 2012.

6. Бачинська О. А. Бузьке козацьке військо 1785-1817 рр. // Козацтво на Півдні України. Кінець XVIII – XIX століття – Одеса, 2000.

7. Петров А. Н. Война России с Турцией 1806 – 1812. – СПб, 1885. – Т.1.

8. Скальковский А. К истории бугских казаков // Киевская старина. -1883. – Т. 6.

9. Калинин С. Е. Бугское казачье войско в 1812 – 1814 гг. – Москва, 2011 .

10. Записки графа А. Ф. Ланжерона: Война России с Турцией. 1806 – 1812 // Русская старина. – 1907. – №6.

11. Скальковский А. Еще о бугских казаках // Киевская старина. – 1882. – Т. 4.

12. Український народ у Вітчизняній війні 1812 р. Зб. документів. – К., 1948.

13. Хиони И. А. Бугские казаки и их борьба против феодально-крепостнического гнета (посл. четв. XVIII – перв. четв. XIX вв.): Дисертация канд. ист. наук. – Одеса, 1973.

14. Записки графа А. Ф. Ланжерона: Война России с Турцией. 1806 – 1812 // Русская старина. – 1907. – №6.

15. Богданович М. И. История царствования Императора Алексан-

дра I и Россия в его время. — М., 1871— Т. 5.

1.

Господину Адмиралу и кавалеру маркизу Детравери.
Наказного атамана бугского войска
и полковника князя Кантакузена

Рапортъ

Во исполнение повеления Вашего высокопревосходительства в 21 числа сего февраля съ №1127 последовавшего имею честь донести, что по болезни 3-го бугского казачьего полка полкового командира майора Селистранова полк сей в командовании поручень полковнику есаулу Салтыковскому, по его старшинству достоинству о составлении коего всеи должности до выздоровления майора Селистранова испрашивая Вашего высокопревосходительства благоразсмотрения (ДАОО. — Ф. 1. — Оп. 218. — Спр. 8. — Арк. 44.).

2

Господину Генераль лейтенанту и кавалеру дюку Деришелье
Наказного атамана Бугского войска
полковника князя Кантакузена.

Рапортъ

На предь сего доносиль я Вашему сиятельству о болезненыхъ припадках секретаря бугской войсковой канцелярии Порубаева, чрезъ которые продолжать службу онь неможеть, и потому поруча до временно въ исполнение секретарскую должность экспедитору Еварскому. Просиль о увольнении Порубаева учинить начальничье Вашего сиятельства благоразсмотрение, теперь признаю я на занятие секретарской должности въ бугской войсковой канцелярии достойнымъ и способнымъ известного мне въ хорошемъ поведении от ставного аудитора Могилевцева, с утверждениемъ коего всеи звание, испрашивая Вашего Сиятельства повеления (ДАОО. — Ф. 1. — Оп. 218. — Спр. 8. — Арк. 70).

3

Господину Генерал лейтенанту и кавалеру дюку де ришелье.
Наказного атамана бугского войска
полковника князя Кантакузена

Рапортъ

Бугская войсковая канцелярия представляетъ мне то, что утвержденной Вашимъ сиятельствомъ окружного начальства начальничьимъ помощникомъ хорунжики Раторень Новгородский по приключившиися ему

в. ногахъ мамотной болезни должности сей далее справлять не можетъ. Просить Раторена Новгородского уволить, а на место его определить от ставного поруччика Малорена. Представляя отомъ вашему сиятельству въ покорнейше прошу с уволнении хорунжого Раторена Новгородского отъ исправляемой должности под. определение на место его хорунжого Малорена снабдить меня повелениемъ (ДАОО. — Ф. 1. — Оп. 218. — Спр. 8. — Арк. 182).

Валерий Левченко,

*кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры
украиноведения Одесского национального
морского университета*

Эдуард Петровский,

*кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории
Украины Одесского национального
университета имени И. И. Мечникова*

**ИСАЙ ПАВЛОВИЧ ШМИДТ (1895–1975):
ПЕРВЫЙ РЕКТОР ОДЕССКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

И. Шмидт. 1950

С историей Одесского национального университета имени И. И. Мечникова связано огромное количество имён. Но есть одна тенденция в данном вопросе, что одни имена вспоминаются постоянно, а другие сегодня почти забыты. Поначалу их перечисляют в коротком списке важных лиц, со временем их иногда вспоминают в длинном перечне второстепенных имён, а в прошествии определенного времени, называют все реже, все глуше, все отрывочнее. Постепенно обладатели этих «незвучных» фамилий растворяются в историческом прошлом почти бесследно, превращаясь в безымянный фон более столетней университетской «летописи». К таким, забытым фигурам в истории Одесского университета, можно отнести и ректора, профессора, доктора исторических наук, заведующего кафедрой истории партии Исаю Павловича Шмидта, который возглавлял университет с 1933 по 1936 гг. — один из самых драматичных и напряжённых периодов отечественной истории. Его имя сегодня почти не знают боль-

шинство представителей профессорско-преподавательского состава университета, за исключением немногих специалистов, хотя в 1920–30-е гг. он занимал довольно важную роль в культурной и общественной жизни молодой, утверждающейся страны – СССР.

Двенадцать страниц посвящено истории Одесского государственного университета в период 1930-х гг. в современном юбилейном издании 2000 г., но о его первом ректоре только одно короткое упоминание: «Ректором ОДУ з 1933 року був І. П. Шмідт» [1]. В рамках одного предложения информация об И. П. Шмидте и в предыдущих юбилейных изданиях периода советской власти [2–4]. Не упоминается его имя и в изданиях, посвящённых истории города, в которых ведущими одесскими историками широко представлена история высшей школы Одессы [5–6].

Обращение внимания авторов на личность И. П. Шмидта предопределено многими как конкретными, так и общими факторами: скудность биографических данных, отсутствие точности в определении годов руководства на посту ректора (по одним данным 1933–1937 [3], по другим – 1933–1938 [10; 1]); 80-летний юбилей со дня возрождения университета в 1933 г.; грядущий 150-летний юбилей университета со дня основания в 1865 г. и ростом научного интереса в современной историографии к ведущим деятелям высшей школы Одессы, её администраторам – ректорам [7]. В связи с этим предлагаемое исследование представляет собой попытку всестороннего освещения жизни одного из представителей эпохи модернизации советского общества.

Сегодня можно констатировать, что И. П. Шмидт не принадлежал к числу учёных, которые получили благодарную оценку советской власти за свою профессиональную деятельность, вследствие чего информация о нём в различных официальных изданиях как советского, так и современного периодов представлялась в минимальном объёме [8]. Не достаточно изученной остаётся биография И. П. Шмидта и на современном этапе ис-

торической науки. В связи с этим данная статья является попыткой представить научную биографию одесских периодов жизни профессора И. П. Шмидта, информацию о которых нам удалось собрать в результате длительного процесса исследования архивных материалов, опубликованных источников и научной литературы. Написана статья в жанре персонификации, который подразумевает использование биографического подхода к жизни учёного, но построенная по принципу проблемного подхода в изучении, а не лишь изложения фактов биографии. Надеемся, что публикация подобного рода поможет современникам осознать масштабность и значимость личности И. П. Шмидта. Исследование его биографии стало возможным только на современном этапе, что подтверждают первые опубликованные научные работы [9–12].

Родился И. П. Шмидт в Одессе в 1895 г. в семье еврейского рабочего табачной фабрики. Первый же факт биографии И. П. Шмидта — дата рождения, вызывает дискуссию. Основой для этого стало то, что сегодня среди биографов учёного нет единого мнения по этому вопросу. Одесские биографы указывают 1895 год рождения [10. 76; 12. 442], а российские — 1896 г. [9; 11. 85; 13–14]. Открытым остаётся вопрос и о настоящей фамилии И. П. Шмидта. В современной литературе встречается и другой вариант его фамилии — И. П. Гольдшмит [15–16]. Позволим себе предположить, что изменение фамилии «Гольдшмит» на созвучную «Шмидт» также связано с популяризацией в 1920-е гг. фамилии героя революционных событий 1905 г. лейтенанта П. П. Шмидта, который также родился в Одессе.

До 1913 г. И. П. Шмидт учился в одном из уважаемых средних учебных заведений — гимназии В. И. Малярова. По окончании учёбы с 1913 до 1915 гг., пойдя по стопам отца, работал в редакции и типографии популярной газеты «Одесских новостей». Как и большинство его сверстников, он не избежал модного на то время увлечения революционными идея-

ми, что привело к участию в рабочем движении. Летом 1915 г. И. П. Шмидт впервые покидает Одессу. С июля по декабрь он служил рядовым солдатом в царской армии, где за революционную агитацию был осуждён на 13 лет каторги и заключён в Шлиссельбургскую крепость [9; 11. 86]. События февральской революции принесли ему свободу, и он вернулся в родной город. Возникает ещё один момент в биографии И. П. Шмидта, который также на сегодня остаётся для исследователей документально неподтвержденным. Согласно одним источникам в это время он был студентом историко-филологического факультета Новороссийского университета (1917–1919) [11. 86; 13–14]. Проверка списков студентов университета за данный период не подтвердила этот факт [17]. По другим источникам — вступил в РСДРП и начал вести активную деятельность в большевистском подполье. На сегодня оба факты остаются документально не подтвержденными, что ставит задачу продолжения исследования. В период интервенции Одессы (1918–1919) И. П. Шмидт был арестован и несколько месяцев провёл в тюрьме, где и познакомился с Г. И. Котовским [10. 76].

Гражданская война для И. П. Шмидта началась в 1919 г., когда 3 июля командир 45-й дивизии И. Э. Якир подписал приказ, по которому он назначался комиссаром созданной в составе этой дивизии 2-й стрелковой бригады под командованием Г. И. Котовского [10. 76]. События этой поры снова вырвали И. П. Шмидта из Одессы, и он активно включился в водоворот воинской службы. В период с 1919 по 1926 гг. в рядах Красной армии по партийной линии он занимал разные посты: военком полка, комиссар бригады, начальник политотдела 44-й стрелковой дивизии, начальник орготдела политуправления 5-й армии, комиссар военно-учебных заведений воздушных сил РККА. Находясь в составе 5-й армии в Чите, был одним из троцкистских лидеров, вплоть до выступления троцкистским содокладчиком на общегородском партсобрании [14].

Активная партийная работа не оставила без внимания И. П. Шмидта со стороны большевистских лидеров. В 1925

г. он был назначен начальником первого международного советского авиаперелёта Москва — Пекин — Токио. Прославленный лётчик М. М. Громов со временем вспоминал: «Начальником экспедиции был назначен И. П. Шмидт — мужчина высокого роста, немного косоватый, с огромной каштанового цвета бородой, еврей по национальности. Он небрежно носил кепку и серый костюм. Воротник его рубахи был, всегда расстёгнут, а если он снимал пиджак, то засучивал рукава рубашки по локоть. Видимо, он умышленно кому-то подражал, Шмидт выглядел весьма импозантно. Он не был авиационным специалистом, а был агитатором и пропагандистом как по профессии, так и по своей натуре. Обычно на другой день после посадки — митинг на аэродроме с участием всей экспедиции. Шмидт всегда выступал первым. Его ораторские способности агитатора и пропагандиста раскрывались в этой обстановке с особой силой, и каждое выступление награждалось дружными аплодисментами» [18]. За успешное проведение научно-исследовательской экспедиции в июле 1925 г. И. П. Шмидт был награждён ВЦИК СССР орденом Красного Знамени, а в сентябре того же года — Реввоенсоветом СССР серебряным оружием [11. 86].

1925 г. стал своеобразным водоразделом в профессиональной деятельности И. П. Шмидта. С этого времени из известного военного пропагандиста/агитатора он перевоплотился в научно-педагогического работника — с 1925 по 1974 гг. (почти пятьдесят лет с небольшими перерывами) работал в высших учебных заведениях в качестве старшего преподавателя, доцента, профессора, заведующего кафедрой, декана, ректора.

Не имея специального высшего образования в 1925 г. он начал преподавать в Коммунистической академии им. Н. К. Крупской, а в 1926—1929 гг. заведовал Московской партийной школой. В 1929 г. И. П. Шмидт сдал конкурсные экзамены и стал студентом отделения истории (специальность «История СССР») Института красной профессуры, который на то время исполнял роль ведущего заведения, по подготовке

идеологически «подкованных» научных кадров. Его слушателями могли стать коммунисты с 5-летним партийным стажем, имеющие способности научного исследователя, а также опыт партийной, советской и общественной работы. Этим требованиям, безусловно, соответствовали навыки И. П. Шмидта. Параллельно с обучением, которое окончил в 1933 г., он продолжал заниматься педагогической деятельностью: преподаватель Академии коммунистического воспитания, доцент и заведующий кафедрой истории Московского института востоковедения (1930–1933) [11. 86].

По окончании в 1933 г. Института красной профессуры профессиональная карьера И. П. Шмидта продолжала складываться удачно. Во-первых, он получает очередное повышение, а во-вторых, возвращается в Одессу. Именно в родном городе согласно постановления СНК СССР он стал первым ректором восстановленного Одесского государственного университета (ОГУ) и одновременно директором курсов ЦК КП(б)У (1933–1937). Ситуация с должностью ректора тоже была непростой. Подготовка к открытию учебного заведения сопровождалась объявлениями, которые регулярно публиковались в местной прессе. До 21 августа 1933 г. во всех объявлениях указывалось, что ректором университета является М. Х. Фарбер, и лишь 4 сентября появилась информация, что ректором назначен И. П. Шмидт [19–20]. Он же возглавил общеуниверситетскую кафедру истории партии.

И. П. Шмидту как ректору университета приходилось руководить немалым хозяйством. В состав вуза в дополнение к открытым физико-математическому, химическому, естественному (биологическому) и экономическому факультетам вошли вместе с оборудованием такие организации: физико-технический институт Украинфильма, филиал Украинского института математики и механики, ботанический сад, а также Одесская государственная научная библиотека и социально-экономическая библиотека бывшего Новороссийского университета [21]. В 1934 г. в ОГУ была полностью возвращена бывшая

научная библиотека Новороссийского университета, присоединенная к публичной библиотеке Одессы [22. 32].

Можно предположить, что не последнюю роль И. П. Шмидт сыграл при открытии в структуре университета самостоятельного исторического, а также и географического факультетов. Поначалу существовала лишь историческая группа на базе экономического факультета в составе 76 студентов (по состоянию на 1 апреля 1934 г.). Но в докладной записке от 23 апреля 1934 г. НКО УССР отмечал, что имеющееся в университетах страны общее количество студентов-историков не может удовлетворить потребности средней и высшей школы в преподавателях-историках. А потому предлагалось образовывать в Одесском университете отдельный исторический факультет с такими специальностями для подготовки кадров историков: история России и СССР, древняя история, история средних веков и новая история. Контингент набора на исторический факультет ОГУ утверждался в количестве 60 человек, а на преподавательской работе, как на основной, закреплялись Н. И. Межберг, И. П. Шмидт, И. Д. Сероглазов [22. 37–38]. Чтобы начать учебный год с 1 сентября 1934 г. административный и преподавательский состав университета, под руководством И. П. Шмидта, начали усиленную работу по оборудованию помещений для обучения, формированию контингента преподавателей и вспомогательного персонала, составлению учебных планов, проведению набора студентов. В местной прессе многократно выходили объявления о приеме заявлений от тех, кто хочет обучаться в университете и, в частности, на историческом факультете [23].

Дополним существующую картину фактом хозяйственной жизни университета, не обходившемся без участия его ректора. В 1930-е гг. ОГУ имел собственный совхоз, где кроме посевов разводили поголовье коров, лошадей, свиней, кроликов, птиц. Администрация вуза беспокоилась жилищными и бытовыми проблемами рабочих совхоза, обеспечением водоснабжения, подготовкой кормов, подбором необходимых по-

род животных, поставками продукции совхоза для нужд студентов и др. проблемами [24. 131–132].

Приходилось И. П. Шмидту как ректору принимать радикальные меры по отношению к нарушителям учебного процесса или дисциплины. В одном из приказов ректора от 10 ноября 1935 г. находим: «Студента 1-го курса исторического факультета Лимановского З. Л., за антиобщественное, хулиганское поведение по отношению к студентке; студента 4-го курса биологического факультета Деруна А. И., за морально-бытовое разложение и антиобщественное отношение к женщине; аспиранта научно-исследовательского института физики Бублика Г. С. за обман и издевательство над женщиной — из университета исключить и из общежития выселить» [24. 180].

В Одессе произошло событие, решившее дальнейшую судьбу И. П. Шмидта и на всю жизнь связавшее его с системой высшего образования. Несмотря на то, что даже советская власть часто переступала все каноны при ротации кадров в системе высшей школы, ситуация с ректорством И. П. Шмидта смущала и самих лидеров. В руководстве НКО УССР прекрасно понимали, что молодой специалист, несмотря на восьмилетний педагогический и семнадцатилетний партийный стаж, не может занимать должность ректора без учёной степени и учёного звания. И это вместе с тем, что И. П. Шмидт активный участник борьбы с «левой оппозицией» (критика IV тома «Истории ВКП(б)», под ред. Е. М. Ярославского [25]) [10. 77]. Не исключено также, что он имел значительную протекцию со стороны брата — известного государственного деятеля Осипа Павловича Осипова-Шмидта [26]. Поэтому уже в 1934 г. без защиты докторской диссертации И. П. Шмидту было присвоено учёное звание профессора истории [11. 87].

Но все вышеперечисленные позитивные моменты в биографии И. П. Шмидта и, не смотря на его активное участие в реорганизации системы высшего образования (участие в совещаниях, конференциях, съездах) [27], не способствовали налаживанию плодотворной работы в Одесском университете. В

первые два года после возобновления деятельности университета факультеты и кафедры столкнулись с трудностями в составлении стабильных учебных планов по основным и специальным курсам. Новизна в организации учебного процесса, а также отсутствие необходимого опыта в определении основных направлений подготовки специалистов с университетским уровнем образования и потребностей народного хозяйства. Эти факторы приводили к частым изменениям проблематики читаемых курсов, заменам в преподавательском составе, нестабильном расписании занятий и т. д. До реформы 1936 г. в системе высшего образования наблюдался определенный хаос, часто сопровождающийся бессмысленными экспериментами и новациями послереволюционного времени [23. 242–243].

Кроме того, становление вуза проходило в крайне неблагоприятной политической ситуации 1930-х гг., когда повсеместно шли поиски «врагов народа», «вредителей». Вполне закономерные социально-экономические проблемы получали политическое обоснование с последующими оргвыводами для руководящих кадров. Соответственно все проблемы университета, уже после отъезда И. П. Шмидта из Одессы, объяснялись вредительской деятельностью его первого руководителя. В подтверждение этого тезиса выдвигаем два фактора, которые характеризуют общую картину ректорства И. П. Шмидта.

Во-первых, время его работы на этой должности совпало с борьбой коммунистической партии против «троцкистской оппозиции» и «буржуазного национализма», что привело к партийным чисткам и репрессиям административного и профессорско-преподавательского составов. Например, в 1935 г. в университете действовали специальные комиссии по выявлению троцкистов. Как отмечалось в одном из отчётов, «обеспечение партийным руководством наиболее важных участков, за исключением руководства комсомолом (и то в последнее время), дело налажено неудовлетворительно». Лично И. П. Шмидту в вину ставилось то, что его заместитель (проректор) по учебной части Д. И. Складрук является исключённым

из партии троцкистом, а заместитель по хозяйственной части Фетисов — бывший меньшевик [28]. Такое положение дел привело к увольнению значительного числа администрации и преподавателей, а И. П. Шмидт в конце 1935 г. был вынужден возглавить ещё и комсомольскую ячейку университета. Период с 1936 г. был ещё более сложным в ректорской карьере И. П. Шмидта. В одном из докладов в 1938 г. заведующий отделом школы и науки областного партийного комитета Э. Р. Гринштейн акцентировал внимание на том, что именно в это время «ОГУ особенно был засорён вражескими элементами. Органами НКВД раскрыто целую банду врагов народа (20 преподавателей, 3 аспиранта, 1 лаборант)... в университете имеет место недопустимая расхлябанность» [10. 78].

Во-вторых, личные отношения представителей педагогического состава, их участие в интригах, склоках, борьбе за выживание в сложных социально-политических условиях не добавляли «новому» одесситу И. П. Шмидту авторитета. Например, в 1934 г. И. П. Шмидт предложил профессору А. А. Сухову [29] возглавить кафедру физической географии на условиях предоставления квартиры. Однако обещание не было выполнено, за что обидчик прилюдно назвал ректора плохим администратором [30]. В свою очередь для мести И. П. Шмидт использовал личные связи с редактором газеты «Молодая Гвардия» и одновременно членом обкома партии Чаровой и уже 26 ноября 1934 г. в газете появилась статья под названием «Выше большевистскую бдительность», в которой значительное внимание было уделено контрреволюционности и двурушничеству профессора А. А. Сухова [31]. Данная статья и конфликт с ректором повлекли за собой увольнение профессора из университета, но через два месяца после обращений в разные инстанции, ходатайства Одесской секции научных работников и вмешательства Наркомпроса Украины, признавшего увольнение необоснованным [32], он был восстановлен на работе. Областным руководством И. П. Шмидту был объявлен выговор за неумение работать с подчи-

нёнными [33]. Хотя этот факт недоразумения между двумя видными представителями университета того времени, имеющими в определенной степени сложный характер и немалые амбиции имеет документальное подтверждение, но вряд ли лишь на его основании стоит делать выводы или давать оценку действиям людей, живших в столь противоречивую эпоху.

Можем предположить, что руководить университетом в условиях нарастания вакханалии подозрений, обвинений и репрессий со стороны партийных организаций и органов НКВД с каждым годом для И. П. Шмидта становилось все тяжелее. На основании архивных документов можно констатировать, что роль комсомольской и партийной организаций университета и их влияние на все происходящие в его стенах процессы возрастала с каждым годом. Во второй половине 1930-х гг. комсомольско-партийная ячейка университета практически подомнула под себя весь учебно-воспитательный процесс заведения и научную деятельность его ученого сообщества. Поначалу работы ректор И. П. Шмидт пытался активно участвовать в партийной жизни ОГУ: выступал на собраниях, предлагал различные инициативы, возглавлял партийные структуры и проводимые собрания. Но вскоре его роль и влияние на ситуацию заметно снижаются. Появляется все большее количество новых партийных выдвиженцев как из преподавательского состава, так и представителей аспирантского и студенческого актива. Эти «товарищи» становятся все более яркими защитниками внедрения линии партии в образовательном процессе, все более громко и защищают ее интересы в стенах учебного заведения, с непримиримой силой обрушиваются на всех, кто хоть как-то пытался отстоять самостоятельность университета как учебного и научного учреждения. Их разрушительная критика становится весомее каких-либо здравых суждений. В условиях формирования тоталитаризма это лишь способствовало чрезмерной централизации руководства высшей школой, усилению власти партийно-комсомольской администрации над преподавательским кол-

лективом, жесткой регламентации внутренней жизни университета, которая соответствовала характеру политического устройства сталинской диктатуры.

В 1930-е гг. широко практиковалась «подготовка» партийных, комсомольских, профсоюзных и общих собраний коллективов. Накануне проведения руководство партийных организаций определяло повестку дня собраний, докладчиков, выступающих, готовило окончательные решения. Тексты докладов и выступлений должны были быть написаны, и они проверялись. Тех, кто критиковал или осмеливался высказывать свою точку зрения на обсуждаемые вопросы, в большинстве случаев относили к носителям мелкобуржуазных взглядов, которые саботировали социалистическое строительство, а то и к врагам народа. Таким способом достигалось единство мыслей членов организации или коллектива, полная поддержка политики партии и советской власти и, в целом, всего советского народа. Вместе с тем, такие методы достижения единства угнетали инициативность, творческие идеи, подменяли и обезличивали человека, делали его безликим представителем коллектива.

В подтверждение вышесказанного приведем лишь некоторые примеры из жизни университета того времени и работы в нем его первого ректора И. П. Шмидта. Так, 7 января 1936 г. в ОГУ состоялось общее собрание студентов и профессорско-преподавательского состава. Присутствовали на нем 1313 человек. И. П. Шмидт был одним из 11 человек, заседающих в президии. На повестку дня было вынесено два вопроса: итоги декабрьского пленума ЦК ВКП(б) и текущие дела. По первому вопросу доклад делал декан исторического факультета И. Д. Сероглазов. После довольно бурного обсуждения постановили среди прочего: «Прослушав итоги декабрьского Пленума ЦК ВКП(б) (1935) о заданиях промышленности и транспорта в связи со стахановским движением и итоги проверки партийных документов — студенчество и профессура Одесского государственного университета с восхищением приветствует и при-

соединяется к решениям Пленума ЦК и вместе со всей страной заявляет партии, что все силы и умения студентов и профессуры направит на успешное решение тех задач, которые поставлены Пленумом ЦК» [24. 28]. Восхваляя саму идею стахановского движения, здесь же на собрании преподаватель Барабтарло взял на себя обязательство защитить диссертацию в 1936 г. и вызвал на соревнование преподавателей Машталлера и Сероглазова. Оба на такой вызов откликнулись и взяли на себя обязательство защитить докторские диссертации в установленный наркоматом образования срок.

На заседании партийного комитета ОГУ 23 августа 1935 г. рассматривался вопрос о ходе набора и зачисления абитуриентов в университет. Из поданных 1008 заявлений на 480 мест было зачислено 231 человека. Проблемой считалось, что из этого количества лишь 127 человек — выходцы из рабочих и колхозников, а остальные — это служащие и трудовая интеллигенция. Приемную комиссию (Д. И. Склярук и П. Чухрий) обязали до 28 августа рассмотреть все заявления абитуриентов и обеспечить прием в университет наибольшего количества рабочих и колхозников. Максимально привлечь к этой работе деканов факультетов, а также подобрать необходимое количество лучших абитуриентов из числа не поступивших в ОГУ с предложением им остаться на подготовительных курсах и рабочем факультете для подготовки к поступлению на следующий год. Кроме того, рассматривались различные другие вопросы: работа студенческих буфетов, обеспеченность общежитий, составление учебных планов, проведение международного юношеского дня, работа редакции университетской многотиражки и др. [24. 127—127 об.]. В целом обычные вопросы из жизни высшего учебного заведения присущи не только этому десятилетию. Из документов просматривается участливая роль парторганизации в жизни университета, но без пережима, агрессии или диктата. Но с каждым последующим партийным собранием ситуация становится все более напряженной, недоверие и взаимобвинения в ошибках и не-

дочетах, простоянные интриги. Наблюдалось угнетенное состояние многих участников, не знающих, что лучше: нападать или защищаться.

Наряду с другими И. П. Шмидт выступал 15 февраля 1936 г. на заседании общего закрытого партсобрания по поводу постановления ЦК ВКП(б) и СНК об исторической науке [34. 16–22]. Яркая пропагандистская речь касалась критики научных взглядов академика Н. Покровского и выявления ошибок в чтении истории в университете, которое базировалось на многих концепциях и учебниках ученого.

Вскоре сам ректор И. П. Шмидт попал в центр событий, став жертвой многочисленных интриг. Летом 1936 г. его вызвали в Москву, а в это время 20 августа в газете «Черноморская коммуна» появилась разгромная статья с названием «Защитник троцкистов на посту ректора университета». Проходивший в Москве процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра дал возможность С. Греккеру обвинить И. П. Шмидта в троцкизме и покровительстве «врагов народа», в частности проректора университета по научной работе Д. И. Склярука и доцента кафедры истории Украины И. М. Трачевского.

Так, уже 5 сентября 1936 г. состоялось общее закрытое комсомольское собрание КСМ университета. Присутствующие на нем 502 комсомолецья рьяно разбирали доклад секретаря Ворошиловского райпарткома Кузнецова «О разоблачении последователей контрреволюционной троцкистско-зиновьевской банды в партии и в комсомоле». Среди ярких высказываний уже второго высказывающегося по докладу встречаем практические рекомендации: «Борьба должна заключаться в практической работе, в изучении друг друга. Нужно внимательно относиться даже к разговорам друг друга. Студенты и комсомольцы исторического факультета должны уметь и в литературе выявлять чуждые для нас выражения. Шмидт, преподавая историю партии, и здесь проявлял свое двурушничество...» [34. 137]. Сразу же появилось множество желающих припомнить, что ректор Шмидт делал не так: не всегда

вовремя приходил на лекции (а за это ведь получал деньги советского государства!); мешал работать комсомольской организации; не соглашался с партийным и комсомольским комитетом по вопросу о кандидатах на исключение из университета или же наоборот сам исключал за неуспеваемость или антиобщественное поведение коммунистов и комсомольцев, за которых пыталась заступаться КСМ организация; недостаточно уделял внимания проверкам общежитий; указывал редакции университетской газеты на характер информации и тематику публикаций; имея весомый авторитет не допускал критики в свой адрес и т. д. Все последующие месяцы партийная и комсомольская организации громогласно обвиняли И. П. Шмидта в развале учебной, воспитательной и научной работы университета. Сами того не подозревая, они все более втягивались в процес взаимобвинений, оговоров, подозрений и недоверия на фоне того, как друг за другом из их числа появлялись новые «враги народа», как в условиях нарастания вакханалии репрессий все сложнее становилось оградить себя от неограниченного произвола органов НКВД. Можем утверждать, что выезд И. П. Шмидта из Одессы по сути спас ему жизнь. Временно исполняющим обязанности ректора после отставки И. П. Шмидта стал М. С. Вайнштейн. Но волна хаоса и репрессий в 1937 г. смела и его. Уже 23 сентября 1937 г. на общем партсобрании констатировалось, что за последнее время в университете как врагов народа арестовали 11 преподавателей [35. 31]. И это не считая тех, кого отстранили от преподавания или просто выгнали из учебного заведения. «Гнев партии», а вслед за этим и репрессии обрушились на Д. И. Склярука, И. Д. Сероглазова [36], И. И. Погорелого [37], Ш. Г. Вишнепольского, М. И. Гордиевского [38], А. Сухова и многих других работников университета. Осенью 1937 г. парторганизация университета констатировала отсутствие в учебном заведении ректора и необходимость просить НКЮ УССР о назначении на эту должность нового человека. Можно предположить, что М. С. Вайнштейн так и не вер-

нулся к исполнению обязанностей ректора после ухода в отпуск. Лишь согласно приказу наркома образования УССР от 14 марта 1938 г. в университет на должность ректора был прислан рекомендованный ЦК ВКП(б) П. Ф. Пекарский [39]. Да и его свергли с этой должности после того как не явился на партсобрание для отчета. В результате сложных закулисных комбинаций с участием обкома партии к власти в университете пришел 40-летний доцент Н. А. Савчук [40].

Точная дата окончательного отъезда И. П. Шмидта из Одессы неизвестна, но можно констатировать, что период 1936–1938 гг. был для него очень сложным. После увольнения в 1936 г. из университета в 1937 г. арестовывали его брата — Осипа Павловича Осипова-Шмидта [26], который на тот момент занимал пост заместителя наркома тяжёлой промышленности СССР. Он был арестован 27 августа 1937 г. по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации, а 25 апреля 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорён к расстрелу, который был приведён в исполнение в тот же день. Была арестована и жена Осипа Павловича Зинаида Леонтьевна Осипова-Шмидт, которую отправили в «Акмолинский лагерь жен изменников родины» (АЛЖИР), где по политическим мотивам отбывали наказание жены многих известных государственных, политических и общественных деятелей. Скорее всего, было вынесено решение о заключении сроком на 5 лет в исправительно-трудовой лагерь, поскольку она была освобождена лишь 1 марта 1943 г.

Сразу после ареста брата И. П. Шмидт был уволен из партии, а в его автобиографии появилась запись: «В 1937 г. в связи с репрессированием моего младшего брата меня исключили из партии с формулировкой «за потерю бдительности» [11. 87]. Эти события наложили отпечаток на личную жизнь И. П. Шмидта. После исключения из партии жена отказалась от политически неблагонадёжного профессора и, забрав двух дочерей, ушла от него [11. 91].

В дальнейшем судьбу И. П. Шмидта постигла участь

многих советских граждан, чьи родственники были репрессированными. Молох репрессий его самого обошёл стороной, но из одной из центральных фигур в системы высшего образования страны он постепенно компартийными органами удалялся от столицы и в итоге был переведён в разряд второстепенных исполнителей провинциальных вузов Российской Федерации. На второй период жизни И. П. Шмидта — «российский», приходится почти пятьдесят лет.

В большей степени имя И. П. Шмидта хорошо известно российским историкам как профессора Коломенского учительского института (1939–1941), Ярославского педагогического института (1941–1948), Узбекского гос. университета (1950–1952), Кемеровского учительского института (1953–1955), Томского гос. университета (1954–1955), Московского педагогического института (1956–1964), Южно-Сахалинского педагогического института (1965–1974).

Выехав из Одессы, И. П. Шмидт обосновался в Москве. Сначала он работал редактором Соцэкза (1938–1939), а с открытием в сентябре 1939 г. Коломенского государственного учительского института возглавил кафедру истории. Существуют расхождения в датах и в биографии И. П. Шмидта российского периода. Например, расхождение в информации о годах работы на кафедре истории в Коломенском институте: 1939–1942 гг. [41] или с 22 ноября 1941 г. по 1 октября 1942 г. [42]. Документально подтвержденным является факт, что с 1941 по 1948 гг. он состоял профессором, заведующим кафедрой и деканом Ярославского педагогического института. В 1946 г. награждён медалью «За доблестный труд», в 1948 г. — медалью «За отличную работу» [11. 88].

В начале лета 1949 г. волна кампании по борьбе с космополитизмом охватила Московскую высшую школу профессионального движения при ВЦСПС, реорганизованную в июне 1946 г. в специальное высшее учебное заведение, готовящее руководящих работников для ВЦСПС и ЦК профсоюзов. В числе первых «отвергнутых» оказался преподающий в этом

заведении с 1948 г. историю народов СССР И. П. Шмидт. Ему вменялось, что он «в своих лекциях восхвалял русский империализм, доказывая, что на определённых этапах истории России он играл положительную роль» [11. 88].

Опального, в который раз провинившегося профессора, удалили из столицы на более существенное расстояние – на Ближний Восток. С мая 1950 по август 1952 гг. в Самарканде И. П. Шмидт занимал должность профессора кафедры истории СССР Узбекского государственного университета, где вёл общий курс истории СССР XIX ст. и спецкурс о Великой Отечественной войне, руководил дипломными и аспирантскими работами. В связи с уменьшением объёма учебной нагрузки в начале 1952/53 учебного года его освободили от работы в университете. В связи с этим Главное управление университетов Министерства высшего образования СССР разрешило И. П. Шмидту участвовать в конкурсе на замещение вакансий и принять предложение на работу в любом вузе страны [11. 88].

В период послевоенных «проработочных» кампаний неблагонадёжных идеологических работников университеты восточной части СССР становятся одними из пристанищ опальных столичных профессоров. Под разными предложениями учёных и преподавателей еврейской национальности вытесняли из столичных и центральных вузов страны. В лучшем случае они получали от Министерства просвещения направления в периферийные, формирующиеся вузы. Проведение данной политики стало одним из направлений пополнения Кемеровского государственного педагогического института, реорганизованного из учительского института (сегодня Кемеровский государственный университет), высококвалифицированными кадрами [43]. Вследствие этого осенью 1952 г. И. П. Шмидт был направлен Министерством просвещения РСФСР на «освоение» Сибири – в Кемеровский педагогический институт. Чуть позднее в этот же институт была направлена ещё одна одесситка – микробиолог Сара Зигмундовна Хаит [44].

В Кемеровском педине И. П. Шмидта зачислили на долж-

ность профессора кафедры педагогики и истории с 1 декабря 1952 г. До 1 сентября 1953 г. он временно исполнял обязанности заместителя директора института по учебной и научной части, а с сентября 1954 г. зачислен заведующим кафедрой истории исторического факультета. Опытный профессор читал курсы лекций по истории СССР и новой истории на дневном и заочном отделениях, выступал с научными докладами на Учёном совете института и на студенческих собраниях, оказывал помощь молодым преподавателям в подготовке к экзаменам кандидатского минимума и в написании диссертаций. В 1954/55 учебном году по совместительству работал в Томском государственном университете имени В. В. Куйбышева [11. 89].

За годы работы в Сибири И. П. Шмидт продолжал пропагандистскую и просветительскую деятельность идеологического работника: выступал на предприятиях и в учреждениях города, читал курс истории СССР партийному и хозяйственному активу при Кемеровском горкоме КПСС и в Кемеровском вечернем университете марксизма-ленинизма. Принимал активное участие в общественной жизни института, являясь членом месткома и председателем учебно-производственной комиссии месткома. В целом три года условной ссылки И. П. Шмидта положительно повлияли на его политическую характеристику. В одной из них, подписанной директором пединститута В. С. Постниковым и секретарём парторганизации И. М. Костиным 5 февраля 1955 г., говорится: «Лекции и доклады проф. Шмидт И. П. читает на высоком идейно-политическом уровне, они пользуются популярностью у слушателей. ...Тов. Шмидт И. П. пользуется заслуженным авторитетом у преподавателей и студентов института» [11. 89].

Положительные отзывы о И. П. Шмидте высказывали не только ответственные лица института, но его и коллеги. Кемеровская исследовательница Е. С. Генина, основываясь на воспоминаниях современников И. П. Шмидта, указывает, что в памяти коллег он остался квалифицированным и эрудированным лектором, выступления которого вызывали неизменный

интерес, был порядочным, отзывчивым и общительным человеком. Служивцы отмечали, что он никогда не жаловался на судьбу, не было у него и обиды на власть. Подтверждением чего служит собственноручная запись из личного листка по учёту кадров: «Ранен в 1920 г. на польском фронте, прострелены ноги. По первому требованию Родины вполне готов и физически вполне пригоден к несению военной службы» [11. 90–91]. В Кемеровском пединституте И. П. Шмидт преподавал до августа 1955 г. «Оттепель» принесла с собой реабилитацию жертв сталинских репрессий. В 1954 г. был реабилитирован брат И. П. Шмидта, а в 1955 и он сам. По окончании 1954/55 учебного года был откомандирован в распоряжение Министерства просвещения РСФСР [11. 91], где получил направление в Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина (1956–1964). После продолжительной работы в Москве в середине 1960-х гг. по неустановленным пока причинам семидесятилетний профессор был переведён на работу на Дальний Восток – в Южно-Сахалинский педагогический институт, где преподавал на протяжении девяти лет – с 1965 по 1974 гг. [13]. Умер в январе 1975 г.

На протяжении всей карьеры в поле научных интересов И. П. Шмидта входила история партии. Нами установлено одиннадцать его печатных публикаций [45] (за данными Е. С. Гениной на начало 1950-х гг. более двадцати [11. 91]), изданных к середине 1930-х гг. При этом одна работа продублирована на русском и украинском языках. Статья «Против фальсификации истории Октября...» представляла собою рецензию на 4-й том «Истории ВКП(б)», изданный под редакцией Е. М. Ярославского. Именно данная работа привела к началу разгрома научной школы этого учёного, в коллективной работе под руководством которого рецензенты нашли «троцкистские установки» и наличие «грубо ошибочной правоопортунистической концепции» истории партии. Во время работы в Одесском университете И. П. Шмидт исследовал тему «Борьба революционного марксизма с народничеством» [46].

Есть свидетельства того, что в 1935 г. подготовил работу «Борьба большевиков за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую (1894—1917 гг.)», которая была обозначена среди научно-исследовательских работ исторического факультета [47]. Ничего не известно о её дальнейшей судьбе и даже о том, была ли она напечатана или речь шла лишь о рукописи.

Анализ работ И. П. Шмидта свидетельствует, что их автора можно отнести к такой части научно-педагогических кадров как компартийные выдвиженцы. В условиях тоталитаризации культуры они составляли авангард тех представителей науки, которые поддерживали организованные сверху идеологические кампании, выступали с критикой против коллег и однопартийцев, заподозренных в немарксистском преподавании предметов или в принадлежности к антипартийным течениям. Овладев марксистской фразеологией, такие учёные пытались презентовать свои работы в качестве новых подходов в области истории. Научные работы таких авторов были фактически беспомощными в исторической науке.

Учитывая, что родился он в Одессе, где провёл первые двадцать лет после рождения (1895—1915) и на протяжении трёх лет (1933—1936) занимал должность ректора ведущего высшего учебного заведения — Одесского гос. университета, то из восьмидесяти лет его жизни двадцать три года связаны с родным городом. А значительную часть жизни И. П. Шмидт провёл в Российской Федерации, где на протяжении почти пятидесяти лет являлся профессором многих высших учебных заведений. История к Исае Павловичу Шмидту была немилосердна, а судьба временами беспощадна. Не смотря на отсутствие научных достижений И. П. Шмидта, в истории высшей школы СССР он остаётся как неутомимый организатор и педагог, а расхождения в интерпретации отдельных биографических фактов нуждаются в подтверждении документальными источниками в следующих публикациях.

Литература:

1. Історія Одеського університету (1865–2000) / Голов. ред. В. - А. Сминтина. – Одеса, 2000. – С. 70.
2. Одесский университет за 75 лет (1865–1940). – Одесса, 1940. – С. 162.
3. Історія Одеського університету за 100 років (1865–1965). – К., 1968. – С. 69.
4. Одесский университет (1865–1990) / Л. А. Ануфриев, С. И. Аппатов, Ю. А. Амброз и др. – К., 1991. – С. 57.
5. Одесса. Очерк истории города-героя / Отв. ред. С. М. Ковбасюк. – Одесса, 1957. – С. 224.
6. Історія Одеси / Голов. ред. В. Н. Станко. – Одеса, 2002. – С. 352–353.
7. Михайлуца М., Кязимова Г. Долі на історичних шляхах. Біографічні нариси про директорів-реktorів ОНПТ–ОНМУ. – Одеса, 2005. – 55 с.; Музичко О. Є. Засновник Одеського інституту народного господарства професор Олексій Якович Шпаков (1868–1927): біографічний нарис. – Одеса, 2011. – 224 с.
8. Штернштейн Я. Встреча с первым ректором ОГУ И. П. Шмидтом // Знамя коммунизма. – 1972. – 15 августа; Афанасьев Ю. Н. Феномен советской историографии // Советская историография. – М., 1996. – С. 30, 39–40.
9. Шмидт Исая Павлович // Профессора Кемеровского государственного университета. – Вып. 1. – Кемерово, 1999. – С. 129.
10. Мирошниченко В. О. Шмідт Ісай Павлович // Професори Одеського (Новоросійського) університету. – Т. 1. – Одеса, 2000. – С. 76–78.
11. Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Кузбассе (конец 1940-х – начало 1950-х гг.). – Красноярск, 2003. – С. 83–92.
12. Левченко В. В., Петровський Е. П. Шмідт Ісай Павлович // Одеські історики. Том 1 (початок XIX – середина XX ст.). – Одеса, 2009. – С. 442–443.
13. Российская еврейская энциклопедия // Ресурс доступа: <http://www.rujen.ru/index.php>.
14. 44-я Киевская краснознаменная горнострелковая дивизия им. Щорса // Ресурс доступа: http://istor-44gsd.narod.ru/Html/person_2_1.html.

15. Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. — М., 2000. — С. 589.
16. Перин Р. Л. Гильотина для бесов. Этнические и психогенетические аспекты кадровой политики 1934–2000 гг. — СПб., 2001.
17. Государственный архив Одесской области (ГАОО). — Ф. 45. — Оп. 1, 3–5.
18. Громов М. М. На земле и в небе. — 2-е изд., доп. и испр. — М., 2005. — С. 53–54.
19. Фарбер М. Х. До відкриття Державного університету в Одесі / Чорноморська комуна. — 1933. — 21 серпня.
20. Оголошення про додатковий набір до ОДУ // Чорноморська комуна. — 1933. — 4 вересня.
21. Бюлетень Народного комісаріату освіти. — 1933. — № 30-31. — Ст. 147.
22. Центральний державний архів вищих органів влади України (ЦДАВО). — Ф. 166. — Оп. 11. — Спр. 352.
23. Урсу Д. П., Петровський Е. П. Відродження історичного факультету в Одеському державному університеті (1934 – 1941 роки) // Записки історичного факультету. “Одеса, 2008. “ Вип. 19. “ С. 236.
24. ГАОО. — Ф. 20. — Оп. 2. — Д. 5. — Л. 131–132.
25. Абрамов А., Шмидт И. Против фальсификации истории Октября под флагом «объективности»: О IV томе «Истории ВКП(б)», под ред. Е. Ярославского, изд. 1930 // Большевик. — 1931. — № 22.
26. Осипов-Шмидт Осип Павлович (1900–1938) — родился в Одессе; еврей; член ВКП(б); образование незаконченное высшее; в 1926–1928 гг. работал в лаборатории профессора С. В. Лебедева (1874–1934) по производству синтетического каучука из нефти; на 1937 г. заместитель наркома тяжёлой промышленности СССР; проживал: Москва, Хохловский пер., д. 11, кв. 8. Арестован 27 августа 1937 г., расстрелян 25 апреля 1938 г. Реабилитирован в 1954 г. См.: Расстрельные списки. Москва, 1937–1941. «Коммунарка», Бутово. Книга памяти жертв политических репрессий. — М., 2000. — С. 307.
27. ГАОО. — Ф. 20. — Оп. 1. — Д. 19, 20; Оп. 2. — Д. 5; Оп. 4. — Д. 44, 94.
28. ГАОО. — Ф. 11. — Оп. 1. — Д. 878. — Лл. 11–20.
29. Левченко В. В., Петровський Е. П. Штрихи до біографії професора О. О. Сухова (до 70-річчя з часів трагічних подій) // Юго-Запад. Одессика. — Вип. 6. — Одесса, 2008. — С. 207–226; Левченко-

В. В., Петровський Е. П. Сухов Олександр Опанасович // Одеські історики. Том 1 (початок XIX – середина XX ст.). – Одеса, 2009. – С. 391–394.

30. Архив Управления службы безопасности Украины в Одесской области. – Ф. П. – Д. 14225-п. – Л. 467.

31. Рувинський Л., Дікштейн Ю. Вище більшовицьку пильність / Молода Гвардія. – 1934. – 26 листопада.

32. Урсу Д. П. «...особенно засорён враждебным элементом» (Одесский университет в 20–30-е годы) // Одеський університет. – 1995. – 12 травня.

33. ГАОО. – Ф. 11. – Оп. 1. – Д. 878. – Л. 37.

34. ГАОО. – Ф. 20. – Оп. 3. – Д. 67.

35. ГАОО. – Ф. 20. – Оп. 4. – Д. 94.

36. Петровський Е. П. З історії історичного факультету Одеського університету у 1930-ті роки: декан Ізраїль Давидович Сероглазов // Записки історичного факультету. – Одеса, 2004. – Вип. 15. – С. 509–520; Петровський Е. П. Сероглазов Ізраїль Давидович // Одеські історики. Енциклопедичне видання. Том 1 (початок XIX – середина XX ст.). – Одеса, 2009. – С. 348–350.

37. Петровський Е. П. Іван Іванович Погорілий (1899–1937): трагічна доля керівника кафедри історії України Одеського університету // Проблеми історії України: Факти, судження, пошуки. – К., 2004. – Вип. 12. – С. 380–388; Петровський Е. П. Погорілий Іван Іванович // Одеські історики. Том 1 (початок XIX – середина XX ст.). – Одеса, 2009. – С. 306–308.

38. О нём см.: Левченко В. В., Петровський Е. П. «Арештувати як українського есера...» (до біографії професора філософії та педагогіки Одеського державного університету Михайла Гордієвського) // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. – 2008. – № 1/2. – С. 415–432; Левченко В. В., Петровський Е. П. Гордієвський Михайло Іванович // Одеські історики. Том 1. – С. 102–104; Левченко В. В., Петровський Е. П. Михайло Іванович Гордієвський: постать на тлі революційних змагань 1917–1920 років в Одесі // Регіональні проблеми української історії. – Вип. 3. – Умань, 2010. – С. 28–31; Музичко О. Михайло Гордієвський: одеський теоретик української державності // Чорноморська хвиля української революції. – Одеса, 2011. – С. 314–332.

39. Збірник наказів НКО УСРР. – 1938. – № 9. – Ст. 63.

40. ГАОО. – Ф. П-11. – Оп. 1. – Д. 1564. – Л. 11–21.

41. Московский государственный областной социально-гуманитарный институт (Коломенский государственный педагогический институт) // <http://www.kolomna-kgpi.ru/index.php?option=comcontent&task=view&id=278>

42. Московский государственный областной социально-гуманитарный институт (факультет истории, управления и сервиса) // <http://fius-mgosgi.ru/history.html>

43. Кемеровский государственный университет: Страницы истории. – Кемерово, 2002. – С. 19.

44. О ней см.: Левченко В. В. Історія Одеського інституту народної освіти (1920–1930 рр.): позитивний досвід невеликого експерименту. – Одеса, 2010. – С. 149, 315, 390.

45. Против фальсификации истории Октября под флагом «объективности»: О IV томе «Истории ВКП(б)», под ред. Е. Ярославского, изд. 1930 // Большевик. – 1931. – № 22 (в соавторстве); Мы уверенно идём к победе коммунизма. – М., 1933. – 60 с.; Ми впеvнено йдемо до перемоги комунізму. – К., 1933. – 60 с.; Школа більшовицьких наукових кадрів // Чорноморська комуна. – 1933. – 5 листопада; Новий потужний важіль національно-культурного будівництва // Чорноморська комуна. – 1934. – 14 січня; Дбати за студента // Чорноморська комуна. – 1934. – 21 жовтня; Квітневі тези Леніна // Чорноморська комуна. – 1935. – 17 квітня; Перша наукова сесія // Чорноморська комуна. – 1935. – 12 травня (в соавторстве); Бій під Комарівцями // Чорноморська комуна. – 1935. – 12 червня; Більшовизм у боротьбі з народництвом // Чорноморська комуна. – 1935. – 12 серпня; Країна суцільної грамотності // Чорноморська комуна. – 1936. – 24 червня.

46. Петровський Е. П. Кадрова ситуація на історичному факультеті Одеського державного університету в 1930-х роках // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. – Вип. 13. – К., 2005. – С. 263.

47. Шмідт І. П., Склярук Д. І. Перша наукова сесія // Чорноморська комуна. – 1935. – 12 травня.

ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

Наукове видання

ПІВДЕННИЙ ЗАХІД. ОДЕСИКА

Історико-краєзнавчий науковий альманах

Випуск 14

Українською та російською мовами

Технічний редактор Л. Нарушевич
Коректор Н. Чолак
Обкладинка М. Балобанов

Підписано до друку 30.07.2012. Формат 60x84 1/16
Гарнітура Bodoni СТТ. Друк офсетний.
Фіз. друк. арк. 17,4. Ум. друк. арк. 16,26.
Наклад 300 прим. Зам. №

Видавничо-поліграфічне підприємство «Друкарський дім»
Свідоцтво ДК2 № 1732 від 29.03.2004.
Одеса, вул. Садова, 3. Тел.: 32-82-04
E-mail: p_dom@tvweek.odessa.ua